

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт психологии Российской академии наук

На правах рукописи

Немировская Наталья Геннадьевна

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Н.
ДРУЖИНИНА**

Специальность 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии»
(психологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
профессор
Кольцова Вера Александровна

Москва, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Реконструкция этапов жизни, творческого пути и тематики научных исследований В.Н. Дружинина	10
1.1. Методологические основы исследования научного творчества ученого.....	10
1.2. Периодизация жизненного пути и научной деятельности В.Н. Дружинина.....	22
1.3. Историографический анализ научного наследия В.Н. Дружинина: тематика научных работ.....	27
1.4. Эволюция психологических взглядов В.Н. Дружинина и основные научные результаты.....	38
Глава 2. Психологические взгляды В.Н. Дружинина	44
2.1. Проблема психологии способностей.....	44
2.1.1. Основные определения и подходы к исследованию проблемы способностей.....	44
2.1.2. Психологическая концепция способностей В.Н. Дружинина.....	50
2.2. Проблема интеллекта и креативности в трудах В.Н. Дружинина.....	56
2.2.1. Исследования интеллекта.....	56
2.2.2. Соотношение интеллекта и креативности.....	62
2.3. Экспериментальная психология, психодиагностика, методология психологии.....	66
2.4. Психология семьи.....	78
2.5. Экзистенциальная психология.....	85
Глава 3. Реконструкция особенностей личности и индивидуального стиля научной деятельности. Перспективы развития идей В.Н. Дружинина	90
3.1. Организация эмпирического исследования.....	90
3.2. Оценка научного наследия В.Н. Дружинина и его вклада в разные отрасли психологии.....	93
3.3. Особенности личности В.Н. Дружинина и факторы ее формирования.....	100
3.4. Индивидуальный стиль научной деятельности В.Н. Дружинина.....	112
3.5. Проблема научной школы и перспективы развития идей В.Н. Дружинина в современной психологии	117
Выводы	132
Список литературы	135
Приложения	145

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Изучение жизни и научного творчества Дружинина определяется востребованностью его огромного психологического наследия, характеризующегося научной многогранностью, широтой исследуемых проблем, оригинальностью подходов и идей. Научные труды Дружинина имеют не только историческую ценность; они важны и для современной психологической науки, направляя и стимулируя ее поиски в ряде ключевых направлений. В условиях решения задач модернизации и инновационного развития современного российского общества выдвинутый Дружининым ресурсный подход, направленный на максимально полную реализацию потенциалов и возможностей личности, приобретает особое, как научное, так и практическое значение.

В русле историко-психологического дискурса важное место занимает анализ научного наследия ученых – создателей психологического знания. В последние годы обозначилась тенденция комплексного изучения психологических взглядов ученых, внесших весомый вклад в построение системы психологической науки в советский период – Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, Е.А. Будиловой, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, А.Р. Лурия, Я.А. Пономарева, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова и др. (Абульханова-Славская, Славская, 2010; Алексеенко, 2006; Зверева, 2012; Корсакова, Микадзе, 2012; Леонтьев, 2006; Логинова, 1991; Носкова, 1998; Славская, 2015 и др.). К числу ученых, оставивших яркий след в истории отечественной психологии второй половины XX в., относится В.Н. Дружинин.

Исследование научного наследия и творческой «лаборатории» психологической мысли Дружинина позволяет, во-первых, определить его место в истории отечественной психологии и вклад в ее развитие; во-вторых, акцентировать внимание на его новаторских идеях в области исследования методологии психологии, психологии и психодиагностики общих способностей, важных для решения задач, стоящих перед современной наукой и практикой; в-третьих, проследить судьбу его креативных идей и продуктивных наработок в современной психологической науке.

Степень разработанности темы исследования

Научные взгляды Дружинина рассматриваются и анализируются многими современными учеными (Д.Б. Богоявленская, А.Н. Воронин, Н.Б. Горюнова, В.В. Знаков, А.В. Карпов, В.А. Мазиллов, Г.В. Ожиганова, М.А. Холодная, В.Д. Шадриков, И.Б. Шуванов и др.). Основные научные результаты исследований Дружинина объединены в отдельном

томе избранных трудов Института психологии РАН, подготовленном в лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина (2007б). М.А. Холодная (2002а; 2005б; 2007; 2015) неоднократно подчеркивала важность трудов Дружинина для развития современной психологии способностей, в частности, ресурсного подхода к рассмотрению интеллекта. Проблема когнитивного ресурса и интеллектуального диапазона получила свое дальнейшее развитие в работах А.Н. Воронина (2005; 2010; 2015; 2016) и Н.Б. Горюновой (2005; 2010; 2015; 2016). На основе гипотезы Дружинина о том, что основным механизмом формирования креативности является подражание, Г.В. Ожигановой (2005) был разработан метод пролонгированной диагностики и формирования креативности у детей младшего школьного возраста. В.А. Мазилев отмечал важность изучения и дальнейшей разработки методологических вопросов психологии, рассмотренных в работах Дружинина (2005; 2015).

В Институте психологии РАН регулярно проходят Всероссийские конференции, посвященные памяти В.Н. Дружинина, по материалам которых выпускаются сборники материалов конференций и коллективные монографии, отражающие современные исследования проблем способностей, интеллекта и творчества (Психология интеллекта и творчества, 2010; Современные исследования интеллекта и творчества, 2015). Помимо развития научных идей, в этих сборниках представлены и воспоминания современников о Дружинине (Психология способностей, 2005). В Сочинском Государственном университете организуются ежегодные Всероссийские научно-практические конференции, объединенные идеей изучения и развития инновационных подходов, разработанных Дружининым в экспериментальной психологии, психологии общих способностей, экзистенциальной психологии, психологии семьи и других направлениях психологии. По результатам конференций выпускаются сборники научных материалов (Дружининские чтения, 2004; 2005; 2007; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015).

Вклад Дружинина в отечественную психологию общепризнан и получил заслуженно высокую оценку. Однако жизненный путь и творчество Дружинина до сих пор не было предметом целостного изучения и осмысления. Этим определяется актуальность темы исследования и поставленная **научная проблема** – целостное исследование научного наследия Владимира Николаевича Дружинина в единстве его предметно-логической, персонологической и социальной составляющих.

Цель исследования – реконструкция научной биографии Дружинина, оценка вклада ученого в развитие отечественной психологии; выявление этапов и анализ основных результатов его научно-практической деятельности.

Задачи исследования:

- на основе анализа исследований проблем личности и научного творчества ученого в науковедении и психологии разработать теоретическую модель реконструкции научного наследия и индивидуального стиля деятельности ученого на примере личности Дружинина и его научного творчества;

- выделить основные этапы жизненного и творческого пути Дружинина, главные направления его психологических исследований, раскрыть логику и динамику развития его научных взглядов;

- на основе анализа трудов Дружинина охарактеризовать общепсихологические воззрения Дружинина, сущность взглядов ученого на психологию способностей, экспериментальную психологию, методологию психологии, психологию семьи, экзистенциальную психологию;

- выявить новые и наиболее значимые научные идеи Дружинина: представление о ситуативной психодиагностике, модель «интеллектуального диапазона» и ресурсный подход к пониманию природы интеллекта;

- раскрыть особенности индивидуального стиля его научной деятельности;

- обосновать место научного наследия Дружинина в современной психологии.

Объект исследования – психологическое наследие и научно-практическая деятельность Дружинина, опубликованные работы ученого, его эпистолярное наследие, а также устные и письменные воспоминания коллег о нем.

Предмет исследования – реконструкция творческого пути и научного наследия Дружинина, раскрытие его предметно-логической, личностной и социальной составляющих, его вклада в разработку проблем психологии общих познавательных способностей и психодиагностики, дальнейшего развития и продуктивного использования его идей и концепций в современной психологии.

Методологическую базу и теоретическую основу исследования составляют основополагающие принципы историко-психологического познания: детерминизма, развития, системности, единства социального, предметно-логического и личностного аспектов в исследовании психологического познания (Б.Г. Ананьев, О.А. Артемьева, Е.А. Будилова, А.Н. Ждан, В.А. Кольцова, Б.Ф. Ломов, Ю.Н. Олейник, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, М.Г. Ярошевский и др.), а также теоретические положения, касающиеся изучения личности ученого и научного творчества (А.Г. Аллахвердян, Н.А. Логинова, В.А. Мазилев, Г.Ю. Мошкова, Я.А. Пономарев, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский и др.).

Методы и методики исследования:

Сравнительно-исторический анализ научных и биографических материалов; метод психолого-исторической ретроспективной реконструкции личности ученого и научного

творчества; источниковедческий метод; метод интервью; метод контент-анализа; метод сленгового анализа; метод экспертной оценки; метод качественного анализа; метод периодизации научного творчества; методы наукометрического анализа; общенаучные методы анализа, обобщения и систематизации идей В.Н. Дружинина.

Достоверность и надежность полученных результатов и выводов, полученных в исследовании, обеспечиваются реализацией фундаментальных принципов методологии историко-психологического исследования, опорой на верифицированные положения психологической науки, применением методов, адекватных предмету и задачам исследования, проработкой и анализом публикаций в соответствии с требованиями истории науки.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении в научном наследии Дружинина продуктивных подходов, представляющих важное значение для современных научных и практических разработок в области психологии способностей, интеллекта, творчества, экспериментальной психологии и психодиагностики, методологии психологии, психологии семьи и экзистенциальной психологии.

Выделены новые научные идеи ученого и концептуальные основания разработки проблем психологии общих способностей: представление о ситуативной психодиагностике, модель «интеллектуального диапазона» и ресурсный подход к пониманию природы интеллекта.

Разработана теоретическая модель реконструкции научного наследия и индивидуального стиля деятельности Дружинина, которая может использоваться при изучении научного наследия других ученых.

Практическая значимость исследования состоит в раскрытии возможностей использования и дальнейшего развития продуктивных идей и разработанных Дружининым практических методов для выявления способностей.

Многие рекомендации Дружинина по диагностике способностей могут быть внедрены в образовательную практику и использоваться для адекватной оценки результатов учебной деятельности.

Изучение жизненного и творческого пути ученого является важной задачей на современном этапе развития нашего общества, испытывающего потребность в воспитании креативной и творческой личности, так как вскрывает факторы его формирования и развития, обозначает необходимые условия продуктивного взаимовлияния в системе «творческое развитие личности (ученого) – социальное окружение – общество».

Научная новизна исследования состоит в углубленном целостном изучении психологического наследия Дружинина; в систематизации его общепсихологических

взглядов на природу общих познавательных способностей, психодиагностику способностей, психологию интеллекта и творчества; в разработке периодизации научного творчества ученого, рассмотрении логики и динамики развития его научных взглядов; в выделении ключевых черт индивидуального стиля научной деятельности автора; в выявлении факторов, оказавших влияние на формирование его личности и научного творчества.

На основе анализа исследований проблем личности и творчества ученого в науковедении и психологии разработана теоретическая модель реконструкции научного наследия и индивидуального стиля деятельности ученого на примере личности Дружинина и его научного творчества.

Все этапы научной деятельности Дружинина представлены в их единстве, что позволило выявить его вклад в отечественную психологическую науку. Впервые предпринята попытка проанализировать логику развития идей Дружинина в социальном контексте развития психологии конца XX столетия.

Показано значение для современной психологии таких психологических идей Дружинина, как представление о ситуативной психодиагностике, модель «интеллектуального диапазона» и ресурсный подход к пониманию природы интеллекта.

Доказана востребованность продуктивного подхода Дружинина к решению проблем психологии способностей, психологии семьи, методологии психологии. Обосновано, что реализация подходов ученого в разных направлениях психологии обеспечит возможность дальнейшего успешного развития данных областей.

Впервые проведен анализ научных достижений, индивидуального стиля научной деятельности и личностных особенностей Дружинина с помощью использования авторской методики интервью.

Апробация результатов исследования

Материалы исследования обсуждались на заседаниях лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН (2010–2017); на Всероссийских и Международных конференциях: Международной научно-практической конференции «Социально-психологические проблемы современной семьи и воспитания» (Москва, 1–2 октября 2011 г.); V съезде Российского психологического общества (Москва, 14–18 февраля 2012 г.); Международной научной конференции «Человек, субъект, личность в современной психологии: к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского» (Москва, 10–11 октября 2013 г.); V Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» (Москва, 2013 г.); Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные научные исследования: взгляд молодых ученых» (Москва, 2014 г.); XIV Всероссийской научно-практической конференции Дружининские чтения (Сочи, 21–23 мая

2015 г.); Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи» (Москва, 29–30 июня 2016 г.); Третьем международном симпозиуме «Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования» (Москва, 20–21 октября 2016 г.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Теоретическая модель реконструкции научного наследия ученого включает целостное воссоздание основных этапов его жизни и творчества, раскрытие логики и динамики развития научных взглядов; выявление особенностей личности ученого, факторов ее формирования и развития, индивидуального стиля деятельности и позволяет выделить перспективы развития идей ученого в современной науке.

2. Психологические взгляды В.Н. Дружинина продолжают оставаться востребованными и широко используются в отечественной психологии способностей, творчества, интеллекта, методологии психологии, экспериментальной психологии, психологии семьи и экзистенциальной психологии. Системообразующей основой развития его научных идей и подходов выступает исследование психологии способностей, определившее, в свою очередь, обращение ученого к разработке проблем методологии, принципов экспериментальной психодиагностики, изучению влияния семейного воспитания и роли эмоциональной поддержки в формировании способностей и повышении интеллектуальной продуктивности, в выходе на уровень экзистенциального анализа способности человека конструировать свой жизненный путь.

3. Индивидуальный стиль научной деятельности Дружинина, обусловленный особенностями его личности, характеризуется высочайшей работоспособностью, критичностью мышления, необычайной широтой интересов и научной эрудицией, новаторством взглядов и подходов, интенсивностью научной деятельности, высокой познавательной активностью, умением чувствовать запросы времени и оперативно реагировать на них, практической ориентированностью идей при высоком теоретическом уровне их проработки, способностью генерировать идеи при отсутствии интенции в их развертывании и проработке деталей, организаторскими и коммуникативными способностями.

4. Ключевое место в творчестве В.Н. Дружинина занимают разработанные им принципы ситуативной психодиагностики, модель «интеллектуального диапазона» и ресурсный подход к пониманию природы интеллекта, которые содержат глубокий эвристический потенциал для инновационных разработок теоретических основ современной психологии способностей, интеллекта и творчества, возможностей их практического применения.

5. Креативность идей и высокая продуктивность научно-практических разработок Дружинина обусловлена не только широтой его научных познаний, но и особенностями личности ученого, его ориентацией на решение социально значимых проблем расширения потенциалов человека и максимального использования интеллектуальных ресурсов, его общественной позицией как специалиста-профессионала, что выражается в постоянном росте публикационной активности в каждом периоде жизни и в увеличении спектра рассматриваемых проблем и направлений психологической науки, востребованных обществом.

Структура и объем диссертации

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, выводов, списка литературы и приложений. Объем основного текста диссертационной работы – 135 страниц. Список литературы включает 197 источников. Диссертационная работа содержит 16 таблиц и 7 рисунков. В приложениях диссертации представлена полная библиография работ В.Н. Дружинина и материалы интервью с его коллегами.

ГЛАВА 1. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТАПОВ ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ И ТЕМАТИКИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В.Н. ДРУЖИНИНА

1.1. Методологические основы исследования научного творчества ученого

На рубеже XX–XXI столетий отечественная психология столкнулась с серьезными трудностями, обусловленными коренным изменением социальных условий ее развития (Кольцова, 2004; 2007; 2008). Ряд авторов указывает на существование методологического кризиса российской психологии как проявления глобального системного кризиса всей мировой психологической науки (Борисенков, 2006; Журавлев, Ушаков, Юревич, 2015; Зверева, 2012; Мазилев, 2001; Юревич, 1999; Шульдин, 2001). Согласно их представлениям, методологический кризис проявляется в увеличении прикладной ориентированности науки при недостаточности внимания к фундаментальным разработкам в области психологии; в противопоставлении естественнонаучного и гуманитарного подходов; в утрате философского базиса психологии.

Сильной стороной отечественной психологической школы всегда были фундаментальные научно-теоретические разработки, а их ослабление в настоящее время приводит к разрыву преемственности в развитии научного знания. В этих условиях особую роль приобретает глубокое изучение истории российской психологической науки, выявление конструктивных идей и подходов, определивших ее достижения в XX столетии. Разработке историко-психологических проблем посвящены работы И.С. Алексеенко, Б.Г. Ананьева, В.В. Аншаковой, О.А. Артемьевой, В.А. Богданчикова, В.В. Большаковой, Е.А. Будиловой, А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, Н.А. Логиновой, В.А. Мазилова, Т.Д. Марцинковской, Е.С. Миньковой, И. Мироненко, А.А. Никольской, О.Г. Носковой, Ю.Н. Олейника, А.В. Петровского, М.В. Соколова, Е. Соколовой, Б.М. Теплова, В.В. Умрихина, М.Г. Ярошевского и других авторов. Способствуя сохранению всего ценного, что создано в отечественной психологии на разных этапах ее развития, историко-психологические исследования помогают лучше понять современное состояние психологической науки, выявить точки ее роста и тенденции будущего развития. В нашем исследовании предметом историко-психологического исследования выступает научное творчество Дружинина.

Проблемы изучения научного творчества ученого, факторов его формирования и развития приобрели в современную эпоху исключительную актуальность. Поэтому важно проанализировать работы, посвященные психологическому исследованию научного

творчества, рассмотреть основные проблемы и тенденции, чтобы в своем диссертационном исследовании опираться на продуктивные идеи и решения.

В познавательной деятельности человека особое значение принадлежит *творчеству* как высшей форме человеческой активности и самостоятельности. В широком смысле под творчеством понимается такая деятельность человека, которая направлена на создание новых материальных и духовных ценностей, обладающих общественной значимостью. Творчество может проявляться в любой сфере человеческой деятельности.

Способность к творчеству, в том числе к научному, – динамическое образование, которое проявляется на разном уровне, с различной интенсивностью в разные периоды жизни. «Говоря о формировании ученого, о динамике его творчества, несправедливо было бы ограничиться каким-либо отдельным периодом, игнорируя тот факт, что каждый период, какими бы существенными признаками он ни отличался от другого, представляет лишь компонент нераздельного, единого процесса жизни личности. Детство или юность в формировании творческой личности может иметь не меньшее значение, чем зрелые годы» (Микулинский, Ярошевский, 1969, с. 16).

Научное творчество приобрело особое значение в современном мире, когда наука стала областью массовой деятельности людей, основой прогресса, высшей, наиболее продуктивной формой деятельности. «Понимание природы научного творчества необходимо для выполнения исследований на надлежащем уровне, и, следовательно, для их углубления и повышения теоретической и практической ценности» (Черняк, 2007, с. 8).

Специфика научного творчества изучается с разных сторон историками науки, науковедом, психологами, социологами и др. Как отмечает отечественный ученый Г.И. Рузавин, эта проблема привлекает все больше внимания специалистов в области философии, методологии и логики науки: «Они начинают осознавать, что, ограничивая задачи философии науки анализом существующего знания, нельзя получить адекватного представления о генезисе новых научных идей, а тем самым правильного понимания собственно творческой деятельности в науке» (Рузавин, 1985, с. 40).

Научное творчество – это комплексная проблема, для решения которой нужен синтез различных подходов. Исследование научного творчества включает рассмотрение целого ряда проблем: анализ способностей и особенностей творческой личности и самого процесса творчества; рассмотрение вопросов, связанных с работой исследователя в научном сообществе – с другими учеными, научными коллективами; оценка значения научного творчества для развития теории и практики.

Основная задача научного творчества, как считает Н.В. Пилипенко, заключается в том, чтобы «через познание в реальной действительности единичного, индивидуального,

поверхностного вскрыть присущее ей общее, внутреннее, которое отражается в форме понятий, категорий, проникнуть вглубь явлений, предметов, обнаружить их сущность, законы развития» (Пилипенко, 1971, с. 73). Научное творчество – не самоцель, а условие познания закономерностей окружающего мира с целью его преобразования в интересах человека. «Научное творчество – деятельность, направленная на производство нового знания, которое получает социальную апробацию и входит в систему науки; совокупность высших познавательных процессов, расширяющих границы научного знания. Под научным творчеством понимается работа, призванная непосредственно удовлетворять потребности познания окружающего мира, целесообразно изменять и улучшать его» (Андросова, 2013, с. 12). Вместе с тем, научный труд – один из наиболее сложных видов человеческой деятельности, требующий многолетней предварительной подготовки и особых условий.

В отечественной философской и науковедческой литературе долгое время преобладало понимание субъекта научного творчества как общества в целом или научного коллектива. Как справедливо отмечается, «такой подход не только нивелировал представление о субъекте научного творчества, но и уводил в сторону от необходимости изучения субъективно-психологических, личностных аспектов процесса открытия нового» (Рогов, Кайдаков, Кроха, 2004, с. 6). Между тем, очевидно, что эффективность творческого труда чрезвычайно сильно зависит от состояния человека (легко расстроить направленность мысли, а восстановить творческое состояние очень трудно).

Среди ученых все более популярным становится подход, согласно которому главным моментом в творчестве, в том числе и научном, является не столько результат, сколько сам *процесс*. Первичным в научной деятельности является ее субъект, который реализует процесс нахождения нового, оригинального. Творческий процесс, с одной стороны, предполагает способность субъекта (человека) научной деятельности выходить за пределы ранее достигнутого, с другой стороны, возможность временного отрыва от влияния внешней среды в сферу субъективности из-за того, что творческая деятельность – это самостимулирующийся процесс, характеризующийся стремлением реализовать себя в продукте. Только в условиях такой *автономности* творческого процесса возможен поиск, ломка стереотипов, шаблонов и самоизменение личности самого творца. Человек науки создает уникальный продукт, который затем начинает свою самостоятельную, независимую от его создателя жизнь в поле деятельности научного сообщества.

При рассмотрении структуры творческого процесса в нем обычно выделяют следующие этапы: возникновение проблемы; нахождение ее решения; его проверка; тиражирование. Конечно, такое рассмотрение творческого процесса отражает его структуру лишь схематически; в реальности нет такой жесткой очередности этапов. Но каждый из

этапов – необходимый компонент целостного процесса, где каждый из них постоянно проникает друг в друга.

В центре проблемы научного творчества стоит вопрос о закономерностях получения новых научных знаний. В литературе по проблемам научного творчества в подходе к разрешению данного вопроса, как отмечает Я.А. Пономарев, сложились две противоположные тенденции: 1) одни ученые считают, что достижение нового знания осуществляется в результате плавного *логического акта*; 2) другие полагают, что оно предполагает включение в исследовательский процесс *интуитивного момента* (Пономарев, 1969). Понимание научного творчества как плавного логического акта привлекает сторонников твердых методологических позиций, противостоящих интуитивизму. Другие исследователи, наоборот, считают, что процесс научного творчества не сводится к логическим операциям. Хотя они и не отвергают роль логики в научном открытии, но утверждают, что путь к принципиально новым результатам лежит через интуитивные решения, процесс которых не осознается их творцами.

По мнению С.В. Кайдакова, сторонники той и другой тенденции в анализе научного творчества преувеличивают логическую или интуитивную сторону творческого процесса. Творческий процесс включает два этапа. Первый этап – это индивидуальный акт, глубоко личный, основанный на внутренней мотивации ученого (способность нерационально, необычно смотреть на мир). Второй – это групповая деятельность, состоящая в оценке научным сообществом новых идей и достижений в науке по критериям, одинаковым для всех ученых (необходим холодно-логический, остро-аналитический ум, чтобы проверить правильность новых результатов). Таким образом, «наиболее таинственной, скрытой от объективного наблюдателя сферой в творческой деятельности человека является его субъективная сфера» (Рогов, Кайдаков, Кроха, 2004, с. 13).

Я.А. Пономарев, анализируя развитие проблем научного творчества в советской психологии, выделил основную тенденцию изменений в общем подходе к исследованиям творчества. «Тенденция эта выражается в постепенном движении от нерасчлененного, синкретического описания явлений творчества, от попыток непосредственно охватить эти явления во всей их конкретной целостности к выработке представления об исследовании творчества как о комплексной проблеме – в движении по линии дифференциации аспектов, выявления ряда различных по своей природе закономерностей, детерминирующих творчество» (Пономарев, 1976, с. 8).

В середине XX в. изменилось направление исследований психологии творчества, что выразилось «в отказе от презумпции уникальности творческого акта и творческой личности. На смену представлениям о том, что своеобразие этой личности обусловлено генетическими,

патологическими или какими-либо иными отклонениями от нормального психологического статуса, приходит убеждение во всеобщности творческих потенций, лишь актуализируемых в различной степени» (Ярошевский, 1971, с. 23). Задача психологии научного творчества, по мнению М.Г. Ярошевского, состоит в исследовании возникновения индивидуально-неповторимого плана и изучении того, «в каких формах предстает и преобразуется в мышлении ученого проблемная ситуация, как происходит управление научным поиском, под действием каких факторов рождается решение и в каких случаях оно оказывается оптимальным, как восприятие нового результата и его интерпретация (оценка) научной и более широкой социальной средой влияют на дальнейший ход деятельности отдельных ученых и их групп» (Ярошевский, 1971, с. 40).

Для рассмотрения специфики психологии человека науки важны такие его сущностные черты, как *способность выходить за пределы достигнутого* (т.е. тех знаний, которые имеются сегодня), готовность к ломке сложившихся стереотипов, умение критически осмыслить, казалось бы, незыблемые, устоявшиеся идеи и подходы. По мнению С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского, «поиски новых решений и подходов обусловили потребность в анализе процессов научного творчества, разбудили желание ученых проникнуть в собственную творческую лабораторию и выявить те качества, обладание которыми делает человека науки способным на решительное преобразование устоявшихся представлений и принципов, на созидание нового» (Микулинский, Ярошевский, 1969, с.5). В преодолении познавательных барьеров главную роль играет мышление, реализующееся за счет личностных особенностей, которые имеются в психике: «особого взаимодействующего единства ума и эмоциональной сферы» (Рогов, Кайдаков, Кроха, 2004, с. 23).

Основным результатом деятельности ученого и кульминацией научного творчества является *научное открытие*, т.е. выявление новых фактов, связей между ними, принципов и законов. Научное творчество и его результаты определяются через их зачисление в разряд научного открытия или соотношения с научным открытием. Как отмечает А.Н. Суворова, подлинная научная деятельность (ядром которой является научное творчество) обусловлена особым неосознаваемым *личностным видением мира*, которое, в свою очередь, лежит в основании уникального творчества ученого, закономерно приводящего к научному открытию. «Научное открытие находится в эпицентре научного творчества, а научное творчество закономерно приводит своего обладателя к научному открытию» (Суворова, 2005, с. 202).

В свою очередь, это ставит проблему раскрытия структуры, динамики и механизмов, обеспечивающих прорыв мысли ученого к новым сферам и уровням познания. «В проблеме научного открытия ярко проявляется связь между логическим, социологическим и

психологическим подходами к деятельности ученого. Хотя во всяком научном открытии имеется элемент случайности и индивидуальной неповторимости, оно совершается в соответствии с объективным законом движения научного знания» (Микулинский, Ярошевский, 1969, с. 12–13).

Таким образом, понять научное творчество – это значит выяснить, как работала исследовательская мысль, стремясь постичь действительность. Научное творчество – продуктивная деятельность в условиях проблемных ситуаций, то есть деятельность по решению нестандартных, оригинальных задач и проблем. Творческий процесс состоит в движении к искомому результату в условиях отсутствия алгоритма поиска. Этот процесс не предопределен заранее и формируется в ходе самой поисковой деятельности. Любой творческий акт уникален новизной своего результата и оригинальностью путей, средств и способов его получения.

Подлинная биография ученого – это раскрытие «драмы идей», изгибов, сложностей, парадоксов творческого процесса, поражений и радостей победы. В этой связи хочется подчеркнуть, что в биографии ученого характеристика его творческого мышления – «это опять-таки проблема отражения не только типических особенностей научного творчества, но и индивидуальности ученого» (Мейлах, 1974, с.16).

Из всего выше сказанного можно заключить, что методология изучения научных биографий – проблема комплексная, и ее успешная разработка требует объединения усилий историков, философов, психологов и т.д. Исследователь, анализирующий творческий путь и личность ученого, должен изучить все доступные материалы, убедиться в достоверности фактов, вникнуть в суть деятельности ученого, понять психологическую структуру его личности; только такое детальное изучение и есть залог успеха.

Проблема личности является одним из наиболее важных и обсуждаемых разделов психологии. Это направление представлено многочисленными теориями и подходами, по-разному интерпретирующими природу личности, ее структуру и динамику, что обуславливает и сложность исследования личности ученого. Началом периода изучения личности ученого можно считать издание работы А. Роу «Становление ученого» (Roe, 1953). В ней на основе тщательного изучения современных ученых был сделан вывод об отсутствии отличий психологических особенностей ученых от остальных людей. Эмпирические данные этого исследования до сих пор цитируются и используются для интерпретации.

Большинство последующих эмпирических исследований в этой области было направлено на поиск специфических свойств, характерных для личности ученого. Однако создать психологический портрет ученого на основе этих данных не удалось из-за огромного количества противоречивых характеристик, представляющих разные уровни личности

(интеллектуальные, мотивационные, характерологические) без какой-либо иерархии. В коллективной монографии «Психология науки» отмечается, что «особая роль в структуре личности ученого принадлежит мотивационным компонентам, т.е. побуждениям, направляющим его деятельность, целям, к которым он стремится, желаниям, которые он удовлетворяет в работе» (Аллахвердян, Мошкова, Юревич, Ярошевский, 1998, с. 182). Специфическое сочетание интеллектуальных и мотивационных составляющих личности определяет продуктивность личности. Подчеркивается, что «настоящий» ученый любит науку ради нее самой, а не ради тех благ, которые она дает. Кроме того, в психологии один и тот же термин зачастую понимается по-разному и, наоборот, идентичные в смысловом отношении понятия имеют разные обозначения. Значительную трудность представляет также разработка адекватных экспериментально-психологических методов измерения характеристик личности ученого (там же).

В связи с этим представляется важным обратиться к опыту психобиографического изучения личности ученого, которое позволяет получить ретроспективную картину жизненного пути и глубже заглянуть во внутренний мир ученого. Исследование человека науки средствами самой науки приобрело особую актуальность в современную эпоху. Научная биография является одной из форм такого исследования. М.Г. Ярошевский, делаясь своим опытом изучения биографии И.М. Сеченова, пишет: «Приступая к работе, биограф сосредоточивает свое внимание, прежде всего, на том, каков уникальный вклад его героя в научный прогресс сравнительно с предшественниками и современниками» (Ярошевский, 1974, с. 30). Кроме того, необходимо рассмотреть вклад ученого в развитие науки с точки зрения оценки роли этого ученого в научном социуме его эпохи и общественной жизни в целом (Ярошевский, 1974).

Развитие биографического (психобиографического) метода имеет длинную историю; существенный вклад в его развитие внесли отечественные (Ананьев, 2005; Рубинштейн, 2012; Ярошевский, 1974 и др.) и зарубежные ученые (Alan C. Elms, 1994; Anderson, 2003; Freud, 1957; McAdams, Ochberg, 1988; Runyan, 1981, 1982 и др.). W.T. Schultz в созданном им руководстве по психобиографии (*Handbook of psychobiography*, 2005) подчеркивает, что цель психобиографии – понимание людей, и отмечает ценность каждой жизни, при рассмотрении которой важно не только почувствовать и глубоко вникнуть в нее, но и обнаружить общие принципы, применимые, либо к каждому, либо к множеству субъектов (Schultz, 2005, p. 3).

Психобиография исследуется и создается методом психологического анализа биографий и личностей конкретных исторических лиц. Применительно к личности творца науки особенно важно изучить и описать творческую деятельность ученого, эволюцию его мировоззрения в связи с общественным развитием и движениями науки, а также

индивидуальное своеобразие его личности. Психобиографический метод как качественный вариант биографического метода очень разнороден по своей структуре. Как считают Н.И. Конюхов и М.Л. Шаккум, «этот метод принимает разное содержание, разную структуру в зависимости от цели, которую ставит исследователь. В рамках психобиографического метода могут быть использованы различные способы и приемы» (Конюхов, Шаккум, 1996, с. 302).

В отечественной психологии методология изучения жизненного пути личности глубоко разработана К.А. Абульхановой-Славской (2001). Целостным изучением личности на всем протяжении ее жизни в масштабе исторической эпохи активно занимается Н.А. Логинова. Предметом биографического метода, по мнению Н.А. Логиновой, является жизненный путь личности; личность как субъект этого пути. «Обращение к биографическому методу в современной психологии обусловлено недостаточностью экспериментальных и тестовых методов, которые рассчитаны на получение строгой информации о личности в искусственных, контролируемых условиях, в отрыве от естественного процесса жизни человека с ее событиями и обстоятельствами в связи и на фоне с исторической эпохой, в которой живет человек» (Логинова, 2001, с. 8). Структура личности (талант, характер, мировоззрение, жизненная философия, индивидуальность) не может быть понята без биографии личности, а, следовательно, и без применения биографического метода.

Сущность биографического метода, как отмечает В.С. Агапов, состоит в том, «чтобы ответить на вопрос, из каких событий жизни и посредством каких механизмов рождается конкретная личность, и как в дальнейшем она сама строит свою судьбу» (Агапов, 2005, с.6). В соответствии с классификацией методов психологического исследования, предложенной Б.Г. Ананьевым, биографический метод относится к эмпирическим и направлен на «собрание и анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности» (Ананьев, 2005, с. 355).

Личность создает свою историю и строит свою жизнь в созданных ею и предлагаемых обстоятельствах, обусловлена конкретно-исторической ситуацией ее развития. «Личность всегда конкретно-исторична, она – продукт своей эпохи и жизни страны, современник и участник событий, составляющих вехи истории общества и ее собственного жизненного пути» (Ананьев, 1968, с. 276). Жизненный путь личности зависит от ее знания, сознания, самосознания, форм ее активности, решаемых ею целей и задач. «Главное в биографии – раскрытие импульсов научной деятельности, динамики и результатов творческого процесса, психологии, свойственного тому или другому ученому образу мышления, целенаправленности его деятельности» (Мейлах, 1974, с. 15).

Как отмечает М.Г. Ярошевский, биография – это «реконструкция реальной жизни, реальной индивидуальности. Поэтому для биографа нет более высокой цели, чем объяснить, каким образом логика развития науки определяет поведение конкретной личности, в какой форме она, эта логика, будучи независимой от сознания и воли отдельных лиц, покоряет их сознание и волю, становится их жизненным импульсом и отправлением» (Ярошевский, 1974, с. 33). Кроме того, реконструкция творческой деятельности, стиля творческого мышления представляется задачей психолого-исторической и полностью включается в проблематику психологии творчества (в том числе и научного).

Такой контакт между историческими и психологическими исследованиями очень важен и ценен со всех точек зрения, потому что он дает возможность глубже проникнуть в процесс творчества ученых, создающих и развивающих науку, позволяя полнее раскрыть различные стороны интереснейшего и вместе с тем сложнейшего духовного процесса. «Отражаемые в биографической реконструкции личности ученого объективные и субъективные факторы развития науки взаимодействуют теснейшим образом. Поэтому, если история науки (одним из моментов которой является наука наших дней), рассматриваемая в ее объективном закономерном развитии, позволяет понять характер жизни и деятельности ее отдельных творцов, то биографическое изображение личности этих творцов, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию развития науки как формы деятельности сложной динамической системы» (Ярошевский, 1974, с. 56). Таким образом, проблема методологии биографий и реконструкции стиля творческого мышления ученого – проблема комплексная, предполагающая психолого-исторический анализ творческой деятельности, запечатленной в историческом источнике как результате этой деятельности.

Для реконструкции жизни, творчества и психологических характеристик личности ученого мы опирались на разработанную В.А. Кольцовой и Е.Н. Холондович (2013) теоретическую модель проведения психобиографического исследования исторической личности прошлого. «Теоретическая модель включает совокупность положений и принципов, лежащих в основе разработки исследуемой проблемы. По сути, это теоретический каркас работы, основополагающие ориентиры, от которых отталкивается ученый, планируя и организуя проведение научного анализа материала. Теоретическая модель вычленяется из современной системы научного знания. Предполагается, что до того, как начинать собственно реконструкцию психологического знания, необходимо провести углубленное теоретическое осмысление проблемной области, выступающей сферой научных интересов. Какие же требования предъявляются к теоретической модели? Она должна: (1) быть адекватной исследуемой проблеме, отвечать общей задаче исследования; (2) учитывать основные положения современной науки, касающиеся рассматриваемой проблемной

области; (3) обладать необходимым эвристическим потенциалом, т.е. обеспечивать возможность выявления искомой информации, ее систематизации и объяснения; (4) быть соотносимой с особенностями изучаемого временного периода и рассматриваемой культуры; (5) являться достаточно целостной, т.е. охватывать и полно описывать основные характеристики исследуемого явления» (Кольцова, 2008, с. 418).

Предложенная В.А. Кольцовой и Е.Н. Холондович и модифицированная нами применительно к исследованию личности ученого теоретическая модель конкретизируется в ряде концептуальных положений.

Первое положение касается принятой за основу трактовки феномена творческой личности ученого. Ученый – это человек, обладающий профессиональной подготовкой и владеющий специальными навыками и приемами исследовательской деятельности (теоретической или эмпирической). Имеющиеся знания и свои познавательные способности ученый использует для дальнейшего расширения сферы научного познания, ориентируясь на получение нового объективного и достоверного знания.

Второе положение относится к выделению качеств, которые характеризуют личность ученого. Огромная роль принадлежит таким личным качествам ученого, как высокая образованность и интеллектуальные способности, смелость и настойчивость в достижении цели, критический склад ума, отсутствие субъективизма и предвзятости в интерпретации и объяснении полученных результатов, умение опереться на наиболее продуктивный, рациональный научный метод, работоспособность, а также готовность откликнуться на назревшие потребности общественного развития. Важными мотивами в деятельности ученого являются познавательные интенции, научные интересы, а также стремление получить признание со стороны научного сообщества (которое только и может адекватно оценить результаты труда ученого).

Таким образом, можно выделить структуру психологических характеристик личности ученого, включающую следующие составляющие (подструктуры):

- *когнитивная* (интеллектуальные способности, обширность знаний, способность логического мышления, интуиция, наблюдательность и т.д.);
- *эмоционально-мотивационная* (исследовательские интересы, любознательность, стремление к открытию нового, напряженность внимания, оригинальность мысли, огромная восприимчивость, впечатлительность и т.д.);
- *характерологическая* (смелость, настойчивость в достижении цели, энтузиазм по отношению к своей работе и ее задачам, прилежание, дисциплинированность, способность к критике и самокритике, беспристрастие, инициативность, упорство, высокая самоорганизация, работоспособность и т.д.);

– *ценностно-смысловая* (ценность науки, творчества, коллективной деятельности, морально-этические ценности и т.д.).

Третье положение касается рассмотрения факторов формирования и развития личности ученого. Следуя принципам системного подхода, при проведении психобиографического исследования личности ученого необходимо учитывать систему детерминант (факторов), обусловивших его личностное и профессиональное становление, определивших результативность его творческой деятельности.

К их числу относится влияние:

1) семейного воспитания и системы семейных отношений (как в родительской, так и в собственной семье);

2) социальной среды, в которой происходит становление и развитие личности, задающей систему ценностей и нормативов поведения и деятельности, в принятии или преодолении которых личность формирует собственное мировоззрение и реализует свой творческий потенциал;

3) культурных традиций, выступающих в виде доминирующих ценностей, норм и правил жизнедеятельности; знаковых фигур, жизнь и деятельность которых является для личности образцом для подражания, что особенно важно на ранних этапах ее жизни как условия для выхода на путь самостоятельного творчества;

4) «значимых других» – соратников и противников («оппонентный круг ученого, по М.Г. Ярошевскому), оказавших воздействие на жизненный путь человека, его личностное и профессиональное развитие, а также «референтной группы», включающей людей, с идеями и мнениями которых человек себя идентифицирует;

5) событий жизни личности, выступающих источниками стимулирования творческой деятельности.

Итак, при исследовании творческого пути ученого необходимо учитывать весь комплекс психосоциальных компонентов. Психологические особенности человека науки определяются средой, в которой он живет и осуществляет свою деятельность; они в значительной степени обусловлены требованиями, которые предъявляются будущим ученым в период их обучения и подготовки.

Четвертое положение – необходимость целостного изучения жизненного пути и творческой деятельности личности ученого, рассмотрения исследуемой исторической личности на всех этапах жизненного пути, выявления предпосылок ее развития и итогового результата, раскрытия эволюции творческой деятельности, периодов личностных и профессиональных кризисов, событийного аспекта жизни и деятельности. Таким образом, «при изучении личности творца необходимо исследовать особенности ее жизненного пути и

результаты творческой деятельности и на этой основе реконструировать ее психологические особенности, воплощенные, как в биографии, так и в созданных творениях» (Кольцова, Холондович, 2013, с. 134).

Для решения поставленных в исследовании задач была применена, разработанная В.А. Кольцовой и Е.Н. Холондович, процедура комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности на основе изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества. Данная процедура в нашем исследовании включает совокупность конкретных исследовательских приемов:

1) Психолого-биографический анализ, направленный на изучение жизненного пути, творческой деятельности и психологических особенностей Дружинина и проведенный по следующим параметрам:

- факторы формирования личности и творческой деятельности Дружинина;
- личностные особенности (характеристики интеллектуальной, эмоциональной, волевой и поведенческой сфер личности; особенности характера, самооценки, нравственных норм, ценностей и идеалов; социальная позиция личности, система ее социальных установок и стиль научной деятельности);
- оценка научного наследия Дружинина (его вклада в разные отрасли психологии, научной и практической значимости его идей);
- проблема научной школы Дружинина;
- возможности дальнейшего развития и продуктивного использования идей и концепций ученого.

2) Метод периодизации творческой деятельности – определение ее основных этапов с целью выявления динамики мировоззрения, ценностей и идеалов, социальной и политической позиции автора.

3) Метод контент-анализа, включающий, как качественное, так и количественное изучение содержания научных работ и направленный на выявление количественных показателей научной деятельности (интенсивности публикационной активности и т.д.) с целью раскрытия продуктивности и динамики развития взглядов ученого.

4) Метод интервью – индивидуальная беседа с респондентом по детально разработанной программе, включающей в себя последовательность вопросов с закрытыми и открытыми вопросами, направленными на выявление особенностей личности и научной деятельности Дружинина. Наше исследование представляется актуальным именно сейчас, когда есть возможность использовать метод интервью для общения с людьми, помнящими и раскрывающими такие черты личности и характера Дружинина, которые было бы очень

трудно или вообще невозможно выявить из письменного наследия автора. Полученные в ходе интервью результаты можно рассматривать как экспертные оценки, создающие основу для более глубокого проникновения в творческую лабораторию и понимания личности ученого.

5) Источниковедческий метод – выявление, описание и анализ используемых в работе исторических источников (научных публикаций, эпистолярного наследия, продуктов художественного творчества, воспоминаний о Дружинине его коллег и близких людей).

6) Метод тематического анализа текстов работ исследуемого автора.

7) Метод качественного анализа, направленный на получение глубокой, развернутой информации о предмете исследования, опирающийся на понимание, объяснение и интерпретацию.

8) Сленговый метод, предложенный С. Хайтуном, где в качестве индикатора используется «символ» или «термин» (дескриптор). Метод опирается на статистическую лингвистику, изучающую частотные распределения слов и создавшую частотные словари (Хайтун, 1983).

9) Метод «цитат-индекс» для измерения продукта труда ученого – научной публикации.

Проблема творческой личности, личности творца науки – сложная комплексная проблема, для ее успешного решения необходима строгая дифференциация аспектов исследования личности и углубленная разработка теоретически основ психологической проблематики в данной области, что является одной из наиболее важных и актуальных задач современной психологии научного творчества.

Итак, в нашем понимании, реконструкция жизненного пути и творческой деятельности ученого – это целостное воссоздание основных этапов жизни и творчества, раскрытие логики и динамики развития научных взглядов и всесторонний анализ творчества ученого, с помощью которых обеспечивается глубокое понимание личности и факторов ее формирования, выявляется индивидуальный стиль деятельности, характеризуется научное наследие и рассматриваются перспективы развития идей ученого в современной науке.

1.2. Периодизация жизненного пути и научной деятельности В.Н. Дружинина

Прежде чем приступать к исследованию проблематики научной деятельности ученого, необходимо выделить *основные периоды его творческой деятельности*, дать характеристику выполнявшимся им социально-профессиональных задач.

Построение периодизации – итог изучения динамики той или иной проблемы во времени с учетом социально-культурных и исторических условий. В настоящее время особое значение приобретает проблема разработки *объективных критериев* периодизации. Уровень и характер решения этого вопроса обуславливают строгость и точность определения динамики и этапов развития исследуемого процесса. В случае отсутствия обоснованных критериев периодизации логично встает вопрос о ее объективности. Сложность членения единого историко-научного процесса обусловлена необходимостью соотнесения периодов развития творческой деятельности ученого с социально-культурным контекстом. Соответственно, в основу периодизации должны быть положены, как сугубо исторические критерии – специфика периодов общественного развития, так и логико-научные, связанные с динамикой и особенностями собственно научного процесса.

В историко-психологических работах отмечается необходимость выделения при построении периодизации того или иного явления, включая биографии и научную деятельность ученых, не одного, а множественных критериев, что обусловлено сложностью и многоаспектностью рассматриваемых феноменов (Кольцова, Мешалкина, 2002; Олейник, 2008).

В нашей работе также использовался *ряд критериев*: основные события в жизни и научном творчестве Дружинина; выполняемые им социально-профессиональные роли; доминирующая сфера личностных и профессиональных интересов. Опираясь на указанные критерии, мы выделили 5 периодов жизненного и профессионального пути Дружинина (Таблица 1).

Таблица 1

Периоды жизненного и творческого пути Дружинина

Название периода	Вид деятельности и главные события жизни
1-й период (1955–1972). Детство и школьные годы.	<ul style="list-style-type: none"> ○ 12.08.1955 – родился в пос. Дунилово Большесельского района Ярославской области. ○ С 1962 г. учился в школе: весь курс школьных учебников прочитан еще в начальной школе; увлекался поэзией, рисованием, лепкой, интересовался философией. ○ В 1972 г. окончил школу с золотой медалью.

<p>2-й период (1973–1978). Студенческие годы.</p>	<ul style="list-style-type: none"> ○ На III–IV курсах ЯрГУ занимался изучением проблем моторики и актуализации представлений; полученные результаты представил в докладе на конференции НСО, который был отмечен дипломом МГУ им. М.В. Ломоносова. ○ На V курсе исследовал системогенез способностей под руководством В.Д. Шадрикова. ○ В 1978 г. закончил факультет психологии и биологии ЯрГУ с дипломом с отличием. ○ Ярко выражены познавательные способности и серьезный интерес к науке. Изучение психологии сочетается с углублением знаний в области математики и теории психологического эксперимента. ○ В сфере личных увлечений – интерес к футболу, сохранившийся на всю жизнь.
<p>3-й период (1979–1982). Начало работы в ИП АН СССР. Защита кандидатской диссертации.</p>	<ul style="list-style-type: none"> ○ С ноября 1979 г. начал работать в ИП АН СССР в должности младшего научного сотрудника. ○ Проводил исследования в области психологии труда, потребностей и мотивации личности. ○ В 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию «Изменение мотивации в процессе профессиональной подготовки».
<p>4-й период (1983–1991). Работа в ИП АН СССР. Защита докторской диссертации.</p>	<ul style="list-style-type: none"> ○ В 1987 г. получил должность старшего научного сотрудника. ○ В сфере научных интересов – психология способностей, экспериментальная психология, психодиагностика, методология психологии. ○ В 1991 г. назначен заведующим лабораторией психологии способностей и профессионально важных качеств. ○ В 1991 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические основы психологической диагностики познавательных способностей».
<p>5-й период (1992–2001). Организаторская, преподавательская и научная деятельность.</p>	<ul style="list-style-type: none"> ○ В 1992 г. назначен заместителем директора по научной работе. ○ В 1993 г. получил звание профессора. ○ В центре научных интересов – психология интеллекта, когнитивная психология, психология творчества и одаренности. ○ С 1995 г. назначен деканом факультета психологии ГУГН РАН.

	<ul style="list-style-type: none"> ○ 1996+1998 гг. – стал лауреатом премии им. С.Л. Рубинштейна РАН (1996), победителем Всероссийского конкурса книг по образованию (1997), лауреатом премии Президента РФ в области образования (1998). ○ С 1999 г. – ректор Института практической психологии ИМАТОН (Санкт-Петербург). ○ В 1999 г. получил звание профессора МГУ и МПГУ. ○ 2000 г. – лауреат конкурса «Пушкинская библиотека». ○ В сфере личных интересов – поэтическое творчество, издание сборников стихотворений разных лет «Разговор с эхом». ○ 2001 – трагическая кончина.
--	--

Примечание: Хронология составлена на основе анализа творческого наследия В.Н. Дружинина, а также информации его личного архива (переписка, мемуары), материалов, подготовленных Н.В. Дружининой (Антимемуары, 2005, 2011), воспоминаний коллег и родных (интервью, личные беседы).

Владимир Николаевич Дружинин (1955–2001) – доктор психологических наук, профессор, лауреат премии им. С.Л. Рубинштейна Российской академии наук (1996), лауреат Всероссийского конкурса книг по образованию (1997), лауреат премии Президента РФ в области образования (1998), лауреат конкурса «Пушкинская библиотека» (2000), руководитель исследовательских проектов по Федеральной программе «Одаренные дети».

Дружинин родился 12 августа 1955 г. в поселке Дунилово Большесельского района Ярославской области. Он происходит из рода Дружининых, давшего России двух писателей. Родной брат его прадеда, Николай Петрович Дружинин (1858–1941), был юристом, журналистом, издателем, редактором, педагогом. Сын Николая Петровича, Владимир Николаевич Дружинин (1908–1997), – профессиональный петербургский писатель, в честь которого и назвали Владимира Николаевича Дружинина (1955–2001). Дед Владимира Николаевича по линии матери, Борисов Николай Демьянович, служил квартирмейстером на «Авроре», сыграл важную роль в судьбе крейсера, был награжден Георгиевским крестом и получил пожизненную пенсию. Н.Д. Борисов – человек серьезный, решительный и независимый. Как пишет жена Дружинина, Наталья Валентиновна Дружинина, «деды наделили Владимира Николаевича генами свободомыслия, независимости и решительности. Это помогало ему в науке, когда он смело выдвигал гипотезы и успешно проводил исследования, подтверждающие их. Но его непредсказуемость и неуправляемость часто шокировали окружающих» (Дружинина, 2011, с. 10).

Мать ученого, Капитолина Николаевна Дружинина, – житейски мудрая женщина, сельская учительница математики, 25 лет была директором школы в поселке, где они жили. В каждую свободную минуту она читала сыну книги, а когда мальчик научился читать сам, скупала всю доступную литературу в то время. Мать способствовала развитию способностей сына, обеспечивая ему эмоциональную поддержку.

Отец, Николай Константинович Дружинин, работал инженером-электриком. Подростком он оказался в блокадном Ленинграде; спасаясь от холода, топил печь книгами, но прежде чем сжечь их, прочитывал. Любовь к книгам он привил и своим детям. Он воспитывал детей мудро, стремился раскрыть их индивидуальность.

С рождения Дружинин выделялся необычной широтой интересов: его увлекали рисование, лепка, поэзия, музыка, живопись, искусство. В начальной школе он прочитал все школьные учебники, в старших классах серьезно увлекся философской литературой. Одноклассники уже в школе называли его «академиком». В школе он получил золотую медаль, в Университете, где обучался по индивидуальному плану, – Ленинскую стипендию и диплом с отличием.

В статьях об одаренности Владимир Николаевич пишет, что общие способности в большей степени, чем специальные, обусловлены генетически; уровень интеллекта от 60% до 80% определяется наследственностью, а гениальность – наследственная черта, проявляющаяся в ряде поколений. Интеллект ребенка больше коррелирует с интеллектом матери, поскольку она эмоционально сильнее связана с ним. Обобщенный портрет одаренного человека, который описывает Дружинин, словно скопирован с него: независимость поведения; увлеченность делом без какой-либо гарантии материального успеха; самостоятельность в суждениях и поступках; высоко развитые эстетические чувства; эмоциональная ранимость и повышенная тревожность.

Для развития творческих способностей, как считал Дружинин, необходим пример для подражания. Он сам в подростковом возрасте из-за пневмонии попал в лесную школу, где занятия вели необычные учителя, включая в прошлом репрессированных. Под влиянием учительницы по литературе он начал писать стихи. В 15 лет Дружинин выступил на поэтическом семинаре молодых поэтов в г. Ярославле и занял призовое место в областном конкурсе. Стихи он продолжал писать периодами всю жизнь. «Было заметно, как его творческая активность переключалась с науки на поэзию и обратно» (Дружинина, 2005, с. 49). Если не было благоприятных условий для научных мыслей и планов, Дружинин погружался в себя, в мир поэзии. У него возникало состояние, которые люди обычно называют депрессией. Но, как отмечает жена Дружинина, он очень ценил эти состояния, поскольку они для него являлись источником поэтического вдохновения. Дружинин обладал

оригинальным поэтическим талантом, его произведения собраны в двух сборниках стихов. Известный российский поэт Григорий Поженян считал Владимира Николаевича истинным поэтом и настоящим мастером. (цит. по: Дружинина, 2011, с. 23).

Окончив школу, в 1972 г. Дружинин поступил на отделение биологии факультета психологии Ярославского Государственного Университета (ЯрГУ). Перед ним была альтернатива – заняться серьезно литературой или наукой, и он сделал свой выбор в пользу психологии, аргументируя его тем, что «поэзия не накормит», а психология – новая наука, открытое поле для творчества. Учитывая исключительные успехи Дружинина в учебе, руководство факультета предоставило ему право свободного посещения лекций и работы по индивидуальному плану. Интересно, что после консультаций, проводимых преподавателями перед экзаменами, и, как правило, длившихся недолго, Дружинин проводил консультации для подготовки сокурсников к экзамену, что говорит о его особом статусе даже в студенческой среде. По воспоминаниям М.М. Кашапова, «он был необычайно скромным человеком и одновременно одним из самых прославленных студентов. О нем ходили легенды и правдиво-невероятные истории. О нем говорили, что он еще в школьные годы прочитал всего Гегеля. С именем Володи Дружинина меня связывают самые светлые воспоминания о студенческой науке на факультете психологии Ярославского государственного университета» (Кашапов, 2005, с. 417).

После окончания университета Дружинин служил в армии в городе Чита. На второй год службы сержанта пограничных войск СССР Дружинина командировали в Институт психологии АН СССР, который стал основным местом его работы до конца жизни, и где он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего лабораторией и заместителя директора по научной работе, защитив в стенах Института кандидатскую и докторскую диссертации. Дружинин – талантливый отечественный ученый, оригинальный мыслитель и организатор научной работы, посвятивший психологической науке всю свою жизнь и многогранную деятельность.

Жизнь ученого оборвалась 22 июля 2001 г. на самом взлете его научных достижений. Реконструкция жизненного пути ученого дает возможность приблизиться к пониманию механизмов формирования его творческой индивидуальности.

1.3. Историографический анализ научного наследия В.Н. Дружинина: тематика научных работ

Выделение основных периодов жизнедеятельности Дружинина позволило нам сопоставить содержание и условия его профессиональной деятельности с основными направлениями научных публикаций. Задачами данного этапа исследования выступили:

– рассмотрение количественных характеристик научных изданий автора с целью выявления продуктивности и интенсивности его научной деятельности (публикационной активности) по каждому периоду;

– выделение проблемного поля и направлений научных исследований, которыми занимался ученый в течение своей жизни, с целью выявления динамики и направленности его научных интересов.

Для определения продуктивности и интенсивности научной деятельности (периоды 3–5) и тематической направленности использовались библиометрический и сленговый методы, включающие количественный анализ трудов Дружинина, а также метод качественного анализа их содержания.

В качестве единицы анализа при проведении *библиометрического исследования* выступала научная публикация. Изучена библиография ученого за 23 года активной творческой деятельности (с 1979 по 2001 г.), составляющая 153 единицы (Приложение 1). При этом вся научная продукция ученого была разделена на три группы: книги, диссертации (17); научные статьи и тезисы (105); научная публицистика (31). Далее она была соотнесена с соответствующим периодом творческого пути автора.

В Таблице 2 представлены данные о количестве единиц научной продукции Дружинина, подготовленной и опубликованной в каждый период его научной деятельности. Здесь же содержатся показатели среднегодовой научной продуктивности ученого.

Таблица 2

**Интенсивность научной деятельности В.Н. Дружинина
(по показателю среднего количества работ за год) в разные
периоды его творческого пути**

Периоды жизни	Статьи, тезисы	Книги, диссертации	Научная публицистика	Всего работ	Длительность периода жизни (кол-во лет)	Среднее кол-во работ за 1 год
III период (1979–1982)	6	0	0	6	4	1,5

IV период (1983– 1991)	45	4	1	50	9	5,5
V период (1992– 2001)	54	13	30	97	10	9,7
Итого за всю трудовую жизнь	105	17	31	153	23	6,7

Как видно из таблицы 2, наибольшая интенсивность научной деятельности ученого приходится на последний период (1992–2001), а публикационная активность все больше увеличивается в IV и V периоды, что объясняется, на наш взгляд, рядом причин. Во-первых, в эти периоды Дружинин – уже зрелый, состоявшийся ученый, накопивший большой опыт проведения эмпирических исследований и теоретических разработок, создавший собственные оригинальные концепции в области изучения способностей, интеллекта, проблем психометрики и психодиагностики, позволяющие ему выйти на уровень обобщения полученного им большого материала. Во-вторых, изменение его статуса (заведующий лабораторией, заместитель директора Института) открыло для него возможности для самостоятельного планирования и организации исследований по интересующим его вопросам. В-третьих, в научном сообществе Дружинин приобрел статус авторитетного ученого; его работы стали широко востребованными и, соответственно, возрос запрос на их издание. В-четвертых, вокруг него в это время объединяются его многочисленные ученики и сторонники его идей, проводившие под его руководством исследования, что приводило к расширению базы данных и позволяло апробировать, подтверждать на разных выборках и объектах выдвигаемые им положения.

Для получения данных, касающихся *тематических направлений научных исследований Дружинина*, использовался *наукометрический метод сленгового анализа*, включающий систематизацию и тематическую классификацию всех научных работ ученого по их названиям (всего 153 наименования). Предметом исследования выступала вся научная продукция, созданная Дружининым, которая классифицировалась в соответствии с представленными в ней направлениями и проблемами исследований.

Задачами данного исследования являлось выделение *тематической направленности исследований и ее динамики по каждому периоду*. Далее проводился содержательный анализ работ, представленных в каждом периоде.

В результате проведенного анализа удалось выделить проблемное поле исследований ученого, включающее 8 тематических направлений:

1. Психология труда, психология потребностей и мотивации личности

Начало научного творчества Владимира Николаевича связано с исследованиями проблем мотивации и потребностей. Его исследования в этой области послужили материалом для кандидатской диссертации «Изменение мотивации в процессе профессиональной подготовки».

2. Экспериментальная психология

На основе полученных в экспериментальных исследованиях новых научных данных были разработаны методолого-теоретические принципы организации психологического эксперимента. Создана модель ситуативной психодиагностики.

3. Психология и психодиагностика способностей

Сделан весомый вклад в разработку проблем психологии и психодиагностики способностей с точки зрения анализа их интеллектуальных и творческих составляющих.

4. Психология интеллекта, когнитивная психология, психология творчества, психология одаренности

Разработана модель «интеллектуального диапазона» как прогностический инструмент для оценки продуктивности разных видов интеллектуальной деятельности. В понимании природы интеллекта В.Н. Дружинин предложил эвристический термин «когнитивный ресурс» для определения сущности индивидуальных различий и специфики интеллектуальной деятельности.

5. Общая психология, методология психологии

Особое внимание при разработке проблем методологии психологии уделяется рассмотрению проблемы метода и систематизации психологических методов.

6. Психология семьи

Дружинин предложил трехкомпонентную универсальную психологическую структуру современной семьи, основанную на сочетании параметров эмоциональной близости, доминирования и ответственности, а также выделил психологические типы семьи в разных культурах.

7. Экзистенциальная психология

Автором проанализированы различные варианты и стратегии жизни, предложена их оригинальная типология.

8. Научная публицистика по разным отраслям психологии

Дружинин неизменно откликался на главные события общественной жизни, интересовался судьбами отдельных людей. В своих статьях, посвященных анализу состояния интеллектуального потенциала российского общества, проблемам развития сферы

образования и т.д., ученый в понятной для любого читателя форме обсуждал вопросы психологии способностей и интеллекта, творчества и одаренности, психологии семьи и др.

Учитывая, что наука является открытой системой, превращение полученного ученым результата в научный факт предполагает его обнародование, доведение до научного сообщества, сопоставление с данными, полученными другими исследователями, что, в свою очередь, требует его опубликования. Немаловажным условием является и объем публикации как показатель развернутости и аргументированности исследуемой проблемы, уровня ее проработанности. Выявляя глубину и развернутость проблем, исследуемых Дружининым, нами был произведен подсчет общего количества печатных листов в его публикациях по всем тематическим направлениям в их процентном соотношении (Рисунок 1).

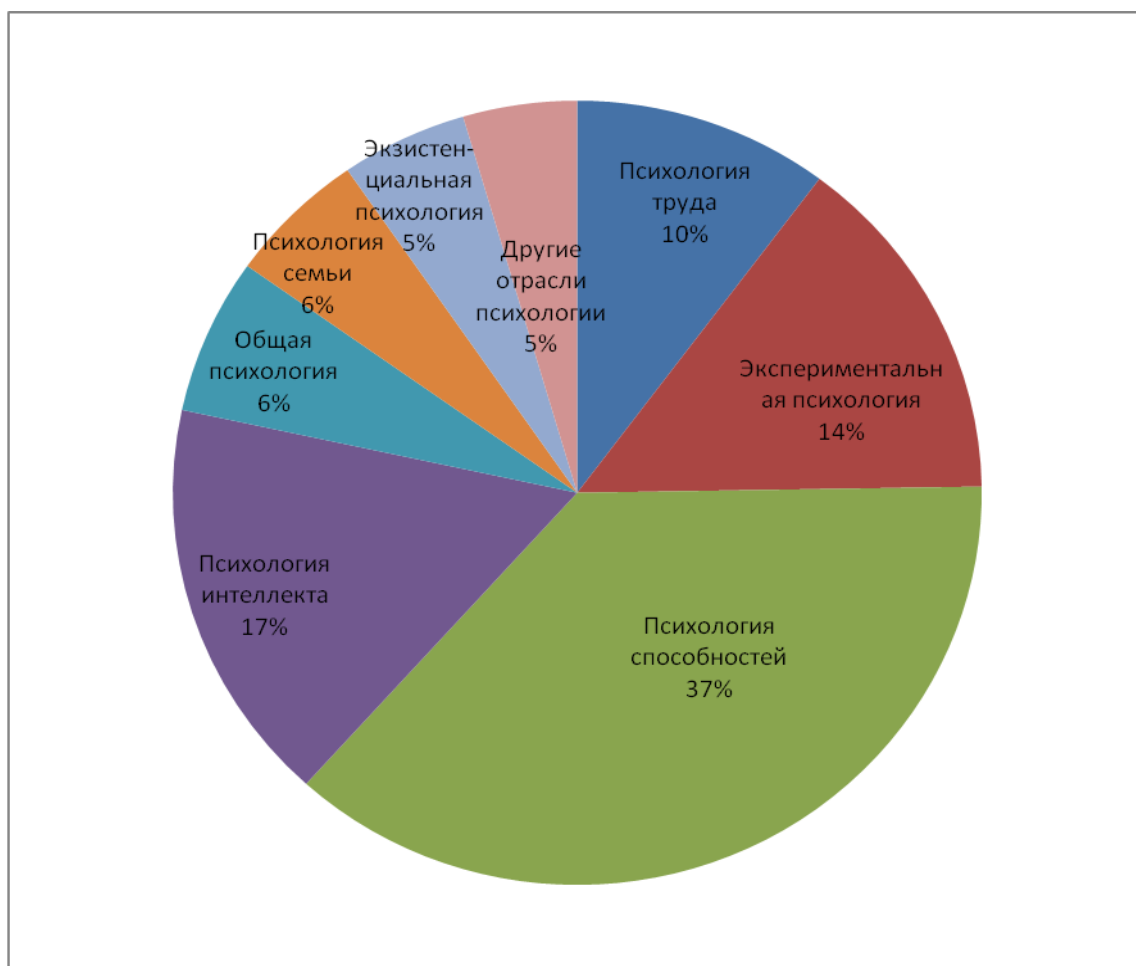

Рис. 1.

Тематика научных работ В.Н. Дружинина с 1979 по 2001гг.

Как видно, проблемы психологии способностей наиболее полно разработаны ученым и занимают основополагающее место в его научных исследованиях. Далее мы выявили

интенсивность научной деятельности Дружинина по периодам научной деятельности и тематической направленности его работ. Полученные результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Интенсивность научной деятельности В.Н. Дружинина по тематическим направлениям (в печатных листах) в периоды его активной творческой деятельности

Периоды жизни	III период (1979–1982)	IV период (1983–1991)	V период (1992–2001)	Всего
Психология труда	10,2	10		20,2
Экспериментальная психология	0,2	10	18,5	28,7
Психология и психодиагностика способностей		26	47	73
Психология интеллекта			33	33
Методология психологии	0,2	1,5	11	12,7
Психология семьи			11	11
Экзистенциальная психология			10	10
Другие отрасли психологии		3	6	9
Всего за период	10,6	50,5	136,5	197,6

Из таблицы 3 видно, как с каждым периодом возрастала творческая продуктивность Дружинина и более отчетливо выявлялись основные направления, наиболее серьезно и полно разработанные ученым. К ним можно отнести психологию способностей, тесно связанную с ней психологию интеллекта, методологию психологии, экспериментальную психологию и психодиагностику.

Для понимания динамики творчества Дружинина нами было проведено сравнение содержания научной продукции ученого и решаемых им профессиональных задач в активные периоды его научной деятельности. Рассмотрим каждый из них более подробно.

I период (1955–1972) – детство и школьные годы и II период (1973–1978) – студенческие годы.

Первые два периода жизни Дружинина характеризуются интенсивным накоплением социального опыта и интеллектуального потенциала. Ярко выраженная общая одаренность, блестящая память и врожденная тяга к знаниям позволили ему стать уже в молодые годы широко эрудированным человеком с энциклопедическими знаниями. По свидетельствам родных и друзей, он мог бы достичь вершин в любом деле.

В начале 1980-х гг. психология была интенсивно развивающейся областью научного знания, представленной целой плеядой талантливых ученых, активно пропагандировавших большое значение психологических знаний для жизни страны (П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.Р. Лурия, и др.). Стоящий перед выбором профессии, стремящийся к творчеству юноша не мог не увлечься наукой, «свободной от догм», бывшей «на слуху» в Ярославском образовательном и научном пространстве. С первых дней обучения на психологическом факультете Ярославского Университета Дружинин проявил себя как талантливый и разносторонне одаренный студент, особое внимание уделяя глубокому изучению математических основ теории психологического эксперимента. По воспоминаниям С.М. Кашапова, Владимир Николаевич «по отдельно взятому абзацу психологического текста мог определить стиль любого крупного психолога, прекрасно мог имитировать научный стиль разных маститых ученых. Образные, оригинальные высказывания Володи, представленные в факультетской стенгазете, охотно цитировали на учебных занятиях не только студенты, но и преподаватели» (Кашапов, 2005, с. 417).

Будучи студентом, Дружинин принимал активное участие в работе научного студенческого общества, в частности, под руководством В.Д. Шадрикова изучал проблему системогенеза способностей, определяя их динамику и качественные различия на разных этапах профессионализации. Дипломная работа Дружинина показала, что ее автор имеет глубокие научно-практические знания, обеспечивающие профессионализм в проведении психологического эксперимента. Его отличало серьезное отношение к науке как к своей будущей профессиональной сфере деятельности.

В следующих периодах Дружинин предстает уже как многогранный ученый, талантливый экспериментатор и организатор научной деятельности, результатом которой стала разработка оригинальных идей и подходов, обогативших разные направления современной психологии.

III период (1979–1982) – начало работы в ИП АН СССР; защита кандидатской диссертации.

Начало третьего периода связано с приездом Дружинина в 1979 г. в Москву. Перед ним встают сложные задачи интеграции в новое научное сообщество и профессиональной самореализации. Ниже представлен Рисунок 2, отражающий тематику психологических исследований В.Н. Дружинина в третий период его творческой деятельности.

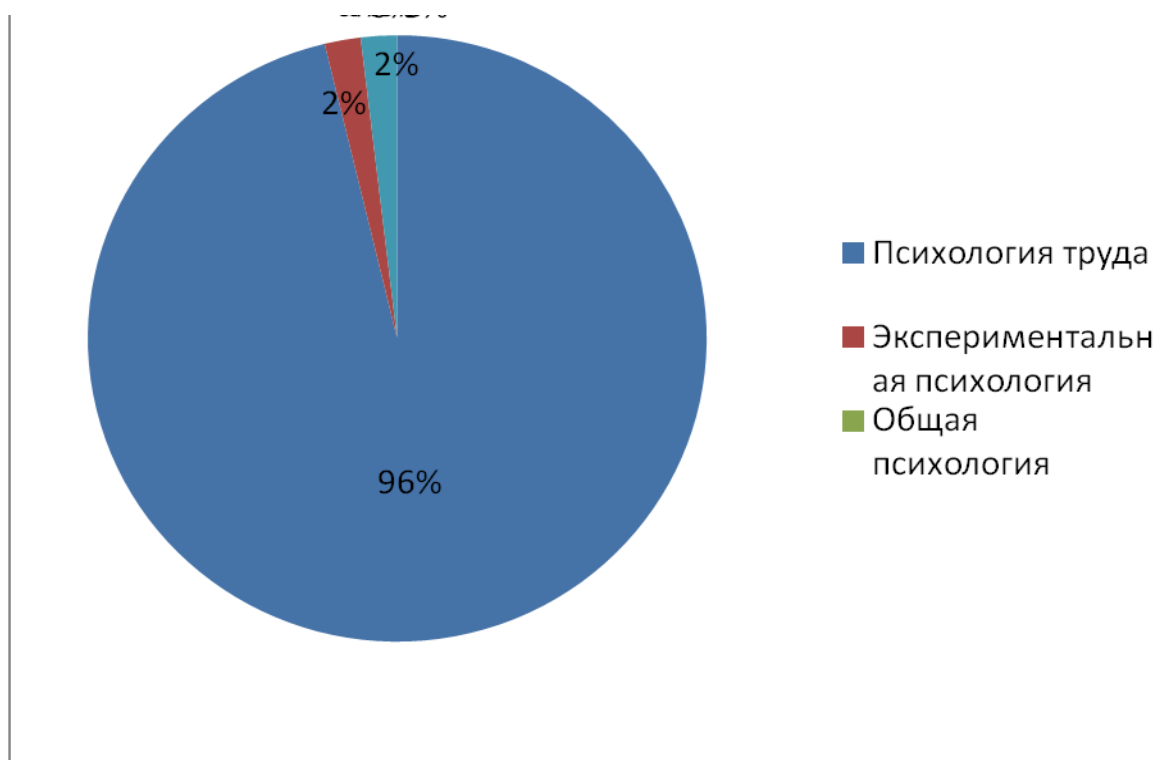

Рис. 2.

Тематика научных работ В.Н. Дружинина с 1979 по 1982 гг.
(III период)

Как видно из рисунка 2, молодой ученый в основном занимается вопросами психологии труда, особое внимание уделяя исследованию проблем профессиональной мотивации, ее динамики в процессе профподготовки. Проведение научных исследований, ориентированных на практику, в дальнейшем станет одной из характерных особенностей его научной деятельности. К этому же периоду относятся и первые статьи по вопросам методологии психологии и экспериментальной психологии. Третий период (1979–1982) завершается защитой кандидатской диссертации на тему «Изменение мотивации в процессе профессиональной подготовки».

IV период (1983–1991) – работа в ИП АН СССР; защита докторской диссертации.

В четвертом периоде (Рисунок 3) научные исследования Дружинина фокусируются на теоретических и экспериментальных исследованиях психологии способностей:

- изучение и обобщение теоретических проблем диагностики познавательных способностей;
- разработка обобщенной вероятностной модели теста, создание концепции экологической валидности тестов, типологии психодиагностических ситуаций.

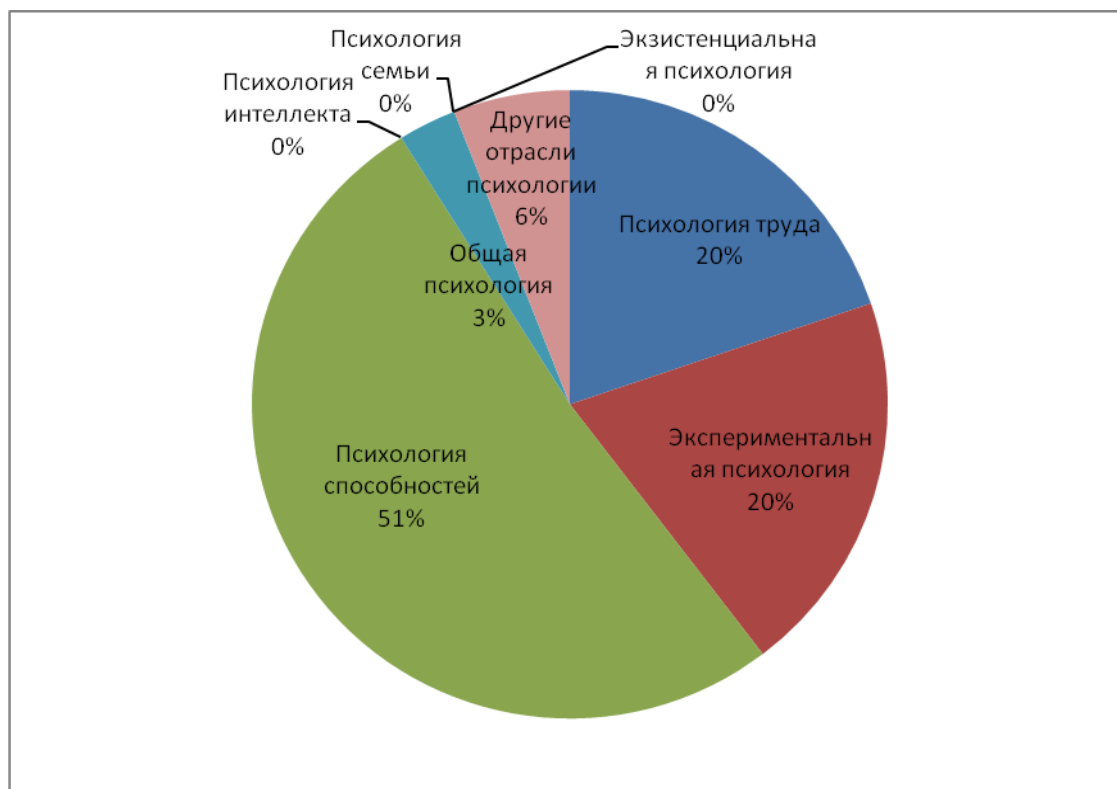

Рис. 3.

Тематика научных работ В.Н. Дружинина с 1983 по 1991 гг.
(IV период)

Важной характеристикой этого этапа является интенсификация научной деятельности ученого: среднегодовая научная продуктивность возрастает в 3 раза. Владимир Николаевич становится известен не только как перспективный молодой ученый, но и как умелый и энергичный организатор различных научных мероприятий – школ-семинаров, конференций и т.д. IV период заканчивается защитой докторской диссертации на тему «Теоретические основы диагностики познавательных способностей» (1991). Таким образом, период с 1983 г. по 1991 г. характеризуется увеличением научной продуктивности, достижением высшего профессионального статуса, расширением числа социально-профессиональных ролей.

V период (1992–2001) – организаторская, преподавательская и научная деятельность.

В пятом периоде максимально возрастает показатель среднегодовой научной продуктивности ученого и увеличивается разнообразие тематических направлений (Рисунок 4).

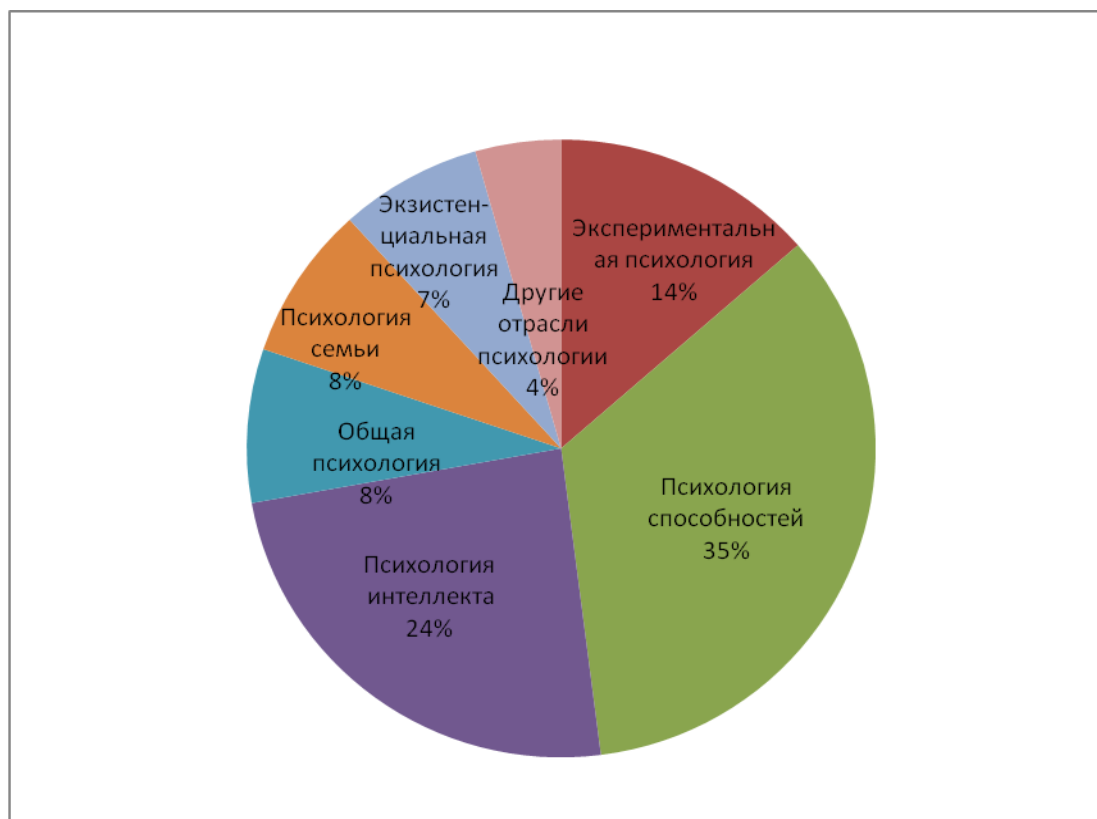

Рис. 4.

Тематика научных работ В.Н. Дружинина с 1992 по 2001 гг.
(V период)

Центром научно-исследовательских интересов Дружинина становятся вопросы психологии интеллекта, когнитивной психологии, психологии творчества и одаренности. К наиболее важным из них следует отнести:

- изучение влияния факторов микросреды (в том числе семьи) на развитие интеллекта и креативности;
- исследование структуры общих способностей и разработка не тестовых методик диагностики креативности у детей;
- создание двухмерной классификации эмпирических психологических методов и описание модели интеллектуального диапазона для объяснения связей результатов тестирования интеллекта и жизненных показателей;
- описание психологической структуры семьи, выделение психологических типов семьи в европейской культуре.

С 1992 г. Дружинин становится заместителем директора ИП РАН по научной работе. Несмотря на кризисные для страны и для российской науки 1990-е гг., ученый расширяет масштаб своей деятельности, осуществляя одновременно большую научную, организационную, педагогическую и издательскую работу.

Большое внимание Владимир Николаевич уделяет развитию профессионального психологического образования. В 1993–1995 гг. он отдает много сил организации Психологического колледжа при ИП РАН и становится его первым ректором; в 1995 г. Дружинин направляет свою энергию на создание Психологического факультета Государственного университета гуманитарных наук РАН, а затем и возглавляет его; с 1999 г. он является ректором Института практической психологии ИМАТОН (г. Санкт-Петербург).

В этот период Дружинин принимает активное участие в научно-методическом обеспечении образовательного процесса в области психологии. Под его редакцией выходит серия учебников для университетов: «Современная психология» (1999); «Психология (для экономических, гуманитарных и технических вузов)» (2000); «Когнитивная психология» (2001). Учебники были написаны в форме коллективных монографий, объединенных общим подходом: каждую главу писал наиболее признанный специалист в соответствующей области, используя научные данные, характеризующие современное состояние психологической науки. Эти труды представляют собой учебники нового типа, которые выдержали много изданий, до сих пор востребованы в качестве учебных пособий и сохраняют свою научно-образовательную ценность.

Подводя итог краткой характеристике пятого периода жизни и творчества Дружинина, необходимо подчеркнуть, что на него пришелся, своеобразный пик, расцвет творческой деятельности ученого (издание максимального количества научных монографий, создание и руководство образовательными структурами, основание и редактирование серии учебных пособий).

Таким образом, приведенный анализ научного творчества Дружинина дает основания считать его глубоким теоретиком, особенно в области научной методологии, талантливым экспериментатором и психодиагностом, блестящим организатором науки, личностью с активной гражданской позицией.

1.4. Эволюция научных взглядов В.Н. Дружинина и основные научные результаты

Характерными чертами творчества Дружинина являются многогранность научных интересов и широта направлений исследований, огромная работоспособность и исследовательский талант, сочетание естественнонаучного и измерительного подходов, глубина и всесторонность исследования проблем психологии, проверка научных идей на практике.

Профессиональная биография Дружинина уникальна по интенсивности научного поиска, объему и качеству результатов в области фундаментальных психологических исследований. «Он явно не принадлежал к типу ученых “одной идеи”, которые всю жизнь разрабатывали один подход, придерживались строго определенной теоретической позиции... Он занимался изучением одаренности, творчества, потому что сам был гениален. Писал о семье – потому что сам был семьянином и любящим мужем. Статьи – это его личный взгляд на жизнь, пропущенный через призму его мировоззрения» (Дружинина, 2011, с.18). Исходя из этого, становится очевидным, что эволюция научных исследований Дружинина имеет восходящий, непрерывный и разнонаправленный характер.

Дружинин начал свой научный путь с исследований мотивации и психологии труда в связи с возрастающими требованиями практики к психологической науке, учитывая социальный заказ общества на повышение эффективности и мотивированности деятельности человека в различных сферах общественной жизни. В частности, в области психологии труда стояла задача создания систем профессиональной подготовки и профотбора, учитывающих мотивационный фактор для ведения пролонгированного отбора. Итогом научных исследований в этой области стала кандидатская диссертация «Изменение мотивации в процессе профессиональной подготовки» под руководством В.И. Ковалева (1982). По мнению В.Д. Шадрикова, «именно глубокая подготовка в области психологического анализа деятельности, понимание этого анализа как отправной точки в любом психологическом исследовании помогли Дружинину в дальнейшем в правильной постановке задач психологической диагностики и привели его к проблеме психологии способностей» (Шадриков, 2005, с. 422–423).

В 1980-е гг. в отечественной психологии проблемы психодиагностики и психологии общих способностей только начинали серьезно разрабатываться. В обобщающих последние достижения по указанной тематике научных изданиях рассматривались проблема способностей в связи с учением о личности (К.К. Платонов, 1972), обосновывалась необходимость создания научных методик для объективной оценки индивидуальных

особенностей людей с точки зрения профессиональной пригодности (К.М. Гуревич, 1970). Вышла работа А. Анастаси (1982а,1982б), представляющая собой, по выражению К.М. Гуревича, «энциклопедию западной тестологии». В.Д. Шадриков начал разработку проблемы способностей на основе принципа психофизиологического единства (в его понимании С.Л. Рубинштейном). Однако еще много проблем в области психодиагностики и психологии способностей нуждались в теоретическом осмыслении и экспериментальном исследовании. Указанные обстоятельства, по нашему мнению, следует отнести к социальным предпосылкам обращения ученого к этим областям психологической науки.

В одной из своих работ В.Н. Дружинин вспоминал, что важной причиной, побудившей его обратиться к проблеме психологии способностей, знаковым событием в его жизни стал разговор, состоявшийся в 1986 г., с Б.Ф. Ломовым, в котором директор Института психологии предложил изучить взаимосвязь общения и способностей. «А почему бы Вам, Владимир Николаевич, не заняться взаимосвязью общения и способностей? ... Ведь никто из талантливых людей не начинал с оригинального творчества. Все прошли ученичество у кого-нибудь. Это же огромная проблема – творчество и подражание. Любая способность проявляется и развивается во взаимодействии человека с другими людьми! Подумайте» (Дружинин, 1997, с. 49). С того разговора прошло много лет, и, анализируя широкий спектр изучаемых ученым областей психологии, можно сказать, что проблема связи общих способностей и общения заняла важное место в исследованиях Дружинина.

Вероятно, существовали и личные предпосылки этого выбора – огромный научный потенциал В.Н. Дружинина, его неиссякаемое стремление к достижению все новых и новых высот в освоении психологического знания, мощная мотивация профессионального роста, что побуждало к углубленному исследованию того, что определяет и репрезентирует уровень ученого – его творческие способности, талант. Но, к сожалению, В.Н. Дружинин на момент трагедии скорее еще только находился на пути построения собственной целостной концепции способностей и их классификации. А его работы, направленные на сбор фактического и экспериментального материала, создали серьезный задел для решения этой задачи.

Самой жизнью и судьбой В.Н. Дружинина во многом был предопределен его интерес к данной проблеме. Известно, что проблемы, которыми занимается ученый, связаны с индивидуально-психологическими характеристиками его личности. Другими словами, личность ученого и круг разрабатываемых им проблем находятся в тесной взаимозависимости. Поэтому неудивительно, что при огромном разнообразии научных интересов Дружинина центральной проблемой его исследования была психология общих способностей. Ученый сформулировал структуру общих способностей – интеллект,

креативность и обучаемость, – указав, тем самым, по мнению А.В. Карпова, на «главные черты своего “когнитивного портрета”». Они – ключ к пониманию сути и судьбы этого человека, к пониманию его достижений и жизненных коллизий. А интеллект был “сердцевиной” личности и, одновременно, главным предметом научных интересов Владимира Николаевича. С определенной долей условности можно считать, что теория общих способностей, которую разрабатывал В.Н. Дружинин, одновременно в значительной степени – “автобиографическая” теория: это теория “про него самого”, теория, в которой “продукт творчества” и сам “творец” во многом совпадают – и гносеологически, и онтологически» (Карпов, 2005а, с. 411–414).

Таким образом, выделенные нами объективные (внешние, событийные) и субъективные (внутренние, интрапсихические) причины формирования области научных интересов В.Н. Дружинина объясняют тот факт, что в разные периоды насыщенной творческой биографии ученого именно исследования в области психологии способностей и экспериментальной психологии выступали сквозными и наиболее отвечающими его научным запросам.

Стремление найти новый подход к изучению любого исследуемого феномена, сочетание высокого уровня теоретического мышления и таланта экспериментатора позволили Дружинину создать обобщенную вероятностную модель теста и ее модификации, открывающую возможность для определения необходимого количества заданий в тесте, числа уровней трудности и вариантов ответа, необходимого типа измерительной шкалы; разработать концепцию экологической валидности теста, а также классификацию эмпирических методов. Ученый предложил средовой подход к пониманию развития и диагностики способностей, типологию психодиагностических ситуаций; экспериментально выявил влияние ситуативных и мотивационных факторов на проявление познавательных способностей при тестировании. Дружинин обосновал положение о том, что психологическое тестирование – это, прежде всего, общая деятельность психолога и испытуемого с целью определения психических особенностей испытуемого для разработки индивидуальных рекомендаций. Причем, диагностика свойств должна проводиться с помощью измерительных тестов, где четко определены роли психолога и испытуемого на разных этапах экспериментально-психологического исследования.

Таким образом, был представлен новый взгляд на проблему психологического тестирования, а Дружинин приобрел всероссийскую известность как специалист в области психодиагностики и дифференциальной психометрики в связи с выходом его работы «Психологическая диагностика способностей: теоретические основы» (Дружинин, 1990).

Дальнейшее развитие и обобщение этих идей было сформулировано в докторской диссертации «Теоретические основы диагностики познавательных способностей» (1991).

В 1992–1993 гг. Дружинин руководил экспериментом по формированию творческих способностей у детей 3–5 лет в процессе специально организованной игровой деятельности. Было выяснено, что творческие способности детей можно успешно развивать. Но развитие креативности у большинства детей сопровождалось повышением эмоциональности (колебания настроения, тревожность, перевозбуждение и т.д.). Дружинин на основе полученных результатов делает предположение, что для каждого ребенка существует некоторый *оптимум* развития творческих способностей, выход за пределы которого приводит к дезадаптации и невротическим нарушениям. А для проявления творческих способностей необходима внутренняя мотивация, приобщенность к той деятельности, на материале которой построен тест, и отсутствие внешнего принуждения или регламентации деятельности.

В середине 1990-х гг. Дружинин под руководством В.Д. Шадрикова участвовал в проекте «Индивидуализация обучения на основе личностно-ориентированного учебного плана общеобразовательной школы», который показал «магистральный путь индивидуализации образования на основе уровневого изложения материала с учетом способностей учащихся в классах с переменным составом» (Шадриков, 2005, с. 425). Дружинин в этом проекте реализовал свои основные идеи и положения в области диагностики познавательных способностей школьников. Полученные научно-прикладные результаты и все созданные к тому времени и проинтерпретированные отечественные и зарубежные теории способностей были изложены в книге ученого «Психология общих способностей», ставшей своего рода научным бестселлером и выдержавшей три издания. В ней, оценивая интеллект и способности как наиболее социально значимые феномены, Дружинин подробно характеризует различные теории общих способностей, креативности, модели интеллекта, с точки зрения их развития и диагностики. Кроме того, ученый анализирует основные подходы к исследованию общих интеллектуальных и творческих способностей, указывает на важность создания концепции *социально-средовой детерминации* развития общих способностей.

Как уже упоминалось, самым плодотворным периодом в творчестве Дружинина являются 1991–2001 гг. (V период). Но нельзя не отметить, что 90-е годы XX века – самый сложный период развития науки в нашей стране, время активной внешней и внутренней эмиграции специалистов из науки. Как вспоминают современники о Дружинине: «Требовалось большое личное мужество, чтобы остаться в психологической науке, продолжать исследования и тем более заниматься развитием науки» (Журавлев, Холодная,

2015, с. 110). Несмотря на все сложности, у Дружинина продолжает расширяться диапазон научных интересов и направлений исследований, что говорит о творческом расцвете Дружинина в это непростое время. Он активно разрабатывает важные проблемы психологии интеллекта, когнитивной психологии, психологии творчества и одаренности, а также психологии семьи и экзистенциальной психологии. В этой связи важно отметить, что какую бы конкретную тематику ни разрабатывал Дружинин, полученные эмпирические данные или теоретические положения интерпретировались автором с точки зрения психологии способностей и экспериментальной психологии. Все работы Дружинина, по мнению А.Г. Шмелева, «ознаменовали важные вехи в деле развития отечественной экспериментальной психологии в процессе сближения ее с самыми передовыми достижениями мировой науки в этой области» (Шмелев, 2011, с. 5)

Важно отметить, что Дружинин не только сам генерировал научные идеи и блестяще проводил экспериментальные исследования, но и активно поощрял и поддерживал разные теории и идеи, пробуждал интерес к научному творчеству во многих людях из своего окружения. Зачастую он видел в исследованиях коллег то, что не видели сами авторы, и подсказывал наиболее перспективные пути их развития, сохраняя при этом уважение к любому мнению. Творческое наследие Владимира Николаевича Дружинина – это не только то, что передано на бумаге, но и то, что осталось в мыслях, сомнениях, в интеллектуальной энергии, переданных людям. Сам Дружинин так писал об этом: «Только продолжение нашей духовной жизни в других – в детях, учениках, друзьях, любимых – дает шанс, что память о нас уцелеет. ... Нам предоставляется маленький шанс сохранить память о себе благодаря любви к людям» (Дружинин, 2000, с. 134).

Таким образом, нельзя не отметить стремительную эволюцию взглядов Дружинина и серьезные изменения его научной позиции: начав свои исследования с узко прикладных областей мотивации трудовой деятельности и профессионализации, Дружинин утвердился в качестве специалиста в области психометрической диагностики. Затем глубоко и профессионально ученый занимается проблемами методологии, экспериментальной психологии, психодиагностики и психологии общих способностей, что наиболее отвечало внутренним научным интересам и запросам ученого. Далее ученый продолжает расширять тематику своих исследований и переносит свои научно-исследовательские интересы в сферы психологии интеллекта, когнитивной психологии, психологии творчества и одаренности, психологии семьи и экзистенциальной психологии, став и в них специалистом высокого класса. При стремительной смене областей профессиональных интересов во всех исследованиях ученого сохраняется научная глубина, содержательность и стремление к открытию нового в психологической науке. Важно указать, что все эти разнообразные

направления психологии продолжают исследоваться через призму психологии способностей, которая остается центром научных взглядов ученого.

Анализируя эволюцию и динамику творчества Дружинина в ракурсе научно-исследовательской программы, можно сделать вывод, что основой научных исследований Дружинина являлась проблема способностей, которую он разрабатывал практически на протяжении всего своего творческого пути. Устойчивость исследовательской программы Дружинина выявлена в изучении проблемы способностей как определенного стратегического направления при всем многообразии исследований в разных областях психологии. По И. Лакатосу, научно-исследовательская программа – совокупность и последовательность теорий, связанных общностью основополагающих идей и принципов и состоящих из достаточно устойчивого комплекса научных идей, структурирующих научную деятельность (Лакатос, 2003). С этой точки зрения, системообразующей основой научных идей Дружинина становится проблема психологии способностей, выступающая в виде ее методологического исследования, разработки принципов экспериментальной психодиагностики, изучения влияния семейного воспитания на формирование способностей и выхода на уровень экзистенциального анализа способности человека конструировать свой жизненный путь.

ГЛАВА II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.Н. ДРУЖИНИНА

В данной главе представлен вклад В.Н. Дружинина в разработку разных направлений и областей психологии. Предметом рассмотрения выступают разные стороны его многогранной творческой деятельности, что легло в основу структурирования материалов и выделения основных направлений исследований ученого: психология способностей, интеллекта, креативности; методология психологии, психодиагностика и экспериментальная психология; психология семьи; экзистенциальная психология.

2.1. Проблема психологии способностей

2.1.1. Основные определения и подходы к исследованию проблемы способностей

Задача всестороннего и гармоничного развития личности человека в современном обществе делает необходимой серьезную научную проработку проблемы способностей к разным видам деятельности. Проблема способностей – это проблема индивидуальных различий, оказывающих влияние на успешность выполнения деятельности. Анализ проблемы способностей – одна из сложнейших теоретических задач психологии, и в то же время актуальная практическая задача, тесно связанная с прикладными отраслями психологии. Особая трудность анализа состоит в том, что общая теория способностей не отличается ни полнотой, ни ясностью и четкостью позиций, и, кроме того, имеет в своем арсенале большое число экспериментальных исследований, посвященных узким прикладным вопросам.

Проблема способностей в зарубежных исследованиях рассматривается с психометрических позиций, изучается в основном обусловленность структуры способностей наследственными и средовыми факторами, исследуется проблема соотношения общих и специальных способностей и их измерение (Cattell, 1971; Eysenck, 1986; Gardner, 1983; Guilford, 1967; Raven, 2000; Torrance, 1988; Vernon, 1960 и др.) В СССР разработка психологии способностей не приветствовалась, в связи с этим не было столь развитой психометрики, передовых достижений в области инструментария. Но для отечественной школы психологии способностей присущи две характерные черты – практическая направленность (изучение способностей в конкретных видах деятельности) и философское,

научно-методологическое стремление проникнуть в онтологию, механизмы формирования и развития способностей.

Основные аспекты психологии способностей были изучены в работах отечественных психологов по изучению общих умственных способностей: Б.Г. Ананьев и его сотрудники комплексно исследовали разносторонние возможности и особенности человека (1962); Н.С. Лейтес занимался общими умственными способностями и одаренностью в целом (1971); Э.А. Голубева исследовала психофизиологический аспект способностей (2005); Н.И. Чуприкова разработала теорию онтогенетической дифференциации умственного развития (2015); В.Д. Шадриков рассматривал способности как свойства функциональных систем (1991); М.А. Холодная создала концепцию ментального опыта (2002б).

В психологической литературе существует множество различных определений понятия «способности» (Гиппенрейтер, 2015; Л.А. Зеленов, 1985; А.Г. Ковалев, 1970; Б.Ф. Ломов, 1989; К.К. Платонов, 1981 и др.). Б.Ф. Ломов определяет способности как «некоторую совокупность психологических свойств индивида, обеспечивающую ему легкость в овладении определенным видом деятельности и быстрое достижение в этой области высоких результатов» (Ломов, 1989, с.10). В таком понимании способности связаны с определенными социальными задачами и рассматриваются относительно деятельности как общественно-исторической категории.

К.К. Платонов считает, что способности – это «качество личности, определяющее успешность овладения определенной деятельностью и совершенствование в ней» (Платонов, 1981, с. 142), т.е. к способностям он относит любые свойства психики, в той или иной мере определяющие успех в конкретной деятельности. Работа К.К. Платонова «Проблемы способностей» (1972) долгое время была основным руководством для преподавателей, психологов и сыграла важную роль в возрождении и поддержании интереса психологов к психологическим и прикладным проблемам способностей.

Достижения отечественного естествознания (И.П. Павлов, И.М. Сеченов и др.) не могли не сказаться при разработке проблемы способностей, одаренности и их задатков. Глубокая гуманистическая направленность характеризует общую теорию способностей, сформулированную в отечественной науке еще в 1940-х гг. и представленную, прежде всего, такими выдающимися мыслителями, как С.Л. Рубинштейн и Б.М. Теплов.

Для Б.М. Теплова и С.Л. Рубинштейна характерно определение способностей через деятельность и личностные образования. Способность закрепляется в личности как более или менее прочное достояние, но она исходит из требований деятельности и, будучи способностью к деятельности, она в деятельности и формируется. Способности –

единственная из подструктур личности и индивидуальности, определяемая непосредственно через деятельность.

Так, С.Л. Рубинштейн пишет, что «способность развивается на основе различных психофизических функций и психических процессов. Она – сложное, синтетическое образование, включающее ряд качеств, без которых человек не был бы способен к какой-либо конкретной деятельности, и свойств, которые лишь в процессе определенным образом организованной деятельности вырабатываются» (Рубинштейн, 2012, с. 537).

То есть, С.Л. Рубинштейн характеризовал способности, как через деятельность, так и через личностные образования, психические качества и свойства. При этом акцент делается на психологической природе способностей, складывающихся в активном процессе освоения мира субъектом, а психологический механизм формирования способностей усматривается в обобщении психических процессов, с одной стороны, и отношений, с которыми имеет дело субъект в своей деятельности, – с другой. Тем самым оба аспекта формирования способностей – личностный и деятельностный – оказываются связанными.

Существование и развитие психологии способностей как научного направления отечественной психологии в советский период связано, в первую очередь, с трудами Б.М. Теплова и представителей его научной школы, характеризующихся добросовестностью исследований, богатством фактических результатов и методических находок. Б.М. Теплов под способностями понимал индивидуально-психологические способности, которые отличают одного человека от другого. Определяя продуктивность деятельности, они не сводятся к приобретенным знаниям, умениям и навыкам, а обуславливают легкость и быстроту их приобретения (Теплов, 1961). Трактовка способностей Б.М. Тепловым отличается от их «деятельностных» определений, в которых способности рассматривались как *«способности к чему-то»*. Получается, что, сколько видов деятельности, столько же и способностей (музыкальные, математические и т.д.). Б.М. Теплов впервые стал рассматривать способности чисто эмпирически, через измерение индивидуальных проявлений.

Концепция познавательных способностей В.Д. Шадрикова наиболее полно описывает структуру и механизмы функционирования способностей. Проблема определения психической сущности способностей рассматривается в работах В.Д. Шадрикова, который в качестве основного общего понятия, описывающего психологическую реальность, использует понятие психической функциональной системы, процесс функционирования которой обеспечивает достижение некоторого полезного результата. В.Д. Шадриков рассматривает способности как «свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в

успешности и качественном своеобразии освоения и реализации отдельных психических функций» (В.Д. Шадриков, 1991, с. 11). Психические функциональные системы обеспечивают психические процессы, поэтому В.Д. Шадриков классифицирует общие способности по типам психических функций (мыслительные, перцептивные, сенсомоторные и др. способности).

Внешнее разнообразие подходов к проблеме изучения общих способностей и интеллекта вместе с тем позволяет показать значимость психофизиологического аспекта рассматриваемой проблемы, направленного на выявление тех *глубинных природных первопричин*, которые, в конечном счете, создают неповторимый облик человеческой индивидуальности. Первоначально разработанные в павловской школе и позднее развитые применительно к человеку в школах Б.М. Теплова, В.Д. Небылицина, В.С. Мерлина, Б.Г. Ананьева и др., представления об основных свойствах нервной системы рассматриваются в качестве природных основ, обуславливающих развитие общих умственных способностей и интеллекта.

В современной науке при изучении природных основ умственных способностей и интеллекта четко прослеживается тенденция к обобщению, интегрированию полученных результатов, накопленных различными школами и направлениями. По этому вопросу достаточно перспективны современные исследования в области когнитивной психологии, изучающей закономерности переработки и усвоения знаний субъектом посредством его репрезентативно-когнитивных структур (Дж. Брунер, Б.М. Величковский, У. Найссер, М.С. Роговин, И. Хофман, Ю.А. Шрейдер и др.).

Природные основы способностей и механизмы их развития в отечественной психологии активно изучаются Э.А. Голубевой, развивающей идеи Б.М. Теплова и В.Д. Небылицина. Э.А. Голубева исследует активность, работоспособность и саморегуляцию как универсальные предпосылки общих способностей, как базовые факторы интеллектуальной продуктивности. Э.А. Голубева выявляет и измеряет индивидуально неповторимые сочетания общих и специально человеческих типологических свойств нервной системы как природных задатков индивидуальности и личности, общих и специальных способностей. Таким образом, основной ракурс изучения способностей у Э.А. Голубевой – психофизиологический (Голубева, 2005).

В отечественной психологии в разработке проблемы соотношения врожденных и приобретенных способностей можно выделить два направления. В психофизиологическом направлении, представленном исследованиями Э.А. Голубевой (2005), В.М. Русалова (2012) и др. акцентируется связь основных свойств нервной системы (задатков) и общих психологических способностей. Представители этого направления считают способности

преимущественно врожденными и рассматривают их развитие как абсолютно спонтанный процесс, который не зависит от социальных условий, обучения и воспитания.

Другие ученые (Леонтьев, 1960 и др.) исследуют деятельностные детерминанты развития способностей при этом роль задатков либо не рассматривается, либо просто подразумевается, и считается, что у каждого человека можно развить любые способности, для чего необходимы правильное воспитание, соответствующая деятельность и необходимые социальные условия.

В рамках школы С.Л. Рубинштейна (Абульханова-Славская, 2001; А.В. Брушлинский, 1990; Ломов, 1989 и др.) сложилась компромиссная точка зрения на исследование проблем способностей, уравнивающая эти две крайности. Ученые, разделяющие эту точку зрения, рассматривали способности, возникающие у человека на основе задатков, как развитие способов деятельности: «Способности формируются и развиваются в процессе деятельности, но они формируются не на пустом месте, а на базе некоторых задатков, т.е. анатомофизиологических предпосылок, которые могут реализовываться так или иначе в зависимости от конкретных социальных условий жизни человека». (Ломов, 1989, с. 10).

Как считает С.Л. Рубинштейн, развитие способностей совершается по спирали. Каждая способность проявляется и, развиваясь, переходит на высшую ступень, которая открывает возможности для новых, более высоких проявлений способности. «Психические свойства личности – ее способности и характерологические черты – формируются в ходе жизни. Врожденные особенности организма являются лишь задатками, – весьма многозначными, которые обуславливают, но не предопределяют психические свойства человека. На основе одних и тех же задатков у человека могут выработаться различные свойства – способности и черты характера в зависимости от хода его жизни и деятельности не только проявляются, но и формируются. Наличие интереса к определенной области деятельности стимулирует развитие способностей в соответствующем направлении, а наличие определенных способностей, обуславливая плодотворную работу, стимулирует интерес к ней» (Рубинштейн, 2012, с. 514).

Для исследования способностей, как подструктуры личности и индивидуальности, обуславливающих легкость, быстроту и прочность овладения теми или иными видами деятельности, разработано множество научных методов. В дифференциальной психологии создан основной инструмент измерения способностей – тесты – и разработаны статистические методы, позволяющие обобщать данные и обеспечивать доказательность выводов.

Проблему общих и специальных способностей можно обозначить как наиболее сложную и дискуссионную. В психологии принята дифференциация способностей на *общие*,

проявляющиеся в большинстве видов человеческой деятельности (например, интеллектуальные способности) и *специальные*, проявляющиеся в узких, специальных видах профессиональной деятельности. При этом по-разному оценивается их соотношение и роль.

Так, Б.М. Теплов выступал против преувеличения роли общих способностей (общего интеллекта и одаренности), предлагал различать лишь более или менее общие и специальные моменты в одаренности и подчеркивал исключительное значение специальных способностей (Теплов, 1941, Теплов, Лейтес, 1956). А в работах Б.Г. Ананьева, наоборот, подчеркивается огромная роль общего развития и общих способностей в становлении специальных способностей (Ананьев, 1962).

По Я.А. Пономареву, важнейшей стержневой и, по-видимому, наиболее общей способностью служит сильно развитый так называемый «формальный интеллект» человека, т.е. его способность находить, ставить и решать проблемы любой сложности безотносительно к конкретной категориальной схеме, к конкретному содержанию знаний, отражающих, описывающих соответствующую проблемную ситуацию (Пономарев, 1988).

В психологии общие способности определяются как способности умственные, обеспечивающие овладение различными видами знаний и умений, которые человек реализует во многих видах деятельности. Общие умственные способности разных людей различаются уровнем развития когнитивных операций и качеством протекания мыслительных процессов. Они отождествляются с интеллектом, и часто их определяют, как общие интеллектуальные способности.

Д.Н. Завалишина так же, как и Б.М. Теплов, связывает общие способности с общими условиями ведущих форм человеческой деятельности, а специальные – с отдельными видами деятельности (Завалишина, 1991). В таком рассмотрении способности делятся не по видам психических функциональных систем, а по видам деятельности.

Таким образом, способности – одна из самых интересных и острых проблем психологии. Жаркие споры о природе способностей велись, да и ведутся до сих пор, главным образом, по вопросу, чем предопределяются способности – наследственностью или воспитанием. Механизмы формирования и развития способностей еще недостаточно изучены, несмотря на обширные исследования в отечественной и зарубежной психологии способностей. В заключение следует отметить, что для научной классификации способностей пока еще не найдено достаточно выверенного единого основания.

2.1.2. Психологическая концепция способностей В.Н. Дружинина

Дружинин, подводя итоги исследований психологии способностей в разных научных школах, выделил несколько проблем и методических подходов, которые, по его представлению, стали основой разработки данной проблемной области:

- проблема развития способностей и их детерминанты;
- проблема структуры способностей, взаимосвязи специальных и общих способностей;
- проблема создания методов измерения способностей, «в более широком смысле – методов измерения психических свойств индивидуальности» (Дружинин, 2007, с. 12);
- проблема соотношения способностей и деятельности;
- проблема влияния социальных условий на развитие способностей.

Конечно, как отмечает Дружинин, список проблем этим не исчерпывается. В работах ученого по психологии способностей представлен уникальный материал по характеристике основных подходов (редукционистский, личностно-мотивационный и психометрический) к изучению общих способностей с глубокой авторской интерпретацией и оценкой. Проанализированы разные теоретические и экспериментально-диагностические подходы к пониманию сущности и структуры интеллекта, креативности и ее диагностики, развитию творческих способностей (Дружинин, 2007).

Дополняя определение способностей Б.М. Теплова, Дружинин считает, что «скорость обучения может зависеть от мотивации, но чувство легкости при обучении (иначе – «субъективная цена», переживание трудности) скорее обратно пропорционально мотивационному напряжению» (Дружинин, 2007, с. 14). Поясняя свою мысль, он пишет, что, «чем больше у человека способность, тем успешнее он выполняет деятельность, тем быстрее ею овладевает, а процесс овладения деятельностью и сама деятельность даются ему субъективно легче, чем обучение или работа в той сфере, в которой он не имеет способности» (Дружинин, 1995, с.14). Указанная закономерность представляется Дружининым в виде «формулы способности» в ее объективной форме:

$$\text{СПОСОБНОСТЬ} = \text{ПРОДУКТИВНОСТЬ} / \text{«ЦЕНА»}$$

Или в субъективной форме:

$$\text{СПОСОБНОСТЬ} = \text{УСПЕШНОСТЬ} / \text{ТРУДНОСТЬ}$$

То есть, «неспособный проливает больше пота и слез, чем способный, которому все дается легче» (Дружинин, 2007, с. 15). По мнению Дружинина, способности нужно определять «как способности чего-то (некоторой «вещи»), не сводимые к специфике конкретных деятельностей». (Дружинин, 1997, с. 50).

Анализируя работы Дружинина, можно свести основные исследования ученого по психологии способностей к трем основным проблемам – изучение структуры, диагностики и развития общих способностей (интеллекта, креативности и, в меньшей мере, – обучаемости).

Структура общих способностей

В.Н. Дружинин определяет общие психические способности как свойства психики в целом. Рассматривая содержание индивидуальной психики как опыт, приобретенный в течение жизни, Дружинин указывает на наличие трех сторон любого психического процесса: приобретение опыта, преобразование опыта и применение опыта. На этой основе он выделяет три основные общие психические способности – обучаемость, общий интеллект и способность к творчеству, или креативность. Эти способности связаны с общими сторонами функционирования психики и проявляются не в конкретных видах деятельности, а в общих формах внешней активности, поведения человека. И следуя за Ломовым, который выделял три функции психики: коммуникативную, регуляторную и познавательную, Дружинин предлагает выделить коммуникативные, регуляторные и познавательные способности, отмечая при этом, что он сам в основном занимается группой познавательных (когнитивных) способностей.

Дружинин рассматривал работу психики как единой системы, перерабатывающей информацию, выделяя в этом процессе: приобретение, применение, преобразование и сохранение знаний. Он изобразил схему когнитивной психической деятельности, где компонентами выступили три перечисленные выше системы (Рисунок 5):

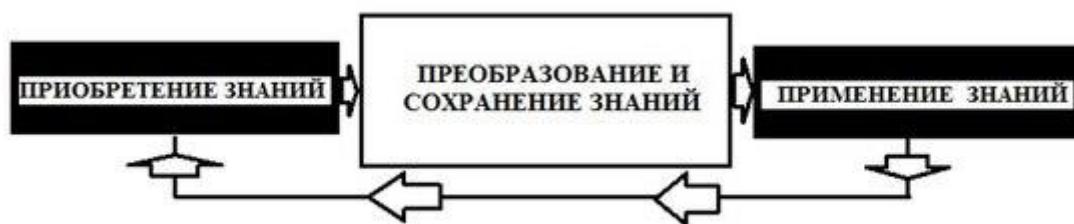

Рис. 5.

Схема когнитивной психической деятельности, по В.Н. Дружинину (Дружинин, 2007, с. 17).

Эта схема, по мнению ученого, имеет один вход и один выход. Способность к приобретению знаний характеризует обучаемость; способность к преобразованию знаний – креативность или общую творческую способность. Способность к применению знаний можно было бы отождествить с тестовым интеллектом (как способностью решать задачи на

основе имеющихся знаний). Большинство исследований Дружинина посвящены рассмотрению природы и взаимоотношений этих трех основных общих способностей – интеллекта, обучаемости и креативности. «Каждой из них соответствует специфическая мотивация и специфическая форма активности, как-то: креативности – мотивация самоактуализации (по А. Маслоу) и творческая активность, интеллекту – мотивация достижений и адаптивное поведение, обучаемости – познавательная мотивация» (Дружинин, 2007, с. 17). Включая в структуру общих способностей интеллект, креативность и обучаемость, Дружинин основывается на трехкомпонентной модели когнитивного процесса, в котором любой когнитивный акт должен включать в себя приобретение, применение и преобразование когнитивного опыта.

Таким образом, *первая способность* – обучаемость – отвечает за успешность и скорость приобретения опыта. *Вторая способность* – общий интеллект – определяет успешность применения опыта при решении деятельностных задач и, более широко, – для адаптации к среде (В. Штерн, Ж. Пиаже). *Третья способность* – креативность (способность к творчеству) – рассматривается как способность к преобразованию опыта и порождению нового интрапсихического опыта (субъективных моделей мира). Эти три общие способности (обучаемость, интеллект и креативность) являются независимыми свойствами психики как целого, но при тестировании креативность и обучаемость могут проявляться через успешность решения задач. Обучаемость основывается на прежнем опыте, т.е. общий интеллект обуславливает успешность обучения. При тестировании креативности задания являются внешней задачей, а не внутренней потребностью индивида, поэтому индивиду нужно принять задачу, адаптироваться к ситуации, что также требует определенного уровня интеллекта.

Диагностика общих способностей

Вклад Дружинина в исследование проблемы диагностики общих способностей особо важен для психологии; прежде всего, это касается разработки принципа экологической валидности тестирования (диагностики).

Под руководством Дружинина проведены исследования, позволившие выявить типологию ситуаций тестирования общих способностей. Исходным критерием этой типологии является особенность взаимодействия психодиагноста и испытуемого, а базовым принципом – активность субъекта-испытуемого. Предложенная автором типология психодиагностических ситуаций учитывает два момента: во-первых, кто проявил активность при создании ситуации тестирования; во-вторых, кто принимает решение о дальнейшем поведении испытуемого. Опираясь на вышеизложенное, Дружинин выделил четыре

основных типа ситуации: консультирование, отбор, принудительное исследование и аттестация.

Проведенные экспериментальные исследования позволили установить *влияние ситуации на проявление психических способностей*, в частности, на общий интеллект. Установлено, что максимальные индивидуальные различия в уровне общего интеллекта проявляются в ситуации отбора. Минимальные результаты испытуемые демонстрируют в ситуации принудительного обследования, а максимальные – в ситуации консультирования. Также были проведены исследования, направленные на выявление влияния фактора ситуации и фактора изменения эмоционального отношения испытуемого к исследованию под влиянием экспериментатора. В результате были получены данные, которые показали, что динамика эмоционального отношения оказывает большее влияние на результаты тестирования, чем особенности ситуации.

Еще одним направлением исследования являлось выявление влияния стиля общения на продуктивность испытуемого при решении интеллектуальных задач. В качестве факторов, определяющих стиль общения, выступали: эмоциональная поддержка или ее отсутствие и наличие или отсутствие контроля. Было выявлено, что *эмоциональная поддержка – наиболее значимый фактор повышения интеллектуальной продуктивности подростков*, а результаты тестирования общих способностей в большей мере зависят от типа взаимодействия испытуемого с экспериментатором, чем от других факторов.

Развитие общих способностей

Рассматривая существующие в области исследования развития способностей две парадигмы – «средовую» и «наследственную» – Дружинин приходит к заключению, что психология развития начинается там, где заканчивается психогенетика; «влияние среды на развитие интеллекта несомненно» (Дружинин, 2007, с. 104). Поэтому важно найти и рекомендовать практикам те средства, которые могут повысить или сохранить интеллектуальный и творческий потенциал человека.

Наиболее, на его взгляд, подвержены средовым воздействиям невербальный интеллект, сенсомоторные способности, парциальные способности, которые в свою очередь выступают посредниками и переносчиками влияния средовых факторов на общие способности, такие как интеллект. На этой основе им разработана модель, описывающая систему детерминант развития способностей (Рисунок 6).

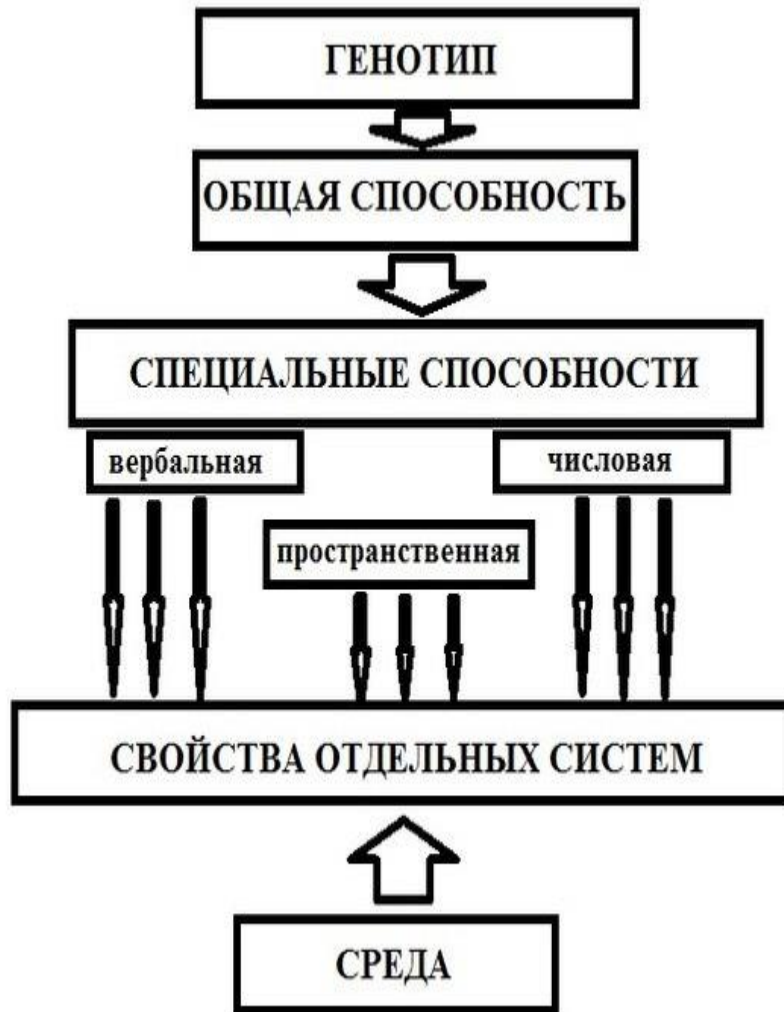

Рис. 6.

Уточненная психогенетическая модель развития способностей, по В.Н. Дружинину (Дружинин, 2007, с. 104).

Итак, по мнению Дружинина, роль генотипа в детерминации вариации способностей больше, чем роль среды, если способность:

- является общей, а не специальной;
- тесно связана с общим интеллектом;
- не влияет непосредственно на моторно-перцептивное взаимодействие индивида со средой;
- является специфически человеческой, видовым признаком (например, вербальная).

Конкретизируя указанные положения, Дружинин ставит вопрос о влиянии общения на развитие интеллекта. Отвечая на поставленный вопрос, он отмечает, что первичное интеллектуальное развитие человека происходит в семье, откуда делается вывод, что именно

влияние стиля семейного общения, отношений между детьми и родителями часто предопределяет уровень развития способностей ребенка.

Владимир Николаевич выдвинул гипотезу, согласно которой на интеллектуальное развитие ребенка наибольшее влияние оказывает близкий ему эмоционально родителем. Идентифицируясь с ним, ребенок подражает ему в интеллектуальной деятельности. Проведенные исследования подтвердили выдвинутую гипотезу: установлено, что важным является именно факт предпочтения ребенком своего партнера по общению. При этом отношение ребенка к предпочитаемому родителю не всегда совпадает с отношением к нему родителя.

Стиль родительского общения играет важную роль при формировании отношений между мотивацией и способностями ребенка. Так, дети, не получающие эмоциональной поддержки, испытывают страх перед неудачей и у них формируется мотивация избегания неудач. Дети, эмоционально перенасыщенные в плане поддержки, но при этом жестко контролируемые, проявляют завышенный уровень притязаний: даже при невысоком уровне интеллекта у них формируется неадекватная высокая самооценка и надежда на успех.

При исследовании развития креативности Дружинину и его сотрудникам удалось выявить роль подражания на ранних этапах онтогенеза. Подражание творческому образцу служит, по мнению В.Н. Дружинина, «трамплином», с которого взлетает человек к вершинам самостоятельного творчества.

Дружинин был уверен, что экспериментальные результаты, полученные сотрудниками и аспирантами лаборатории Института психологии РАН, позволят в ближайшем будущем создать концепцию социально-средовой детерминации развития общих способностей.

Ученый подробно исследовал влияние семейных отношений на развитие способностей и считал, что эмоциональные отношения ребенка к взрослому, а также стиль семейного воспитания, особенности структуры семейных отношений оказывают огромное воздействие на развитие способностей детей. Это воздействие осуществляется как непосредственно, так и опосредованно: через формирование определенных особенностей личности и мотивации ребенка.

Благодаря полученным В.Н. Дружининым результатам в области психологии общих способностей можно сделать следующие выводы:

- экспериментатору при диагностике общих способностей следует обращать особое внимание на взаимодействие испытуемого с ситуацией и на общение с ним, учитывать тип ситуации и стиль общения при интерпретации данных;
- креативность и общий интеллект требуют полярно различных условий диагностики;

– развитие способностей определяется общением ребенка со взрослыми. Именно в общении со взрослыми происходит формирование способностей. Основным механизмом здесь выступает подражание значимому, эмоционально близкому взрослому при наличии эмоциональной поддержки последним активности ребенка. Причем, данный механизм характерен для формирования, как интеллекта, так и креативности.

Именно в общении с взрослыми происходит формирование способностей. Основным механизмом здесь выступает подражание значимому, эмоционально близкому взрослому при наличии эмоциональной поддержки последним активности ребенка. Причем, данный механизм характерен для формирования, как интеллекта, так и креативности.

Таким образом, Дружинин начинал изучать способности, исходя из концепции Шадрикова, выделяющего способности по функциональному критерию. Функциональный подход является общим для Шадрикова и Дружинина, но сама трактовка функций немного разная, взаимодополняющая друг друга. В исследованиях Дружинина представлен не парциальный, а макрофункциональный подход, в котором выделены три макрофункции: коммуникативная, регуляторная и познавательная. По нашему мнению, одним из наиболее перспективных можно считать подход Дружинина к проблеме способностей, который основывается на выделении трех блоков переработки информации – блоки приема, переработки и применения информации. По трем указанным блокам Дружинин дифференцирует три общие способности – обучаемость, интеллект и креативность. Данный подход представляется достаточно конструктивным, так как он соответствует функционально-генетической парадигме изучения способностей – наиболее разработанной из существующих.

2.2. Проблема интеллекта и креативности в трудах В.Н. Дружинина

2.2.1. Исследования интеллекта

В теории интеллекта в последние десятилетия разрабатывается подход, ставящий в центр внимания структурные характеристики интеллекта, который связывается в первую очередь с именем В.Н. Дружинина. Именно он в ряде своих работ правомерно констатировал, что хотя тестирование интеллекта очень широко распространилось в отечественной психологической практике, все же «обоснованное использование методов диагностики интеллекта, приемов его развития и учета результатов на практике требует

серьезного научного обоснования» (Дружинин, 2001, с. 18). Он же разработал новые концепты и модели в намеченном направлении, что, на наш взгляд, и сегодня задает вектор соответствующих научных разработок проблем интеллекта.

В.Н. Дружинин условно все работы в области психологии интеллекта делил на три большие группы: 1) психогенетика интеллекта; 2) общая психология интеллекта; 3) дифференциальная психология и психометрика интеллекта. По мнению ученого, наиболее значительные результаты получены исследователями в первой и третьей областях, а «общая психология интеллекта до сих пор остается на периферии, поскольку, на первый взгляд, она не дает прямых практических рекомендаций в отличие от психодиагностики и психогенетики» (цит. по: Холодная, 2002б, с. 7). В.Н. Дружинин считает себя «приверженцем не "концептуальной", а "измерительной" психологии, то есть той психологии, которая основывает свои выводы на количественных результатах, полученных с помощью стандартизированных процедур сбора и обработки данных» (цит. по: там же, с. 8). А ключевым, единственно психологическим понятием автор рассматривает «психометрический интеллект», который измеряется тестами IQ (Дружинин, 2001, с. 75–76).

В.Н. Дружинин отмечал, что сегодня переход от факторных и корреляционных моделей описания структуры интеллекта и параметров деятельности к моделям алгебраическим и динамическим – совершенно необходимый шаг для дальнейшего развития теории способностей. А интеллект можно определить через процедуру его измерения как «способность решать определенным образом сконструированные тестовые задачи» (Дружинин, 2007, с. 21). Позиция В.Н. Дружинина в том, что определять интеллект и его содержание необходимо в рамках операционального подхода, который наиболее ярко проявляется в факторных моделях интеллекта. Владимир Николаевич подчеркивает, что «любой психологический конструкт, описывающий психологическое свойство, процесс, состояние, имеет смысл лишь в сочетании с описанием процедуры исследования, диагностики, измерения поведенческих проявлений этого конструкта» (там же). И, следовательно, содержание каждого конкретного конструкта изменяется при изменении процедуры его измерения.

Важную роль в исследованиях интеллекта В.Н. Дружинин отводит применению измерительных процедур, поскольку интеллект и креативность ученый рассматривает преимущественно с психометрических позиций. Автор пишет: «Не отрицая возможности и необходимости других подходов, оставляю за собой право опираться на то методическое основание, которым я владею» (Дружинин, 2001, с. 4). На наш взгляд, это не только теоретическая позиция, но и руководство к действию – разработанный В.Н. Дружининым

инструментарий измерения интеллектуальных способностей занял весомое место в современной практически ориентированной психологии.

Психология интеллекта, по мнению ученого, является составной частью дифференциальной психологии, а центральными вопросами, на которые должны отвечать теории интеллекта, – это вопросы: Каковы причины индивидуальных различий, и каким методом можно выявить эти различия?

В качестве причин индивидуальных различий в интеллектуальной продуктивности В.Н. Дружинин выделяет среду (культуру) и нейрофизиологические особенности, определяемые наследственностью. Методами выявления этих различий является, по его мнению, либо внешняя экспертная оценка поведения, основанная на здравом смысле, либо объективные методы: систематические наблюдения и измерения (тесты).

В.Н. Дружинин определяет интеллект как некоторую общую способность, определяющую успешность адаптации человека (и животных) к новым ситуациям, в которых человек решает задачи «в уме» при доминирующей роли сознания над бессознательным (Дружинин, 1995). Проблема взаимосвязи интеллекта и продуктивности деятельности остается одной из важных проблем в психологии, однако точки зрения различных исследователей на их соотношение неоднозначны. Это связано с различиями в определении интеллекта, его видов (общий, практический, социальный, эмоциональный) и его составляющих (флюидный и кристаллизованный интеллект). Как следствие, различны и методики измерения интеллекта и оценки деятельности. В рамках своего подхода В.Н. Дружинин обобщил результаты многочисленных исследований, посвященных оценке взаимосвязи интеллекта и продуктивности деятельности в модели «интеллектуального диапазона».

В.Н. Дружинин ставит вопрос: какова зависимость продуктивности деятельности индивида от уровня и структуры его интеллекта, под которым он подразумевает психометрический интеллект – «свойство, измеряемое с помощью некоторой системы тестовых заданий» (Дружинин, 2001, с. 42). Такой интеллект, как отмечает Дружинин, зависит от культуральных влияний, воспитания в семье, образования и социоэкономического статуса, но в большей мере детерминирован генетически.

В своих экспериментальных исследованиях школьников В.Н. Дружинин выявил, что существует «нижний порог» IQ для учебной деятельности: «успешно учиться может только школьник, чей интеллект выше некоторого значения, определяемого внешними требованиями деятельности» (Дружинин, 1998, с. 63). Ученик с IQ ниже этого порога, никогда не будет учиться успешно. Следовательно, существует некий предел успешности обучения для индивида с данным уровнем IQ, который можно измерить.

Дружинин считает надуманными и непродуктивными рассуждения о малой информативности тестов интеллекта для прогноза школьной успеваемости. «Интеллект определяет лишь верхний, а деятельность – нижний предел успешности обучения, а место ученика в этом диапазоне определяется не когнитивными факторами, а личностными особенностями, в первую очередь учебной мотивацией и такими чертами, как исполнительность, дисциплинированность, самоконтроль, отсутствие критичности, доверие к авторитетам» (Дружинин, 2007, с. 250).

Тем самым, согласно В.Н. Дружинину, успешность деятельности как бы «ограничена снизу»: индивид не способен успешно трудиться, если его IQ меньше некоторого «интеллектуального порога», специфичного для данного вида деятельности. (Дружинин, 2001, с. 48).

В связи с этим логично возникает вопрос: существует ли «верхний» интеллектуальный порог, ограничены ли возможности индивида в определенной профессиональной деятельности уровнем его интеллекта? Отвечая на этот вопрос, ученый пишет, что как раз интеллект индивида выступает в качестве «верхнего ограничителя», потолка потенциальных творческих достижений. Использует или нет индивид отведенные ему природой возможности, зависит от его мотивации, компетентности в той сфере, которую он для себя избрал, и от тех внешних условий, которые предоставляет ему общество.

Итак, «верхний порог» – верхняя граница продуктивности (предельный уровень индивидуальных достижений), задаваемый индивидуальным уровнем интеллекта. В.Н. Дружинин предполагает, что недостаток мотивации и компетентности препятствует индивиду достичь верхнего порога индивидуальных достижений. А нижнюю границу индивидуальных достижений в деятельности определяют требования деятельности, которые проявляются в феномене «интеллектуального порога»: если IQ индивида ниже определенного значения, то он не может проявить минимально необходимую продуктивность.

В.Н. Дружинин выделяет несколько следствий данной модели «интеллектуального диапазона»:

1. Успех вхождения индивида в деятельность определяется уровнем индивидуального интеллекта и сложностью деятельности.
2. Уровень конкретных индивидуальных достижений зависит от мотивации и компетентности личности (что связано с содержанием деятельности).
3. Предельно высокий уровень индивидуальных достижений зависит только от индивидуального IQ, а не зависит от трудности деятельности и ее содержания.

4. У интеллектуально одаренных людей корреляции между успешностью деятельности и уровнем интеллекта ниже, чем по всей выборке, так как больше диапазон продуктивности.

5. Для высокоодаренных испытуемых диапазон возможных достижений в разных сферах деятельности, успешности по разным учебным дисциплинам и при выполнении тестовых заданий шире, чем у остальных.

Таким образом, для исследований Дружинина характерен подход, рассматривающий интеллект индивида, с одной стороны, как «верхний ограничитель» потолка потенциальных творческих достижений, а с другой – как когнитивный ресурс субъекта, позволяющий создать адекватную репрезентацию (представление) о той или иной ситуации. Модель «интеллектуального диапазона» (или «диапазона продуктивности») позволяет описать ряд известных эмпирических зависимостей и фактов, а также предсказать новые эффекты с учетом того, что общий интеллект определяет лишь верхние границы возможных достижений человека.

Исследования психометрического интеллекта под руководством Дружинина позволили уточнить структуру психометрического интеллекта, описать его основные компоненты (поведенческий, вербальный, пространственный и формальный или знаково-символический), проанализировать их соотношения и выделить отличительные признаки этих компонентов. Первой ступенью в формировании интеллекта является вербальный интеллект, связанный с усвоением языка, затем на его основе складывается пространственный интеллект и, наконец, последним по времени формирования выступает формальный (или знаково-символический) интеллект. При этом в качестве исходной базы для развития всех трех форм интеллекта выступает «поведенческий» интеллект. Операции поведенческого интеллекта, по Дружинину, обладают следующими признаками: контекстуальностью, непрерывностью, необратимостью, эмоциональной насыщенностью и ситуационной зависимостью.

Вербальный интеллект связан с усвоением языка, позволяет выйти за пределы наличной ситуации и обладает рядом признаков: содержание операции зависит от контекста, мышление непрерывно, речевые операции необратимы, есть смысловая неоднозначность и эмоциональная насыщенность.

Развивающийся далее *пространственный интеллект* характеризуется независимостью содержания и операций от ситуативного контекста, инвариантностью операции относительно пространства, обратимостью операций во времени, независимостью от ситуации, однозначностью отношения изображения к содержанию, незначительным влиянием эмоциональной составляющей.

Последним по времени формирования выступает *формально-знаковый* интеллект, имеющий следующие признаки: независимость содержания и операций от контекста,

дискретность знаков и операций, обратимость операций во времени, надситуативность операций, однозначность смысла, отсутствие эмоциональной семантики, произвольность знака по отношению к содержанию, которое определяется системой отношений между знаками.

Анализируя описанные Дружининым уровни интеллекта, можно отметить, что при переходе от «поведенческого» интеллекта к формальному убывает эмоциональная составляющая, возрастают однозначность и произвольность обозначения по отношению к содержанию, а также независимость операций от контекста, ситуации, пространства и времени.

Для овладения каждым уровнем, «кодом» требуется некоторый начальный минимальный уровень интеллекта, «порог». Овладение каждым видом «кода» приводит к возникновению новой интеллектуальной способности: вербальной, пространственной, формально-логической. При этом каждая способность основывается на предыдущей, то есть для того чтобы новая способность возникла, необходим минимальный уровень развития предыдущей, которая задает пределы для развития и проявления новой способности.

Таким образом, как считает Дружинин, уровень интеллектуальных возможностей определяется уровнем развития предшествующего уровня и «порогом», необходимым для развития последующего уровня интеллекта. Это дало основание предположить, что существует иерархическая очередность формирования этих уровней интеллекта в онтогенезе.

Итак, на основе анализа и обобщения результатов тестологических исследований Дружининым была разработана модель «интеллектуального диапазона», в которой можно соотнести такие важные для измерительного подхода явления, как уровень психометрического интеллекта, индивидуальная продуктивность субъекта в той или иной сфере деятельности (творческой, учебной, профессиональной) и пороги (нижний и верхний) индивидуальных интеллектуальных достижений.

Дружинин и его ученики подтверждают эти выводы результатами эмпирических исследований, показавшими, что интеллектуальная одаренность сопровождается большим разбросом индивидуальных достижений в различных сферах деятельности, по предметам обучения и т.д. Поэтому при независимости достижений в разных областях, в среднем, для группы одаренных разница показателей по отдельным тестам будет больше, чем по генеральной совокупности.

Оценивая разработки в русле подхода Дружинина к проблеме интеллекта и особенно тестирования интеллектуальных способностей, можно отметить, что именно они задают высокий уровень исследований в данном направлении. Это в первую очередь касается

дальнейшей разработки модели интеллектуального диапазона – эта модель позволяет наиболее полно фиксировать степень развития и предметного интеллекта, и специальных способностей, что особенно важно для научного обеспечения психологического тестирования. В этом, на наш взгляд, и заключается востребованность подхода В.Н. Дружинина в самых различных сферах научно-практической деятельности, где интеллектуальные способности играют важную, а то и ключевую роль.

2.2.2. Соотношение интеллекта и креативности

В психологической литературе сформировалось несколько подходов к проблеме соотношения интеллекта и креативности. Сторонники одного подхода (Terman, 1937; Sternberg, 1985; и др.) не разделяют интеллект и креативность, считая, что высокий уровень интеллекта предполагает высокий уровень творческих способностей и наоборот. Представители второго подхода рассматривают творческие способности и интеллект как независимые факторы (Guilford, 1967; и др.).

Дружинин, рассматривая природу отношений творчества и деятельности, придерживался в этом вопросе точки зрения Г.С. Батищева, который считал их принципиально противоположными формами человеческой активности (Батищев, 1997). Деятельность возникает из-за внешних или внутренних рациональных причин, творчество спонтанно, непланируемо. Деятельность целесообразна, произвольна, рациональна и сознательно регулируема, творчество же наоборот нецелесообразно, произвольно, иррационально и не контролируется сознанием в момент творческого акта. Таким образом, творчество – это жизнь бессознательного. Чтобы творить, считал Дружинин, важно усвоить образец активности человека творящего, подражая ему, выйти на новый уровень овладения культурой и самостоятельно развиваться дальше. Главной в творчестве становится внутренняя активность – акт создания «идеала», образа мира. Большинство исследователей творчества выделяют следующие признаки творческого акта: бессознательность, спонтанность, неконтролируемость волей и разумом, независимость от внешних ситуативных причин и зачастую измененность состояния сознания.

Дружинин определяет креативность как некоторую способность бессознательного творческого субъекта порождать множество моделей мира (Дружинин, 1995). В проблеме соотношения между креативностью и интеллектом важными представляются исследования Дружинина, направленные на выявление соотношения интеллекта и одаренности, которые позволили выявить зависимость обучаемости от уровня интеллекта.

Для объяснения связи результатов тестирования интеллекта и креативности ученый разработал концепцию когнитивного ресурса. Суть этой концепции состоит в том, что интеллектуальная продуктивность индивида зависит от симультанной актуализации множества элементов когнитивной системы, обеспечивающей создание модели задачи в мысленном плане. Реконструкция модели задачи предполагает: 1) выделение существенных и отсеивание несущественных признаков (избыточная информация мешает решению); 2) анализ формальной структуры задачи (ФСЗ), на основе которой выделяются основные этапы ее решения. Согласно Дружинину, такая реконструкция возможна благодаря определенному когнитивному ресурсу. *Когнитивный ресурс* – это мощность множества связанных когнитивных элементов, отвечающих за активное создание многомерных моделей реальности в процессе решения задач разного уровня сложности, т.е. мощность когнитивного ресурса определяется совокупностью «активных» и «свободных» когнитивных элементов и проявляется в показателе интеллектуальной продуктивности. *Когнитивный элемент*, в свою очередь, рассматривается как минимальная единица когнитивной структуры. Когнитивный ресурс как интегральная характеристика проявляется в предельных показателях внимания, памяти и позволяет объяснить индивидуальные различия в интеллектуальной продуктивности через особенности структурной организации когнитивной системы.

Множество когнитивных элементов, одновременно актуализирующихся при построении модели задачи в ментальном плане, определяют успешность ее решения. Если для решения задачи требуется число когнитивных элементов, превышающих имеющийся ресурс, то задачу решить без привлечения дополнительных стратегий не удастся. Если индивидуальный ресурс превосходит ресурс, необходимый для решения задачи, то остается определенный «свободный» резерв, который может быть использован для параллельного решения других задач. В качестве основных коррелятов (дескрипторов) общего интеллекта рассматриваются: размерность когнитивного пространства, характеристики сенсорной и оперативной памяти, время реакции выбора.

Проведенные исследования, выполненные под руководством Дружинина, позволили установить значимые связи между уровнем общего интеллекта и операциональными дескрипторами когнитивного ресурса, в частности, размерностью когнитивного пространства, временем реакции выбора, объемом сенсорной памяти. Показано, что испытуемые с разным уровнем интеллекта отличаются по объему кратковременной и сенсорной памяти, времени реакции выбора, показателю продуктивности выделения признаков понятий.

Созданная Дружининым концепция когнитивного ресурса и полученные результаты экспериментальных исследований позволяют утверждать, что ресурсная модель представляет большую научную значимость, как в теоретическом плане – для понимания механизмов интеллектуальной деятельности, так и в прикладном – для разработки новых методов оценки интеллектуальных возможностей человека.

Кроме того, Дружинина интересовала диагностика и формирование креативности и творческих способностей. Ученый задается вопросом: «Возможно ли искусственно воспроизвести условия социальной микросреды, которые могут позитивно влиять на развитие креативности?» (Дружинин, 2007, с. 220). По его мнению, легче всего сконструировать такую среду для детей 3–6 лет. Важно, чтобы большую часть времени дети проводили в обстановке, способствующей развитию творческих способностей, а именно в этом возрасте сфера жизнедеятельности детей довольно однородна и легко поддается контролю. Дети в возрасте 3–5 лет, с одной стороны, готовы к социализации, с другой стороны, еще не социализированы. Чем старше ребенок, тем сложнее создать такую развивающую среду и провести формирующий эксперимент.

В исследовании В.Н. Дружинина и Н.В. Хазратовой (1994) формирующий эксперимент состоял в том, что в микросредах экспериментальной выборки были созданы условия для развития креативности, поддерживаемые на постоянном уровне в течение пяти месяцев. В начале и середине формирующего воздействия, а также после его завершения проводилось тестирование уровня креативности испытуемых экспериментальной и контрольной выборок. В результате было исследовано влияние формирующей среды на уровень креативности детей и были получены следующие результаты:

- повышение креативности не однонаправлено, за существенным повышением креативности наблюдается некоторое ее понижение;
- росту креативности сопутствуют невротизация детей и большее или меньшее нарушение равновесия в системе жизнедеятельности;
- психика стремится восстановить равновесие, нарушенное развитием креативности, двумя способами: восстановление прежней системы путем понижения креативности или появление новой устойчивости без понижения креативности;
- не у всех людей повышение креативности является целесообразным, для некоторых оно связано с выраженным эмоциональным дискомфортом.

Если уровень креативности у детей в ходе формирующего воздействия превышал некоторый уровень, индивидуально определенный, то у них проявлялись признаки невротоподобного поведения: тревожность, капризность, агрессивность и др.

Установлено, что креативность проявляется в ситуациях, когда поведение испытуемых не регламентируется. В.Н. Дружинин делает вывод, что можно выявить креативов с помощью тестов креативности, но нельзя точно определить некреативов. Если испытуемый не дает творческого ответа, это еще не свидетельствует об отсутствии у него креативности. «Причиной этого является спонтанность проявлений креативности и неподвластность этих проявлений внешней и внутренней регуляции» (Дружинин, Хазратова, 1994, с. 210).

Итак, в данном исследовании выявлены две важные закономерности: нелинейный характер изменения креативности в ходе исследования и последовательность формирования компонентов креативности (сначала мотивационные, затем когнитивные и поведенческие). При исследовании развития креативности Дружинину и его сотрудникам, удалось выявить роль подражания на ранних этапах онтогенеза. Подражание творческому образцу служит, по мнению В.Н. Дружинина, «трамплином», с которого взлетает человек к вершинам самостоятельного творчества.

Дружинин выдвигает гипотезу, что среда позитивно влияет на формирование креативности, которая в своем развитии проходит две фазы. Сначала развивается «первичная» креативность (в возрасте 3–5 лет) как общая творческая способность, неспециализированная к какой-либо определенной области человеческой жизнедеятельности. Основным механизмом формирования креативности на этой фазе выступает *подражание* значимому взрослому как образцу. Далее, по мнению Дружинина, возможно, что на некоторый период креативность переходит в латентное состояние. А вторая фаза креативности проявляется в подростковый и юношеский возраст (от 13 до 20 лет), когда на основе «общей» креативности формируется уже «специализированная» креативность, то есть способность к творчеству, связанная с определенной сферой человеческой деятельности. Здесь важную роль играет профессиональный образец, поддержка семьи и сверстников; сам молодой человек определяет для себя «идеальный образец» творца, которому он стремится подражать. Вторая фаза, как отмечает Дружинин, заканчивается тем, что юноша либо задерживается на фазе подражания, либо переходит к оригинальному творчеству.

Для развития и формирования креативности необходимы, во-первых, отсутствие образца регламентированного поведения; во-вторых, наличие позитивного образца творческого поведения; в-третьих, создание условий для подражания и подкрепления творческого поведения. Если формирование происходит под влиянием условий среды, то креативность сформируется как глубинное (личностное), а не только поведенческое (ситуативное) свойство.

Опираясь на исследования Д.Б. Богоявленской и А.М. Матюшкина, Владимир Николаевич утверждает, что «креативность как глубинное свойство выражается в оригинальном видении проблемы» (Дружинин, 2007, с. 222). Он высказывает предположение, что некоторые параметры микросреды, в которой существует ребенок (низкая степень регламентации поведения, предметно-информационная обогащенность, образцы креативного поведения), оказывают определяющее влияние на его креативность.

Таким образом, наиболее значимый вклад Дружинина в отечественную психологию связан с его разработкой проблемы общих способностей, интеллекта и креативности. Основные направления исследований способностей в Институте психологии РАН ориентированы на изучение общих познавательных способностей (интеллект, креативность и обучаемость) и их проявления в межличностном взаимодействии, в учебной, профессиональной деятельности. В современной психологии активно разрабатываются регулятивные механизмы интеллекта, ресурсная модель интеллекта, факторы проявления и развития креативности, метакогнитивные процессы. Одно из перспективных направлений развития современных теорий интеллекта – это объединение трех подходов: субъектного, онтологического и ресурсного (Холодная, 2015).

Завершая анализ проблемы способностей важно отметить, что в настоящее время не сформировалось общее понимание способностей, разные ученые по-разному понимают и определяют данное понятие, что затрудняет развитие общей теории способностей. Вследствие этого теоретические конструкты (когнитивный ресурс, модель интеллектуального диапазона), представленные Дружининым, расширяют представления о способностях человека, его интеллектуальных возможностях и дают импульс к развитию общей теории способностей. В настоящий момент ресурсный подход можно считать одним из наиболее перспективных направлений в современной психологии способностей.

2.3. Экспериментальная психология, психодиагностика, методология психологии

В психологической литературе представлено несколько определений термина «экспериментальная психология». Во-первых, под ней понимают всю научную психологию как систему знаний, полученных на основе экспериментального изучения психических явлений и поведения человека и животных. Во-вторых, ее рассматривают как систему экспериментальных методов и методик, используемых в конкретных исследованиях. В-третьих, часто экспериментальную психологию трактуют расширенно – как научную дисциплину, занимающуюся проблемой методов психологического исследования в целом. В-

четвертых, под термином «экспериментальная психология» понимается только теория психологического эксперимента, основывающаяся на общенаучной теории эксперимента и включающая его планирование, организацию и обработку данных.

Все эти толкования были осмыслены Дружининым с учетом уровня развития современных ему психологических знаний, на основании чего он выработал свой взгляд на главную часть экспериментальной психологии – проблему метода. Он был изложен в монографии «Структура и логика психологического исследования» (1994), в которой четко выражена авторская позиция, в первую очередь, в отношении методологии психологического исследования.

По мнению Дружинина, в современной науке все методы можно разделить на эмпирические и теоретические, хотя это деление условно. Так, имеет свою специфику метод моделирования, а также интерпретационные методы (например, методы представления и обработки данных). При сопоставительном анализе Дружининым разных классификаций методов психологического исследования, он выявил, что классификация С.Л. Рубинштейна опирается на тесную связь психологии с философией, а ее близость с педагогикой и физиологией определила также включение методов этих наук. Главными психологическими методами, по С.Л. Рубинштейну (2012), являются наблюдение и эксперимент, а также изучение продуктов деятельности. Г.Д. Пирьев (1985) выделяет наблюдение, эксперимент, моделирование, вспомогательные методы (математические, биохимические и др.), а также специфические методические подходы (генетический, сравнительный и др.). Б.Г. Ананьев (1977), критикуя классификацию Г.Д. Пирьева, разделяет все методы на организационные, эмпирические, способы обработки данных и интерпретационные. Анализируя взгляды этих психологов, Дружинин приходит к выводу, что у них осталось много нерешенных проблем. Например, не дан ответ на вопросы, почему моделирование – это эмпирический метод, и почему интерпретационные методы отделены от организационных?

В трудах М.С. Роговина и Г.В. Залевского (1988) метод – это выражение некоторых соотношений между объектом и субъектом в процессе познания. Исходя из этого гносеологического основания (субъектно-объектного взаимодействия), авторы выделили шесть основных психологических методов: герменевтический, биографический, наблюдение, самонаблюдение, клинический, эксперимент. Но в такой классификации, согласно Дружинину, представлены только эмпирические психологические методы.

Таким образом, анализируя разные подходы к классификации методов психологического исследования, Дружинин отмечает, что их существенным недостатком является объединение эмпирических методов психологического исследования и психологических методов вообще, что осложняет определение специфики и тех, и других.

Соответственно, Дружинин выделяет три класса психологических методов: 1) *эмпирические*, включающие внешнее реальное взаимодействие субъекта с самим объектом исследования для проверки правильности теоретических построений; 2) *теоретические*, когда субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта и выявляет обобщенное, абстрагированное знание; 3) *интерпретация и описание*, когда субъект «внешне» взаимодействует со знаково-символическими представлениями объекта.

Дружинин рассматривает проблему применения эмпирических методов в психологии с позиции системного подхода и определяет их место в системе психологических методов. Он выделяет пять уровней в описании иерархии исследовательских приемов:

- уровень методики,
- уровень методического приема,
- уровень метода,
- уровень организации исследования,
- уровень методологического подхода.

Следует отметить, что такое деление близко к классификации Г.Д. Пирьова (1985), который выделял методы, методические приемы и методические подходы. Дружинин особо подчеркивал, что термин «метод» может применяться к любому из указанных уровней.

Результатом применения эмпирических методов являются данные, фиксирующие состояние объекта на основе показаний приборов, состояния субъекта, памяти компьютера, продуктов деятельности и др. С учетом этого Дружинин предложил *трехмерную классификацию психологических эмпирических методов*, основанием которой является система из трех элементов «субъект исследования – инструмент – объект исследования» (Sub, J, Ob). В данной системе возможны 3 бинарных отношения:

- 1) отношение «Sub – Ob», которое может интерпретироваться как непосредственное взаимодействие (общение);
- 2) отношение «Sub – J», отражающее взаимодействие исследователя и прибора (задача экспериментатора);
- 3) отношение «Ob – J», охватывающее взаимодействие испытуемого и прибора (задача испытуемого).

Каждое из этих отношений рассматривается Дружининым как шкала. Первая из них характеризует меру внешнего взаимодействия объекта и субъекта. Дружинин называет ее *шкалой изоляции*. Вторая характеризует использование внешних средств в ходе исследования. Эту шкалу ученый называет *шкалой субъективности-объективности*, если объективность связывать с применением инструментальных методов. И третья шкала характеризует взаимодействие испытуемого с инструментом (Дружинин, 2000).

С позиции деятельностного подхода, эксперимент трактуется Дружининым как «деятельность экспериментатора, который воздействует на испытуемого, изменяя условия его деятельности, чтобы выявить особенности психики обследуемого» (Дружинин, 2008, с. 56).

Методы психологического эмпирического исследования, по мнению Дружинина, условно делятся на активные и пассивные в зависимости от того, насколько велика степень активности экспериментатора. Вместе с тем, все методы можно разделить на инструментальные и субъективные с учетом того, какой удельный вес в них занимают процессы понимания, истолкования и интерпретации.

Методы, в которых большое значение имеют активность исследователя и субъективная составляющая, но минимизировано использование инструментов, ученый называет *коммуникативными*; те же, где решающую роль играет использование исследовательских инструментов, наряду с взаимодействием исследователя и испытуемого, – *деятельностными*. При использовании наблюдательных методов важны инструменты, в то время как непосредственное взаимодействие испытуемого и исследователя сведено к минимуму. Методы, сочетающие изоляцию от другого субъекта, минимизацию применения внешних инструментов и максимальное значение субъективного фактора в исследовании, ученый относит к *методам понимающей психологии* (Дружинин, 1994).

Дружинин отмечает, что пассивными методами исследования являются наблюдение (непосредственное) и измерение (опосредованное), эксперимент же – активный, опосредованный метод изучения реальности. Еще один активный непосредственный метод – беседа, в ходе которой исследователь без каких-либо приборов взаимодействует с объектом и активно меняет его состояние.

Таким образом, Дружинин разрабатывает простейшую классификацию эмпирических методов исследования, которая представлена в Таблице 4:

Таблица 4.

Классификация эмпирических методов исследования

В.Н. Дружинина (Дружинин, 2008, с. 29).

	Активный метод	Пассивный метод
Опосредованный (инструментальный)	Эксперимент	Измерение
Непосредственный (субъективный)	Беседа	Наблюдение

Данная классификация разделяет методы по двум основаниям, которые связаны с познавательной деятельностью исследователя: активность – пассивность; опосредованность (наличие инструментальных средств) – непосредственность. На этой основе выделяются четыре класса методов: деятельностный, коммуникативный, наблюдательный и методы понимания.

Но в психологии объект исследования тоже может проявлять активность, и при классификации эмпирических методов эту особенность психологических исследований, по мнению ученого, также важно учитывать. В связи с этим все психологические эмпирические методы Дружинин предлагает расположить в двухмерном пространстве, первая ось которого обозначает наличие / отсутствие или интенсивность взаимодействия между испытуемым и исследователем. Это взаимодействие максимально в клиническом эксперименте и минимально при самонаблюдении. Вторая ось отражает объективированность и субъективированность процедуры (на одном ее полюсе – тестирование или измерение, а на другом – понимание поведения другого человека через эмпатию, сопереживание и т.д.). Средства, которые используются в измерении, – внешние (приборы, тесты), а при понимании – внутренние (личный опыт, приемы интерпретации). Основанием данной классификации стали два специфических признака психологического исследования – взаимодействие (один субъект – два субъекта или внешний диалог – внутренний диалог) и объективность исследования (измерение – интерпретация или внешние средства – внутренние средства).

В квадратах, образованными этими осями, Дружинин расположил основные психологические эмпирические методы (Рисунок 7).

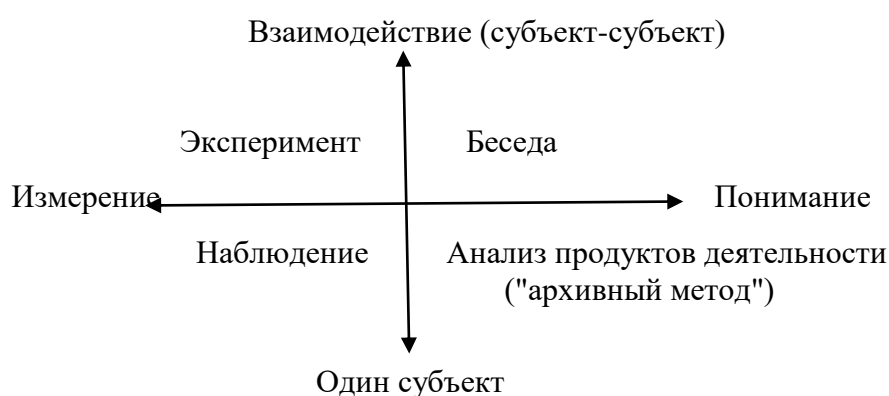

Рис. 7.

Основные психологические эмпирические методы в двухмерном пространстве
(Дружинин, 2008, с. 40)

Психологический эксперимент, с этой точки зрения, является методом, в котором взаимодействие с испытуемым сочетается с объективной регистрацией его поведения, считает Дружинин.

К теоретическим методам психологического исследования автор относит:

1) Дедуктивный метод – восхождение от общего к частному, от абстрактного к конкретному (его результатом является разработка теорий и законов).

2) Индуктивный – обобщение фактов, восхождение от частного к общему (результатом является выявление закономерностей, проведение систематизации, выдвижение индуктивной гипотезы).

3) Моделирование – конкретизация метода аналогий, умозаключение от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой и/или доступный для исследования. Результатом его применения является создание модели объекта, процесса, состояния. Ученый считает, что метод моделирования является центральным в психологическом исследовании.

В свою очередь, результат применения теоретических методов представлен знанием о предмете в формах естественно-языковой, знаково-символической или пространственно-схематической.

Интерпретационно-описательные методы, по мнению Дружинина, – это «место встречи» результатов применения теоретических и экспериментальных методов и их взаимодействия. Они играют важнейшую роль в целостном психологическом исследовании, и владение этими методами предопределяет успех научной программы (Дружинин, 1994).

Психологические методики – это основное средство получения научного эмпирического психологического знания. Например, необходимо учитывать, что применение методов тестирования всегда происходит в конкретной жизненной ситуации, а тест разрабатывается для решения определенного круга задач. Если один и тот же тест нужно использовать в различных ситуациях, то необходимо выяснить, возможна ли экстраполяция теста из одних ситуаций на другие. Как считал Дружинин, описание теста (вместе с другими общеизвестными психологическими характеристиками) должно содержать сведения об его *экологической валидности* – релевантности (адекватности) теста измеряемому свойству в контексте определенной ситуации.

При валидации тестов, как отмечает Дружинин, основное внимание уделяется материалу теста, операциям, которые совершает с этим материалом испытуемый, психометрическим качествам теста, но меньше всего внимания уделяется взаимодействию тестирующего и тестируемого. Обычно влияние психолога, тестирующего испытуемого, рассматривается как источник артефактов. Поэтому все основные требования к

взаимодействию испытуемого и психолога сводятся к одному – нейтрализовать влияние общения и личности психолога на испытуемого.

Такой взгляд на методы тестирования исходит из позиции Ж. Пиаже, рассматривавшего зрелый интеллектуальный процесс как автономный познавательный акт, совершаемый независимым субъектом. Внешние обстоятельства являются помехами, отклоняющими условия, в которых протекает процесс, от «нормальных», а наличие тестирующего уже является отклонением от чистой «автономности». Последователи Ж. Пиаже (А. Пьерре-Клермон) это понимали и учитывали в своих исследованиях. Первые отечественные исследования модификации процесса мышления в общении провели А.В. Брушлинский (Брушлинский, 1990), В.А. Кольцова (Кольцова, 1977; 1981; 1985), Н.М. Пейсахов (1984).

Другая точка зрения основывается на том, что ни один человек не обладает всей совокупностью способностей. Это учитывалось Дружининым, который исходил из убеждения, что способности «распределены» в человечестве как целом. Процессы любой человеческой активности (познания, деятельности, творчества) не существуют вне реального «здесь и теперь», либо предполагаемого взаимодействия с другими людьми. Активность субъекта превращается в деятельность только через включение субъекта во взаимоотношения с другими субъектами (Лекторский, 1980). Исходя из этого, «нормальные условия» индивида являются условиями взаимодействия его как субъекта с другими субъектами. Тем самым изоляция, «автономность» испытуемого при решении задачи является отклонением от нормальных условий деятельности, а не наоборот. Конкретизируя эти общепсихологические положения, Дружинин считал необходимым определять, прежде всего, тип общения испытуемого и психолога, который возникает между ними при тестировании, а не исключать то, что исключить нельзя, не нужно и бессмысленно.

Дружинин трактует психологический эксперимент как *совместную деятельность*, которая организуется экспериментатором и направлена на исследование особенностей психики испытуемых. Большинство психологов считают, что сама ситуация эксперимента влияет на его результаты, особенно у детей. Проявление личностных особенностей у ребенка зависит от ситуации в большей степени, чем у взрослого, так как дети обладают живым воображением, особо эмоциональны при общении.

Эксперимент – это «встреча испытуемого с экспериментатором». Ситуация эксперимента может быть рассмотрена и с внешней (вход и выход из данной ситуации), и с внутренней (что случилось за время проведения эксперимента) стороны.

Примечательны в этом плане результаты экспериментов Дружинина. Так, в первой серии исследований (1988–1991) была предпринята попытка выявления типологии ситуаций

тестирования общих способностей, исходя из критерия особенностей взаимодействия психодиагноста и испытуемого. Принципом этой типологии являлась активность субъекта-испытуемого. Обычно тестирование рассматривается как процедура измерения, в которой ведущую и организующую роль при общении играет экспериментатор: он проводит предварительную беседу, инструктирует испытуемого, ставит перед ним задачу, фиксирует полученные результаты, интерпретирует их и беседует с респондентом о результатах исследования.

В экспериментальных исследованиях американских психологов установлено, что влияние общения на результаты тестирования тем выше, чем с более сложным уровнем психики приходится иметь дело (при тестировании личностных черт – максимально; при тестировании сенсомоторных способностей – минимально). Также выявлено, что влияние общения определяется социально-психологической дистанцией между испытуемым и экспериментатором – чем более они сходны, тем влияние меньше. Максимально влияние взрослого, принадлежащего к высшему слою, на поведение ребенка из социальных низов. При деятельностном же подходе рассматривается преимущественно активность испытуемого при решении задач. Испытуемый вступает в эксперимент, побуждаемый личными мотивами и решая свою жизненную задачу (Рубинштейн, 1959).

Дружинин, опираясь на обе исследовательские парадигмы, создал свою типологию психодиагностических ситуаций, учитывающую, кто проявил активность при создании ситуации, и кто принимает решение о дальнейшем поведении испытуемого: он сам или другое лицо. В результате выделились четыре основных типа ситуаций: консультация, отбор, принудительное исследование и аттестация, каждая из которых обладает определенными особенностями (Таблица 5).

Таблица 5.

Типы психодиагностических ситуаций (Дружинин, 2008, с. 66)

«Вход» в ситуацию – кто побудил испытуемого прийти на эксперимент	«Выход» – кто принимает решение о будущем испытуемого	
	Испытуемый	Другое лицо
Испытуемый	Консультация	Отбор
Другое лицо	Принудительное обследование	Аттестация

Таким образом, диагностическая ситуация описывается двумя параметрами: первый параметр – «добровольность – принудительность» участия испытуемого в эксперименте,

второй – «кто является субъектом принятия решения (испытуемый или другое лицо)». На их основе возможны четыре крайних варианта научно-практических ситуаций:

- 1) консультация – добровольное участие в эксперименте, самостоятельный выбор дальнейшего жизненного поведения;
- 2) принудительное обследование, самостоятельный выбор поведения;
- 3) аттестация – принудительное участие, выбор поведения после обследования навязан;
- 4) отбор – добровольное участие в обследовании, выбор дальнейшего поведения навязан.

Однако экспериментатор также активен в ходе исследования и придерживается определенного стиля общения с испытуемым. Дружинина интересовало, каков «вес» этого влияния по сравнению с влиянием ситуаций. И в следующей серии исследований ученый проследил относительное влияние фактора ситуации и фактора изменения эмоционального отношения испытуемого к исследованию, произошедшего в его ходе под влиянием экспериментатора.

Исследования проводились путем измерения вербальной составляющей общего интеллекта в ситуациях принудительного обследования и консультирования с соблюдением контроля эффектов последовательности и переноса. Выявилось, что отношение испытуемых могло сохраняться на протяжении исследования неизменным (плохим или хорошим), а могло и изменяться с отрицательного на положительное или с положительного на отрицательное. Было установлено, что динамика эмоционального отношения оказывает большее влияние на результат тестирования вербального интеллекта, чем особенности ситуации. Влияние стиля общения экспериментатора на проявление интеллекта не вызывает сомнения.

В следующей серии экспериментальных исследований Дружинин создавал типологию стилей общения экспериментатора с целью выявления влияния стиля общения на продуктивность испытуемого при решении интеллектуальных задач. Базовыми являлись стили общения родителя с ребенком. С помощью теоретического анализа были выявлены три основных фактора, которые определяют стиль родительского общения:

- эмоциональная поддержка или ее отсутствие;
- контроль или отсутствие контроля;
- включенность ребенка в систему отношений с взрослым (притяжение-отталкивание).

Поскольку эксперимент уже есть взаимодействие, третий параметр не учитывался, а стили классифицировались по двум основаниям: эмоциональная поддержка ребенка со стороны взрослого и контроль над его поведением (их наличие или отсутствие). В ходе исследования, которое было проведено аспиранткой Дружинина Е.А. Воробьевой

(Дружинин, Воробьева, 1997), тестировался общий интеллект методикой Д. Векслера и были реализованы четыре типа общения (Таблица 6).

Таблица 6.

**Типы общения экспериментатора с испытуемым
(Дружинин, 2008, с. 70)**

Эмоциональная поддержка	Контроль	
	Есть +	Нет –
Есть +	1 (+ +)	2 (+ –)
Нет –	3 (– +)	4 (– –)

Как и в вышеописанной классификации ситуаций, стили общения группируются в таблице, что позволило Дружинину реализовать простейший факторный план для контроля переменных и применить для обработки данных дисперсионный анализ.

Исследование было проведено на монозиготных близнецах, которые родились в 1980–1981 гг. и жили в полных, нормальных семьях г. Ростова-на-Дону. В ходе исследования применялся модифицированный метод контрольного близнеца. Один из пары близнецов включался в экспериментальную ситуацию, а второй тестировался при «нейтральной инструкции» (реально – четвертый тип общения). Интеллект монозиготных близнецов, воспитанных вместе, схож более чем на 90%, именно поэтому можно было в чистом виде проследить влияние стиля общения экспериментатора на интеллектуальную продуктивность детей при решении ими нестандартных тестовых задач.

Было выявлено, что стиль общения подростка и экспериментатора опосредуется мотивацией испытуемого. Дети, которые надеются на успех, лучше работают в ситуации эмоциональной поддержки; боящиеся неудачи лучше проявляют свои способности и показывают максимальные результаты, когда к эмоциональной поддержке добавляется фактор контроля; а худший результат получен в условиях, когда дети выполняют задачу в «нейтральной» ситуации (без поддержки и контроля).

Дружинин выдвинул гипотезу о влиянии семейных отношений, в которых оказывается ребенок, на развитие его общего интеллекта и мотивации, на его интеллектуальную продуктивность. Ученый предположил, что это влияние различается в семьях, принадлежащих к разным культурам. Так, в российской культуре большее значение имеет эмоциональная близость и поддержка, а контроль за соблюдением поведенческих норм более значим в семьях западных, особенно в относящихся к католическим культурам. Таким образом, *эмоциональная поддержка – наиболее значимый фактор повышения интеллектуальной продуктивности подростков*, а результаты тестирования общих

способностей в большей мере зависят от типа взаимодействия испытуемого с экспериментатором, чем от других факторов. По результатам исследования Дружинин делает вывод, что для российских детей «главным фактором проявления и развития интеллектуальных способностей является умеренная эмоциональная поддержка со стороны родителей: не просто любовь и обожание, но эмоциональное поощрение успехов и активности ребенка» (Дружинин, 2012, с. 173).

Под научным руководством Дружинина Т.В. Галкиной были получены интересные данные, касающиеся влияния ситуации на тестирование креативности (Галкина, 1997). Результаты данного исследования показали, что высоко креативные испытуемые при эмоционально-поддерживающем стиле общения экспериментатора не изменяют своей продуктивности, тогда как на низко креативных испытуемых оказывают позитивное влияние слова, побуждающие к творчеству, оригинальности. Снятие же регламентации и контроля, наоборот, ведет к повышению продуктивности высоко креативных испытуемых, тогда как результаты низко креативных не зависят от снятия контроля, времени выполнения и состязательной оценки результата. Тем самым интеллект и креативность требуют различных условий для своего максимального проявления.

Дружинин в своих работах ставил перед собой и решал проблему разработки обобщенных математических моделей теста, которые позволили бы выбрать, прогнозировать его параметры и предсказать его качества еще до проведения исследования, условно называя эту область своих исследований «теоретической дифференциальной психометрикой» (Дружинин, 1990, с. 7). По его мнению, наличие расчетных методов предварительной теоретической оценки параметров теста (таких, как способ конструирования теста; метод предварительной оценки его измерительных свойств; способ интерпретации результатов измерения) поставило бы работу психолога-разработчика на более надежную теоретическую основу. «Тем самым основной задачей теоретической дифференциальной психометрики является разработка обобщенных моделей теста и правил их применения, что позволяет теоретически оценить некоторые измерительные свойства конструируемого теста» (там же, с. 7). Необходимость разработки теоретических основ дифференциальной психометрики Дружининым обосновывалась тем, что «в настоящее время нет теоретических принципов решения конструкторской задачи, а именно – методов прогнозирования измерительных параметров теста» (там же, с. 8). И задачей исследователя в данной области является нахождение у объекта количественных характеристик, независимых от измерительной процедуры, вида экспериментального воздействия и субъекта исследования, что является неразрешимой задачей в общем виде, так как во многих науках в описание явления включается и описание экспериментальной установки.

В соответствии с этим психологическая диагностика трактуется Дружининым как *отрасль практической психологии*. Психодиагностический тест – это научно-практический метод, точнее метод стандартизированного измерения, включенный в контекст решения научно-практической задачи, «поэтому для выявления его специфики требуется сопоставить: научно-исследовательскую и научно-практическую задачу; метод психологического экспериментального исследования (измерения) и метод экспериментального исследования в естественных науках; методы психологического эксперимента и психологического тестирования» (там же, с. 10).

Дружинин разрабатывал *ситуационный подход* к процессу психодиагностики, в котором ситуация рассматривается как один из важнейших факторов, влияющих на процесс и результаты тестирования. Было выделено несколько типов ситуаций и исследовано их влияние на процесс психодиагностики. Ситуационный подход в психодиагностике способностей позволяет анализировать целостное поведение личности в реальных жизненных ситуациях, а не отдельные психические процессы и состояния человека. Данный исследовательский метод основан на объединении и взаимном дополнении преимуществ качественных методов и естественного формирующего эксперимента.

Дружинин, отмечая, что раньше тестированием занимался только психолог-специалист, предлагал новый подход, в котором можно и нужно проводить психодиагностику учителю на уроках. Для этого необходимо такое построение теста, которое непосредственно встроено в учебный процесс: «для школьников они являются обычными учебными заданиями, а психологи интерпретируют психологические качества со стандартными психологическими методиками» (там же, с. 4).

В целом основой исследований Дружинина была разработка продуктивного *измерительного подхода* в психологии. «С точки зрения этого подхода, психологическое знание является операциональным: единством знания и метода его получения» (Дружинин, 2001, с. 4). Поэтому все исследования ученым интеллекта, креативности и специальных познавательных способностей проводятся в основном с психометрических позиций.

Таким образом, разработка методологических вопросов психологии, проблем психодиагностики и экспериментальной психологии является одним из наиболее важных направлений в научных трудах Дружинина. Ученый сформулировал свою классификацию методов психологии, выделил основания структурного описания психологического эмпирического исследования и обосновал особенности психологического эксперимента, учитывающие специфику взаимодействия испытуемого и экспериментатора и ситуации проведения исследования.

2.4. Психология семьи

Проблемы семьи, влияние семейного воспитания на развитие личности ребенка, будущее семьи как важнейшего общественного института, ее функции, стадии супружеских отношений становятся все более актуальными и принадлежат к числу интенсивно разрабатываемых в современной психологии (Архиреева, 2006; Борисенко, Портнова, 2006; Евсеенкова, 2003; Елизаров, 1996; Кремнева, Римашевская, 2003, 2004; Петрова, 2008; Трушкина, 2010; Филиппова, 2002; Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2003; и др.).

Опираясь на результаты предшествующих исследований, Дружинин рассматривает семью, во-первых, как психологический фактор, воздействующий на человека, во-вторых, как основной компонент среды, в которой он живёт, особенно в первую четверть жизни и, в-третьих, как первичную социальную микросреду (Дружинин, 2012, с. 4).

Семья – общественный институт, включающий совокупность социальных ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенных социальных потребностей. Дружинин уточняет понятие «статус» как позицию человека в обществе с определенными правами и обязанностями, а «роль» – как ожидаемое поведение, связанное с определенным статусом. Он подчеркивает, что роли человек присваивает в ходе социализации под влиянием ближайшего социального окружения. При этом, по мнению Дружинина, «социализация детей всегда, во все времена и у всех народов была единственной специфической функцией семьи, а прочие функции были дополнительными и менялись на протяжении веков» (там же, с. 30).

Такой подход к рассмотрению семьи, в частности, ее изучение с точки зрения воздействия на человека, позволил Дружинину разработать *трехкомпонентную психологическую структуру семьи*. В качестве критерия, или стержневой характеристики структуры, автор использовал психологическую категорию «отношения». В этой связи уместно вспомнить автора концепции психологии отношений личности В.Н. Мясищева и разработанную им психологическую структуру личности, включающую доминирующие отношения, уровень психического развития человека, динамику реакций личности (темперамент), общую структуру личности (Мясищев, 1966, с. 55).

По мнению Дружинина, структура семьи состоит из отношений доминирования-подчинения (власти), ответственности и эмоциональной близости (аффилиации); им придается характер эмоциональной близости как атрибутивной окраски. Важным здесь является выделение двух полюсов психической эмоциональной близости: положительного (любовь, понимание, сочувствие) и отрицательного (равнодушие, отчуждение, ненависть).

Ученый предполагает, что максимально стабильной является семья, в которой субъект ответственности и власти – одно и то же лицо, а члены семьи психологически ближе к нему, чем друг к другу. «Этому типу наиболее близка идеальная католическая семья, что, разумеется, не делает ее идеальной в эмоционально-оценочном смысле этого слова» (Дружинин, 2012, с. 39).

Эти теоретические основания легли в основу изучения влияния семьи на развитие человека, в частности, на общие способности и интеллект. Вспоминая о том, как появилась у Дружинина эта идея, жена ученого пишет: «Иногда я была очевидцем тех самых состояний, когда ученый вскрикивает: “Эврика!” Как-то перед Владимиром Николаевичем лежала книга “Лекции по астрологии” М.Б. Левина, раскрытая на странице, где известный астролог размышляет о распределении ролей в христианской троице. ... Владимир Николаевич прочитал эту мысль, на несколько минут замер, сконцентрировался, взял лист бумаги и, уйдя в себя, начал быстро писать.... Остановившись, объяснил, что ему в голову пришла гениальная мысль о том, что каждая культура порождает определенную нормативную модель семьи, структура отношений в которой отражает отношения между основными действующими лицами религиозной доктрины, являющимися символами веры. Более того, в религии эти отношения приобретают освященное, идеальное, предписываемое значение: так фиксируется идеал человеческих отношений и поведения. Вскоре появилась книга “Психология семьи”» (Дружинина, 2005, с. 45–46).

Дружинин сосредотачивает внимание на «нормальной» семье и соотносит ее с нормативной моделью, которая задается обществом, той культурой, в которой живет семья. Ученый задает вопросы: «Как складывается жизнь в так называемой нормальной семье? Что такое нормальная семья?» – и отвечает на них следующим образом: «Нормальная семья – понятие очень условное. Будем считать таковой семью, которая обеспечивает требуемый минимум благосостояния, социальной защиты и продвижения ее членам и создает потребные условия для социализации детей до достижения ими психологической и физической зрелости» (Дружинин, 2012, с. 12). Дружинин считает, что нормальной является семья, где ответственность за нее как целое несет отец. По мнению Дружинина, семьи, где не выполняется это правило, – аномальны. «Если мужчина несет ответственность за себя и за семью, ее настоящее и будущее, семью можно считать нормальной. Если мужчина добровольно либо по внешним обстоятельствам теряет груз ответственности, возникают различные варианты аномальной семьи» (там же, с. 41–42).

Автор подчеркивает, что в нашем государстве проблема отцовства остра, в связи с тем, что льготы в связи с рождением, воспитанием, уходом за ребенком даются только матерям, и в реальности нынешнее законодательство и практика отчуждают отца от семьи.

Немногочисленные исследователи, изучающие влияние родительского воспитания (и отца, и матери) на детей, выявили, что родительские позиции отца в меньшей степени, чем матери, влияют на формирование отношения ребенка к себе, объясняя это социокультурными условиями: в нашей культуре именно женщина занимается воспитанием детей в семье. Вместе с тем, ряд исследователей, изучая роль отца в формировании самопринятия ребенка, приходят к выводу, что этот процесс является успешным в том случае, когда в воспитании ребенка принимают участие оба родителя (Архиреева, 2006, с. 77).

Дружинин предположил, что каждая культура порождает свою нормативную модель семьи с учетом критериев того общества, в котором семья живет; при этом каждая из моделей обладает уникальными особенностями структуры и динамики. Нормативная модель семьи задает структуру реальной семьи в данном обществе, а структура отношений в семье определяет особенности позиций и ролей членов семьи. По мнению Дружинина, отклонения от модели специфичны для каждой культуры, и виды аномальной семьи, а также дефекты, которые возникают при социализации детей в аномальных семьях, зависят от культуры.

Он выделяет типы семьи в европейской культуре и рассматривает их как модель *идеальной семьи* с точки зрения психологической структуры. Под идеальной семьей автор понимает такую нормативную модель, которая принимается обществом, отражена в коллективных представлениях и культуре общества, в первую очередь, религиозной. Религия, с одной стороны, отражает те отношения, в которые вступают люди на протяжении жизни, с другой, в ее рамках эти отношения приобретают священное, идеальное значение, т.е. они выступают регуляторами поведения людей. При этом автор имеет в виду не вероисповедание, которого придерживаются члены семьи, а лишь «включенность семьи в ту или иную культуру, условно называемую “протестантской” или “католической”». Ученый подчеркивает, что семьи в различных культурах отличают «именно психологические особенности», и считает, что русская культура – «большая особая ветвь единой, но не однородной европейской христианской культуры» (Дружинин, 2012, с. 6–7).

Рассмотрим выделенные автором типы семьи.

Языческая семья – родители (отец и мать) находятся в отношениях доминирования-подчинения (патриархат-матриархат) либо отрицания-конфликта, что означает равенство, но равенство как результат противоречия разных сущностей, их борьбы. Родители (как целое) противостоят детям; одно поколение борется с другим. Дети находятся в подчиненной позиции.

Общехристианская модель семьи. Христианское вероучение предписывает две модели семьи: идеальную, божественную (Бог Отец, Бог Сын, Богородица) и реальную, земную, в состав которой входит Иосиф Обручник, Иисус Христос и Дева Мария. Идеальная семья

строится на основе принципа власти: совмещения ответственности и доминирования. Главенствует мужское начало. Земная модель христианской семьи является классическим вариантом детоцентрической семьи. Таким образом, христианство разделяет отца-воспитателя, несущего ответственность за жизнь, здоровье, образование ребенка, и отца духовного, функцию которого реализует Бог Отец.

Разделение образа Отца на земного и небесного, по мнению В.Н. Дружинина, ведет к важным психологическим следствиям. «Одно из них: разделение образов идеального отца и отца реального в психике ребенка и отсутствие идентификации с отцом-воспитателем» (Дружинин, 2012, с. 62). Согласно исследованиям ученого, это ведет к повышению уровня притязаний и является условием развития креативности, но чревато и невротическими нарушениями (Дружинин, 1995).

В идеальной христианской семье муж является субъектом власти (доминирования и ответственности); часть ответственности лежит и на жене (воспитание сына). Иерархия по шкале доминирования-подчинения – отец, сын, мать, по шкале ответственности – отец, мать, сын. И, наконец, психологическая близость (любовь) связывает всех членов семьи.

Семья в русской православной культуре является производной от общехристианской модели, но выбор православие делает в пользу божественной семьи. Доминирует в триаде Бог Отец, причем, его главенствующая роль чрезвычайно выражена. В православном вероисповедании Богородица выступает в качестве матери, а не жены, соответственно, материнское отношение доминирует над отношением любовным. Автор подчеркивает, что не случайно в православной культуре нет акцентуации эротических отношений; они не отрицаются и не репрессируются, а как бы признаются малозначительными.

Семейные отношения в католицизме и протестантизме. Модель идеальной католической семьи, претерпевая изменения, со временем становится похожей на систему отношений реальной, земной семьи (Иосиф Обручник, Мария, Иисус). В католицизме акцентирована роль Девы Марии – непорочной жены Бога Отца. Мария психологически (эмоционально) несколько ближе к Отцу, чем к Сыну.

Протестантизм, по мнению Дружинина, меньше внимания уделяет проблемам семьи, чем православие и католицизм, из-за смещения акцентов на индивидуальную проблему отношений Бога и человека. В лютеранском варианте протестантизма придается большее значение любви и ответственности (помощи, служения людям). В кальвинизме же на первый план выходят отношения власти и ответственности. Отношение к женщине остается за пределами сферы отношений, освященных религией.

В этой связи автор делает вывод, что воспитание девочки в русской православной семье – воспитание будущей мамы, в западнохристианской – будущей жены. Протестантская же среда часто готовит девушку к роли деловой женщины, конкурентки мужчины.

Семья в советской России – вариант модели языческой семьи с рудиментами православной модели. В такой семье мужчина и женщина борются за доминирование, однако мужчина не несет ответственность за семью в целом. Существует противостояние поколений, подавление детей и борьба детей с властью родителей. Дружинин пишет: «Поскольку при социализме проблемы семьи – это, в первую очередь, проблемы, решаемые матерью, а не отцом, постольку большинство исследований в советской психологии, посвященных семье, отражают особенности отношений матери и ребенка. Причины трудностей социализации ребенка видят в искажении структуры семьи (неполная семья), в аномальных стилях воспитания, которые применяет мать. Между тем, на мой взгляд, основное решение проблемы – возвращение отцу его роли, характеризующей нормальную семью» (Дружинин, 2012, с. 88).

На основе исследования своего ученика И.А. Савченко он делает вывод, что реальная модель современной российской семьи такова: ответственность за семью несет мать, она доминирует в семье и более близка с детьми эмоционально. Ученый предлагает реальное решение вопроса: «нужно создать социальные условия для проявления мужской активности вне семьи» (там же, с. 94).

Итак, модель семьи в постсоветской России, по мнению автора, может принять следующий вид: доминирует мать, следующим идет отец, дети подчинены. Отец отвечает за семью (благополучие, социальную защиту). Дети эмоционально ближе к матери, чем к отцу. Однако Дружинин утверждает, что противоречие отношений доминирования и ответственности может стать главным источником конфликтов в семье.

Исследования семейных отношений через призму анализа продуктов художественного творчества уникальны. Известно, что человек склонен неосознанно проецировать свое психическое состояние на окружающих. Исходя из этого, Дружинин делает предположение, что художник-профессионал, рисуя портрет семьи, воплощает в своем творчестве идеальные культурные модели семьи. Иначе говоря, индивидуальные неосознаваемые представления художника демонстрируют коллективные представления той социокультурной общности, к которой художник принадлежит. «Следовательно, анализируя и сравнивая произведения живописцев, работавших в разное время и принадлежащих к разным культурам, мы можем выделить те же психологические модели семьи, которые встречаются в реальной жизни и служат образцами для подражания в данной социокультурной общности» (там же, с. 97).

Контент-анализ произведений искусства (поэтические творения, произведения живописи, музыки, кинофильмы и т.д.) распространен в отечественной и зарубежной психологии.

«Семейный портрет» – распространенный жанр в европейской живописи; его предыстория – в раннехристианской иконописи; типовым сюжетом которой стало изображение Святого семейства: Девы Марии, младенца Иисуса Христа и Иосифа Обручника. В русской иконописи подобный сюжет практически полностью отсутствует, хотя есть множество изображений Богородицы с младенцем, многочисленные иконы Бога Отца и Иисуса Христа. Из этого можно сделать следующий вывод: значимость института нуклеарной семьи, состоящей из родителей и детей, в российской православной культуре по сравнению с западноевропейской христианской культурой была гораздо ниже значимости отношений власти отца над женой и детьми и отношения эмоциональной близости матери и ребенка. «Семья, семейные отношения, связь отец – мать, отец – дети, ценность этих отношений не была закреплена нормативно в коллективных представлениях русских людей» (там же, с. 103).

Данное исследование из-за недостатка статистики автор предлагает рассматривать лишь в качестве предварительного, но некоторые выводы сделать из него все же можно. Во-первых, в живописи западноевропейских художников особенно в эпохи Возрождения и Реформации, как правило, отражается реальная, земная модель христианской семьи. Из этого следует, что изображения Девы Марии, младенца Иисуса Христа и Иосифа послужили моделью для развития семейного портрета. Так гипотеза о структуре католической семьи, в которой иерархия ответственности противоположна иерархии доминирования, находит полное подтверждение в результатах анализа западноевропейских семейных портретов. Во-вторых, нормы протестантизма были выявлены на примере картины Ж.-Б. Греза «Паралитик, или Плоды хорошего воспитания», на которой изображен идеал протестантской буржуазной семьи: в центре и выше остальных – отец, являющийся главой семейства; дети окружают отца; жена – в отдалении. В-третьих, в русской живописи канон «Святое семейство» практически полностью отсутствует. Редкой и достаточно поздней его реализацией является «Крестьянская семья» П.Н. Филонова (1914), на которой выявлена противоположность ответственности (мать) и доминирования (отец), характерная для поздней русской нуклеарной семьи. В основном в русской живописи представлены два типа семьи: купеческая семья (большая семья из 3–4 поколений, где доминируют «большак» и «большуха», несут ответственность старшие сыновья и зятья) и аристократическая семья (аномальная языческая семья с доминирующей матерью и безответственным отцом, либо семья одного из западноевропейских типов).

В советском изобразительном искусстве, согласно Дружинину, «маскулинизация женщин стала идеалом советской культуры, воспроизвела языческий идеал женщины», а войны и революции привели к массовой безотцовщине, результатом чего, в свою очередь, явилось возникновение все большего количества аномальных неполных семей (Дружинин, 2012, с. 110–111).

Разработка нового подхода к анализу полотен европейских и русских художников является оригинальным вкладом Дружинина в развитие семейной психологии. Впервые сделана попытка использования художественных произведений в качестве уникальных источников кросс-культурного изучения социальных представлений о семейных отношениях. Несомненный интерес представляет проведенный ученым анализ структуры семьи и развития семейных отношений в русле христианской культуры.

Результаты исследований воздействия стиля воспитания, эмоциональной поддержки и контроля над проявлением интеллекта у детей позволили Дружинину сделать вывод о том, что *эмоциональная поддержка* – наиболее важный фактор повышения интеллектуальной продуктивности подростков. Данное утверждение дало основание Владимиру Николаевичу сделать важный вывод: «Эти эмпирические обобщения относятся к представителям нашей российской культуры, для которых более важна эмоциональная составляющая отношений, аффилиативность, нежели контроль. Ее отсутствие более значимо снижает результаты, чем наличие или отсутствие контроля» (там же, с. 170).

Завершая краткий обзор взглядов на психологию семьи в творческом наследии Дружинина, подчеркнем некоторые выводы автора:

1) Типология семьи может быть построена на основе критериев иерархии господства–подчинения, распределения ответственности и эмоциональной близости.

2) Семьи подразделяются на «нормальные» и «аномальные». В «нормальной» семье ответственность за семью, жену и детей несет мужчина. В «аномальной» семье ответственность за семью, детей (и мужа) несет жена или, в редких случаях, старший из детей.

3) Иерархия доминирования определяет основу структуры семьи, ее внутренний каркас. При этом также возможны различные варианты: когда доминирует один из супругов, и это соответствует возложенной на него ответственности; когда носители доминирования и ответственности не совпадают, что является источником конфликта и постоянного напряжения. Третьим параметром является эмоционально-психологическая близость между членами семьи, где возможны варианты близости или ее отсутствия при соответствующей корреляции с критерием «доминирования-подчинения».

Выделенные критерии легли в основу экспериментального изучения влияния различных условий в семье на интеллектуальное и творческое развитие ребенка. Было установлено, что особенности детско-родительских отношений влияют на невербальный интеллект и на интеллектуальные специальные способности в большей мере, чем на вербальный интеллект и общий интеллект. В целом интеллектуальные показатели детей выше, если для ребенка велика значимость отношений с родителями.

Склонность родителей к сотрудничеству, лидерство (но уступчивость) отца, уверенность в себе (но ведомость) матери, любовь матери к ребенку и умеренное принятие ребенка отцом («условная любовь»), – таково оптимальное сочетание факторов, способствующих интеллектуальному развитию детей. В связи с этим перспективным представляется проведение кросс-культурных исследований по программе, намеченной Дружининым, с целью проверки соответствия теории реальному сценарию развития детей.

2.5. Экзистенциальная психология

В современной психологии возрастает интерес к «человеку экзистенциальному», к проблемам человеческого бытия. Все больше исследователей переходят от рассмотрения отдельных психических процессов и явлений к анализу целостных ситуаций человеческого бытия, с когнитивной парадигмы – на экзистенциальную. Предметом экзистенциальной психологии являются такие глобальные вопросы, как проблемы жизни и смерти человека; свободы и детерминизма; выбора и ответственности; общения и одиночества; смысла и бессмысленности существования. Ученые, исследующие закономерности психики человека с позиций психологии человеческого бытия, подчеркивают высокую значимость этих проблемы.

Большой вклад в исследование жизненного пути личности внес Б.Г. Ананьев. Сегодня экзистенциальные проблемы рассматриваются с самых разных сторон: построение стратегии жизнедеятельности, создание сценария собственной жизни, событийное проживание личностью психологического времени, психология человеческой жизни (К.А. Абульханова, Э.М. Александровская, А.А. Кроник, Н.А. Логинова и др.).

С.Л. Рубинштейн одним из первых научно обосновал проблему субъекта жизненного пути, рассматривая взаимоотношения бытия и сознания человека. Его исследования продолжила К.А. Абульханова, в работах которой исследуются стратегии жизненного пути человека как субъекта деятельности. Существенный вклад в разработку проблемы психологии субъекта, обоснование принципа субъекта внес А.В. Брушлинский, согласно которому, субъект – человек, характеризующийся высшим для него уровнем

активности, целостности, автономности: «Важнейшее из всех качеств человека – быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов» (Брушлинский, 2000, с. б).

Одним из перспективных направлений исследования психологии субъекта является рассмотрение психологии человеческого бытия; именно эту линию развил Дружинин в своей последней прижизненной работе «Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии».

Объектом экзистенциальной психологии, по его мнению, является уникальный человек как типичный представитель всего человечества. По Дружинину, реализация потенциала субъектности находит свое выражение в жизненных типах и жизненных сценариях. В качестве основы взглядов Дружинина о вариантах жизни выступало представление С.Л. Рубинштейна о человеческой жизни как едином целом, а не как о ряде событий. Рубинштейн выделял три типа жизненных отношений личности: отношения к предметному миру, к другим людям и самому себе. События определяют жизненный путь человека, становятся поворотными этапами в жизни индивида, а критические ситуации определяют жизненный вариант.

Дружинин высказывает мысль о том, что личность каждого человека соотносится с его судьбой и жизнью, которую не всегда можно выбрать, но которую дано прожить, причем, большую роль при этом играет активность личности как субъекта. Делается вывод, что «лишь сознание позволяет человеку соотнести себя с собственной жизнью, поставить и попытаться решить проблемы своего индивидуального существования...» (Дружинин, 2000, с. 5).

Анализируя книгу Дружинина, особо следует отметить выделенную автором оригинальную типологию психологических вариантов жизни, которая основывается на предположении, что «существуют независимые от индивида, изобретенные человечеством и воспроизводимые во времени варианты жизни» (там же, с. 12). На основе изучения психологических особенностей и черт разных личностей Дружинин обосновал типологию вариантов жизни, как обеспечивающих позитивную самореализацию, так и несущих разрушение.

Было выделено и описано восемь вариантов жизни:

«Жизнь начинается завтра (Жизнь как предисловие)».

«Жизнь как творчество».

«Жизнь как достижение (Погоня за горизонтом)».

«Жизнь есть сон».

«Жизнь по правилам».

«Жизнь – трата времени».

«Жизнь против жизни».

«Жизнь как предмет творчества (Экзистенциальный конструктор)». Название каждого варианта говорит само за себя и удивляет глубиной и эрудицией ученого, его оригинальным видением, вскрывающим при рассмотрении вариантов жизни разные аспекты (философские, эстетические, культурологические).

В своей книге Владимир Николаевич кратко, но, вместе с тем, глубоко анализирует взгляды А. Адлера, В. Франкла, Э. Эриксона, которые являются первооткрывателями в области исследования проблем экзистенциальной психологии. У А. Адлера представляет интерес концепция «стиля жизни», которая близка к разработанному Дружининым понятию «вариант жизни». Разница в том, что стиль жизни типичен, но уникален для каждого индивида и без него не существует, а варианты жизни являются результатом общественного бытия; в них индивид включается помимо воли, либо активно их выбирает, и они типизируют его личность. Ученый полагает, что понятие «стиль жизни» работает в пределах лишь одного из «вариантов жизни» – «жизни-целестремления». Согласно Э. Эриксону, возможен лишь единственный «правильный» путь развития и множество неправильных, (в разной степени) отклоняющихся вариантов. Как отмечает Дружинин, это явно противоречит и здравому смыслу, и эмпирическим научным данным (Дружинин, 2000).

Большинство психологических моделей личности рассматривает «человека действия» как идеал, точнее – «психологический оптимум». Этот тип изучается чуть ли не в качестве единственного варианта личности. Вся система воспитания ориентируется на развитие способности к целестремлению. Жизнь как достижение целей сегодня является «модальным», основным вариантом индивидуального существования людей в так называемом цивилизованном мире. Однако Дружинин задает вопрос: «Вырабатывает ли цивилизация другие варианты жизни?», – и высказывает по этому поводу свою точку зрения: «Постепенное осознание того, что стремление к успеху ведет не только к техническому процессу, но и к возрастанию конкурентности и агрессивности в обществе, автономии людей и независимости их друг от друга, к разрушению равновесных отношений общества и природы, к бессмысленной гонке вооружений, гиперстимуляции потребления и псевдоновизны в производстве – приводит к выработке альтернативных вариантов жизни» (там же, с. 73).

Дружинин подчеркивает, что критические внешние обстоятельства и проблемы в самостоятельном конструировании собственной жизни – «два источника» увлеченности

экзистенциальной психологией (автор относит эту сентенцию и к себе). Возникает вопрос: почему Дружинин обращается к этим проблемам, неожиданным для него? Можно предположить, что у него закономерно возникала необходимость в осмыслении промежуточных результатов научной жизни, в определении ее перспектив и путей дальнейшего построения, что и привело в результате к созданию такого интересного и оригинального труда по экзистенциальной психологии.

По Дружинину, «вариант жизни» является целостной психологической характеристикой индивидуального бытия и определяется типом отношения человека к жизни. Вариант жизни формирует человеческую личность, «типизирует» ее; индивид превращается в представителя «жизненного личностного типа». По мнению Дружинина, индивид «входит» в жизнь, включается в тот или иной вариант жизни со своими способностями, темпераментом, характером, а «выходит» – типизированной личностью. При этом возможна смена варианта жизни в зависимости от обстоятельств или сходства вариантов между собой.

Личностный тип – всегда результат жизненного выбора. Принятие решения о варианте жизни является «точкой бифуркации». После выбора обратного пути нет, и личность должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни.

Жизнь людей многообразна, и ученый попытался выявить наиболее типичные ее варианты. Индивидуальное бытие представляет собой мозаику вариантов, стилей, ситуаций, но заострение черт проявляет сущность личности. Крайние, «чистые» варианты жизни являются идеальными типами и редко реализуются в реальности. Жизнь каждого среднего человека мозаична: в ней представлены ритуалы и «подготовка к жизни», рабочие обязанности и хобби. Как из деталей конструктора, собирается из разноцветных кусочков времени единственная и неповторимая жизнь каждого человека. Человек, осознавший время своей жизни как невозполнимый и ограниченный ресурс, может сделать попытку ее реконструировать.

Дружинин считает, что человека достойны три роли: «спасателя», «защитника» и «созидателя». В поединке с деструктивной агрессией и бессмысленностью существования не является иллюзорным единственный смысл индивидуального бытия – продолжение жизни человечества. Только продолжение духовной жизни в других дает шанс, что память о человеке уцелеет еще несколько десятков лет благодаря любви к людям.

Некоторые выводы Дружинина могут быть оценены, возможно, лишь сейчас. Это, в частности, выделенные им разные варианты жизнедеятельности, которые представляют собой продуктивный научный анализ соотношения внешних и внутренних детерминант формирования возможной жизни человека и в перспективе позволяют наметить

исследование «жизнеспособности» как одной из высших, интегративных способностей человека. Необходимо отметить, что в настоящее время многими учеными жизнеспособность рассматривается как необходимое условие для развития человека, семьи, общества (Кондратенко, 2011; Лактионова, 2016; Махнач, 2014; Нестерова, 2011; Постылякова, 2016; Рыльская, 2013), что еще раз подтверждает умение Дружинина тонко чувствовать социальные запросы общества и даже предвидеть их. Кроме того, в этой последней научной работе ученого ведущая тематика его творчества – психология способностей объединяется с экзистенциальной психологией и преломляется в проблеме жизненных способностей.

ГЛАВА 3. РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ В.Н. ДРУЖИНИНА

3.1. Организация эмпирического исследования

Одним из эффективных способов реконструкции особенностей личности ученого, его творческих достижений, индивидуального стиля научной деятельности, а также оценки его вклада в науку являются суждения о нем тех, кто составляет его «оппонентный круг» (Ярошевский, 1983) – с кем он общался, вступал в диалог, чью точку зрения он принимал или отвергал. В этом плане немалую роль играет фиксация соответствующих суждений его коллег и учеников с помощью интервью и экспертных опросов. Они особенно важны в плане анализа личности и творчества психолога, поскольку выявляют соотношение его профессионально важных качеств с личностными характеристиками – те и другие в их единстве значимы для реконструкции внутреннего мира исследователя, изучающего внутренние миры других и углубляющего, тем самым, постижение своего «Я».

Одним из продуктивных исследовательских приемов в этом плане представляется построение голографической модели психической реальности, присущей творческой личности, модели, о которой Дружинин говорил, в частности, в докладе «Голографическая модель психической реальности», посмертно опубликованном и открывающем новые горизонты анализа (Дружинин, 2005б, с. 458–467). По мнению Дружинина, для описания психической реальности наиболее применима и адекватна голографическая гипотеза, в которой психика рассматривается как «стоячая волна» (результат встречного взаимодействия двух волновых фронтов), как голограмма какого-то поля, которую производит головной мозг. Как представляется, такое рассмотрение психической реальности поможет в частности значительно расширить существующие представления о личности Дружинина как ученого и человека, индивидуальном стиле его научной деятельности, придать им (если прибегнуть к его же метафоре) характер голографической модели.

Таким образом, *целью данного исследования* являлось воссоздание особенностей личности, жизненного сценария и творческой деятельности Дружинина в проекциях других ученых-психологов для объемного рассмотрения его вклада в науку. Поставленная цель была реализована посредством сбора и анализа структурированных интервью с их

последующим контент-анализом. В нашей работе они применены к исследованию личности психолога и отличаются в содержательном плане принципиальной новизной – например, сравнительно с интервьюированием выдающихся отечественных психологов, проведенным В.И. Артамоновым (Артамонов, 2003) и др. Следует отметить, что ранее метод интервью использовался И.С. Алексеенко (2006) при исследовании научного творчества Е.А. Будиловой.

Сбор и качественный анализ материала осуществлялся с помощью формализованных, нестандартизированных интервью. Они проводились по месту работы интервьюируемых, в доверительной обстановке, без участия третьих лиц и записывались на цифровой диктофон. В качестве респондентов выступали *компетентные эксперты* – специалисты в разных областях психологии, которыми занимался Владимир Николаевич, его друзья, коллеги, а также наставники и ученики. Тем самым, по сути, реализовывался метод экспертной оценки личности и творчества Дружинина.

При этом формализованное интервью строилось как беседа по детально разработанной программе, включающей в себя последовательность закрытых и открытых вопросов; подробно обсуждались темы, с которыми респонденты были заранее ознакомлены.

Для обработки материалов интервью был использован метод контент-анализа (англ. contentanalysis; от content – содержание) – формализованный метод изучения текстовой информации, заключающийся в ее переводе в количественные показатели и статистической обработке. Его сущность состоит в фиксации определенных единиц содержания, которое изучается, а также в квантификации данных. Единицы контент-анализа обычно выделяются в зависимости от содержания, целей, задач и гипотез конкретного исследования.

Основанием для нашего контент-анализа, исходя из предложенной нами теоретической модели исследования научного наследия ученого, выступали, в первую очередь, такие концепты, как вклад Дружинина в разработку разных отраслей психологии (общую психологию, методологию психологии, экспериментальную психологию, теорию способностей); его личностные особенности; присущий ему стиль научной деятельности; факторы формирования его личности и творческой деятельности; проблема научной школы Дружинина.

Соответственно, в анкете для интервью (Приложение 2) все вопросы были разделены на 5 основных блоков:

- 1) оценка научного наследия Дружинина (его вклада в разные отрасли психологии, научной и практической значимости его идей);
- 2) личностные особенности (характеристики интеллектуальной, эмоциональной, волевой и поведенческой сфер личности; особенности характера, самооценки, нравственных

норм, ценностей и идеалов; социальная позиция личности, система ее социальных установок и стиль научной деятельности);

3) факторы формирования личности и творческой деятельности Дружинина;

4) возможности дальнейшего развития и продуктивного использования идей и концепций ученого;

5) проблема научной школы Дружинина.

В свою очередь, каждый из этих блоков был представлен в программе интервью в виде совокупности частных вопросов (таблица 7).

Таблица 7

Пять блоков анкеты-интервью о В.Н. Дружинине

Оценка научного наследия	Какие публикации В.Н. Дружинина Вам известны? Какова Ваша оценка его научного наследия? Назовите наиболее значимую для Вас работу В.Н. Дружинина? В каком из разрабатываемых В.Н. Дружининым направлений им получен наиболее значимый для науки результат?
Личностные особенности и стиль научной деятельности	Приходилось ли Вам лично общаться с ним? Какую роль В.Н. Дружинин сыграл в Вашей биографии? Что Вас привлекало в В.Н. Дружинине как в человеке? Как Вы считаете, какие характерологические особенности, способствовали научному успеху В.Н. Дружинина? Можете ли Вы охарактеризовать стиль его научной деятельности? Какие особенности личности В.Н. Дружинина как ученого, лидера, руководителя Вы можете назвать?
Факторы формирования личности и творческой деятельности В.Н. Дружинина	Известны ли Вам его хобби, интересы, особенности семейного воспитания? Какие факторы среды и окружения, по Вашему мнению, влияли на формирование личности В.Н. Дружинина и его творческие способности? Как Вы считаете, каковы причины выбора профессии В.Н. Дружининым?
Возможности дальнейшего развития и продуктивного использования идей и концепций ученого	В чем практическое значение разработанных им исследований? Видите ли Вы возможности дальнейшего развития и продуктивного использования его идей и концепций? Можете ли Вы назвать радикально новые научные идеи В. Н. Дружинина?

Проблема научной школы	К какой научной школе относится В.Н. Дружинин? Является ли он создателем собственной научной школы? Каких основных представителей школы В.Н. Дружинина Вы можете назвать?
------------------------	---

Были проведены 15 интервью (Приложение 3); полученные в ходе интервьюирования материалы сопоставлялись с опубликованными воспоминаниями о Дружинине, вошедшими в научный оборот (Психология способностей, 2005). Кроме того, для сопоставительного анализа использовались и другие материалы, в частности, переписка ученого и воспоминания близких родственников (Антимемуары, 2005а; 2011).

Из 15 проинтервьюированных, выступающих в нашем исследовании в качестве компетентных экспертов по рассматриваемым нами вопросам, 10 человек являются докторами психологических наук; половина – сотрудниками Института психологии РАН; практически все занимаются преподавательской деятельностью, имеют профессорские звания. Половина опрошиваемых уже выступала с письменными воспоминаниями о Дружинине; в нашем анализе выделялись новые штрихи к его образу как человека и ученого. Излагая материалы интервью, мы стремились не только передать их научное содержание, но и эмоциональную стилистику оценок. В связи с этим приводится ряд цитат из материалов интервью.

3.2. Оценка научного наследия В.Н. Дружинина и его вклада в разные отрасли психологии

Очень высокую оценку научного наследия Дружинина дали 80% интервьюируемых, говоря, что это «один из выдающихся ученых России, который оставил очень яркий след в своей короткой жизни», что «значение его трудов, как настоящего классика, с каждым годом будет возрастать и получать все большую известность, признание». При уточнении, в каком из разрабатываемых Дружининым направлений им получен наиболее значимый для науки результат, были даны разнообразные ответы, по которым мы выделили две подгруппы интервьюируемых. Первая (35%) в большей мере оценивала вклад Дружинина в психологию в целом, вторая (65%) акцентировала внимание на теории способностей ученого и соответствующим направлениям его научно-практической деятельности. Опрошенные первой группы подчеркивали, что Дружинин выходил на человековедческую проблематику –

подобно Б.Г. Ананьеву (2005), но он это делал, в отличие от классика отечественной психологии, не в конце, а в середине своего творческого пути.

В.М. отметил, что наиболее значимый для науки результат из разрабатываемых Дружининым направлений получен им, в первую очередь, в области методологии психологии, в частности, отмечается, проведенная им классификация эмпирических методов. Второй значимый результат состоит в систематизации и продвижении идей, связанных с экспериментальной психологией; третий – в его разработках в области психологии интеллекта. Все эти результаты уже стали достоянием отечественной психологии. Что касается наиболее весомого вклада Дружинина в общепсихологическую проблематику, то, по мнению *В.М.*, это «расширение исследовательских горизонтов» при изучении, казалось бы, устоявшихся вопросов.

А.К. подчеркнул значимость работ Дружинина по экспериментальной психологии и психологии общих способностей. «Я... выношу за скобки, чуть не сказал непсихологические, сверхпсихологические работы. Я имею в виду “Варианты жизни”, стихи, потому что это особая статья совершенно. Их нельзя назвать строго научными публикациями, хотя, конечно, Володя в конце жизни... рисовал хорошо, стихи [писал – Н.Н.] вообще профессиональные, был математик блестящий, философ. Мы его ... концепщиком звали». *А.К.* согласился с общепринятым мнением о том, что наибольший вклад Дружинин внес в психологию способностей, добавив, что это «безбрежная область... Я то считаю, что психология способностей – это вся психология, взятая в определенном аспекте. Любое явление имеет процессуальные и результативные особенности; результативная сторона – это есть индивидуальная мера выраженности чего угодно. Вся психология – это психология способностей. Мне кажется, что не в психологии способностей в целом, а именно в интеллекте – онтология, механизмы».

Характеризуя вклад Дружинина в психологию способностей, *А.К.* отметил, что она не приветствовалась в СССР, в связи с чем мы отстали в области разработки инструментария, психометрики. Подчеркивается, что вкладу Дружинина в отечественную школу психологии способностей присущи две характерные особенности – практическая направленность и философский анализ; он утверждал, что зарубежная школа выступает как более операционализованная, с опорой на орудийность и инструментальность, но ее недостаток – технологизация, автоматизация, прагматическая ориентация.

По мнению *А.К.*, значимыми в творчестве Дружинина были не только фундаментальные публикации, но и блестящие идеи об онтологии психического, голографической метафоре, психофизической проблеме, принципу метасистемности, ментальному опыту, ресурсной модели интеллекта. Они разбросаны в его статьях и

выступлениях; их разработка – дело уже сегодняшнего дня. Кроме того, Дружинин предложил новый подход в психодиагностике, обосновав ситуационную зависимость диагностических тестов, что вообще ставит под вопрос правомерность диагностики в ее современном виде. Им была выдвинута в области психодиагностики новая парадигма.

В.С. в своем обстоятельном интервью отметил, что Дружинин – один из наиболее выдающихся психологов современной России, наследие которого становится все более востребованным. «Он наибольший вклад внес... в область экспериментальной психологии и был новатором в этой сфере». По мнению *В.С.*, Дружинин был одним из немногих психологов, который реально занимался не только теорией планирования и организации эксперимента, но и реализацией замыслов. С опорой на теоретические положения он выявлял общие закономерности интеллектуального развития, обосновывал теоретические основы и организовывал практику тестирования. В его варианте экспериментальной психологии теория, эксперимент и практика – это неразрывно связанные составляющие, необходимые для раскрытия закономерностей изучаемых явлений. «Я не представляю себе, как можно без книг Дружинина организовать современное исследование». Отмечается, что Дружинин был сторонником патентования и создания базы данных отечественных психодиагностических методик по тестам специальных способностей – направления, которое еще получит развитие. Оно связано с критериально ориентированным тестированием, с обеспечением его валидности и надежности, с обоснованием подхода к тестам как к интеллектуальной собственности. «Если мы решим проблему, которую он ставил, связанную с валидностью и надежностью и их оценкой... то найдем отличительную часть формулы изобретения. Тест – это изобретение, на самом деле; я думаю тогда отечественная психодиагностика сделает громадный скачок, потому что у нас есть хорошие математики и психологи, но они никак не найдут общий язык...». Подчеркивается, что в работах Дружинина можно найти упоминания и о вредности тестирования, связанной именно с дидактическими тестами. Он критиковал ситуацию, когда, измеряя интеллект, не используются полученные результаты при отборе в вузы, при назначении на должность, при аттестации кадров. То же самое происходит и со знанием тестами, потому что модели, которые связаны с конструированием тестов дидактических и психодиагностических в математическом плане, в постановке эксперимента одни и те же. Тесты, которые у нас внедрены в виде ЕГЭ, не прошли экспериментальной апробации, не соответствуют стандарту и базовому учебнику и этим наносят огромный ущерб нашему образованию. Об этом Дружинин писал, подчеркивая, что валидность и надежность этих тестов не доказана; он был убежден, что тесты можно составлять только по точным наукам, где есть базовый учебник, который един на всей территории страны. *В.С.* отметил, что Дружинин в ходе анализа

применения данных тестов в одной из областей РФ пришел к выводу, что валидность тестов, особенно по гуманитарным наукам, не достижима в принципе!

А.Г. охарактеризовал, в первую очередь, организаторскую деятельность Дружинина, когда они совместно готовили всесоюзные конференции по общепсихологической проблематике. Что касается результативности разрабатываемых Дружининым направлений, то это: классификация методов и «наведение порядка в беспорядке», серьезные достижения и в экспериментальной психологии, и в методологии [психологии – Н.Н.]. Через общепсихологические методы он выходил на проблему способностей, поэтому здесь можно сказать, что они связаны: одно благодаря другому.

В интервью *Б.Т.* отмечалось, что наиболее значимые работы Дружинина связаны с диагностикой и психологией способностей; это отразилось и на его деятельности по организации ГУГН. «При этом особенно важно то, что у него была работа про написание работ. Он был большой популяризатор психологии и написал много учебников. Он для себя не закрывал возможные пути. Занимался одним, потом начал активно заниматься педагогической деятельностью, организаторской, лекции читал, журналами руководил и не только в узкой области психологии способностей». Все это привлекало студентов и активизировало преподавателей.

Большинство интервьюируемых второй группы, говоря о том, почему Дружинин вышел на проблему способностей, подчеркивали, что он, «как настоящий ученый», удовлетворил актуальный запрос своего времени на разработку этой области знания. Многие факторы в жизни современного человека, например, появление компьютеров, виртуальной реальности, побудили психологическую науку по-новому интерпретировать проблему способностей. Дружинин осмыслил эти новые факторы, переструктурировал знания о феномене способностей и доказал, что на старые представления о способностях опираться уже в полной мере нельзя. Он фактически обосновал новаторский подход к способностям с учетом того, что в современных условиях способности индивида формируются в сверхусложненной информационной и психологической среде. Об этом же говорили в разных ракурсах практически все интервьюированные.

В интервью *М.Х.* подчеркивается, что наиболее востребованы исследования Дружинина в области психодиагностики способностей. «Мы вместе с ним участвовали в разработке рабочей концепции одаренности, диагностики одаренности, методов ее выявления. Он был классическим специалистом психометрического подхода, но никогда не абсолютизировал свою позицию, выходил за его пределы». По воспоминаниям *М.Х.*, исследования феномена одаренности были вызваны и оказались продуктивными потому, что сам Дружинин был человеком чрезвычайно одаренным; с ним было очень интересно разговаривать и

сотрудничать. Он все время формулировал какие-то интересные идеи, фонтанировал ими, причем, профессионально.

В.Ш., говоря о научном наследии Дружинина, отметил его работы в области когнитивной психологии и психологии способностей, особенно выполненные в рамках лаборатории, которая была организована, когда директором Института психологии был Б.Ф. Ломов. *В.Ш.* подчеркнул, что Дружинин – крупный специалист в области психологии способностей в плане изучения детерминант, которые определяют успешность реализации субъектом своих способностей. Обращение к когнитивной психологии во многом пришло к Дружинину от его основного интереса к проблемам способностей. Уникальной для своего времени явилась книга «Психология общих способностей». Дружинин эмоционально позитивно переживал ее появление. Это практически первая его серьезная научная работа, которая была опубликована. В дальнейшем наступил период творческого накопления новых идей, которые еще нуждались в проверке. Отмечается, что по психологии способностей в свое время проводилась серьезная практическая работа в школах Тюменской области; было заключено соглашение о сотрудничестве с рядом школ Ханты-Мансийского национального округа. И Дружинин провел серию серьезных исследований по изучению проявления способностей в учебной деятельности. Эти работы остались, не в полной мере, использованы, хотя они имели интересный практический выход. По проблемам диагностики Дружинин сотрудничал с такой организацией, как «Иматон», консультируя создание методик в области психологии личности и выявления ее способностей.

По мнению *В.Ш.*, работы, выполненные Дружининым в первый период его научной деятельности в Институте психологии под руководством Б.Ф. Ломова, который очень трепетно относился к молодым талантам, повлияли на его дальнейшую научную карьеру. Новые перспективы открылись перед ним, когда он стал руководителем лаборатории психологии способностей. Лаборатория успешно разрабатывала это актуальное и до настоящего времени направление психологии. Она продолжает существовать и достойно развивает линию его исследований, хотя проблематика ее трансформируется. Подчеркивается, что Дружинин был ученым-энциклопедистом: в определенной мере его интересовали различные направления и сферы психологического знания. Он большое внимание уделял проблемам психодиагностики. А то, что нельзя было отразить в науке, он выражал в своей поэзии. Основные и наиболее интересные исследования выполнены им «в сфере когнитивной психологии, психологии способностей и интеллекта – это те области, в которых он... внес наиболее существенный вклад».

По мнению *С.К.*, наиболее значимые работы Дружинина – труды по творчеству и по одаренности. Он одним из первых проанализировал все существующие теории творческих

способностей, а созданная им теория креативности сама по себе очень интересна. Не зря он был в числе лауреатов Президентской премии за книгу по креативности.

Подчеркивая разнообразие парадигм и школ психологии, *Д.Б.* отмечает, что Дружинин – тестолог; его лаборатория работала в рамках именно тестирования. Работа шла «честно и умно»; были получены важные результаты, на которые постоянно ссылаются и приверженцы других парадигм.

По мнению *А.В.*, ключевые положения Дружинина – анализ психодиагностических ситуаций, их влияния на результаты тестирования, а также идея вероятностной модели теста.

Д.У. считает, что в области исследования интеллекта ученым получен наиболее значимый для науки результат, потому что это его основное занятие. Варианты жизни – это любопытная работа, это интересно как «игра ума». Но это все-таки один какой-то мазок, за которым не последовало других. А психологию интеллекта он разрабатывал систематически.

Результаты контент-анализа оценки научного наследия Дружинина и его вклада в психологию представлены в Таблице 8.

Таблица 8.

**Результаты контент-анализа оценки научного наследия В.Н.
Дружинина и его вклада в разные отрасли психологии**

Единицы анализа		Единицы счёта	
Категории	Подкатегории	Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная, %
Оценка научного наследия	Очень высокая	12	80
	Разнообразная	1	6,7
	Фрагментарные впечатления	1	6,7
	Научные результаты достаточно интересны	1	6,7
Итого:		15	100

Основные научные направления	Психология способностей, когнитивная психология, психология интеллекта, одаренности, креативности	10	65
	Экспериментальная психология, психодиагностика, методология психологии	5	35
Итого:		15	100

Таким образом, оценка научного наследия В.Н. Дружинина очень высока у 80% интервьюируемых. Все интервьюируемые признавали, что его главные научные достижения находятся в предметных областях экспериментальной психологии, методологии психологии и психологии способностей. Интервьюируемые первой подгруппы (35% интервьюируемых) подчеркивали, что большое место в его творчестве занимали по-новому трактуемые проблемы методологии психологии. Особо отмечались оригинальные методы в сфере экспериментальной психологии. Это связано с тем, что В.Н. Дружинин обладал глубокими математическими знаниями и умело их применял. При этом он избегал крайностей сциентизма, излишней математизации исследовательских процедур. Намеченные им пути в рамках общепсихологических исследований продолжают и в ряде оригинальных разработок тех, кто считается его учениками.

Во второй подгруппе (65% интервьюируемых), сосредоточивших внимание на подходе В.Н. Дружинина к исследованию психологии способностей и ее научном и практическом значении, отметили, что он занялся проблемами способностей и одаренности в силу того, что сам обладал многими творческими способностями и высоким уровнем креативности. Все (100%) отметили, что его теоретические и прикладные исследования отличаются научной оригинальностью и практической продуктивностью. Отмечался и такой важный факт, что теоретические трактовки проблемы способностей не были самодовлеющими; В.Н. Дружинин связывал их с образовательной практикой, эксплицируя многие свои идеи в область психометрики и психодиагностики. Фактически через исследование способностей он по-новому поставил проблему измерения в психологии, вычленив роль ситуационных факторов в них.

3.3. Особенности личности В.Н. Дружинина и факторы ее формирования

Все интервьюируемые говорили о том, что имели положительный опыт личного общения с В.Н. Дружининым; 75% из них отметили, что он сыграл «большую», «значительную», «очень существенную», «огромную» роль в их жизни. Половина опрошенных указали, что В.Н. Дружинин помог им в социальном плане: принял или перевел на работу к себе в лабораторию, помогал в их научной деятельности, продвигал в должностном плане своих коллег по институту, оказывал помощь всем, кто за ней обращался. Особо он относился к «ярославцам». Как вспоминал С.К., он «очень любил приезжать в Ярославль и всегда на конференциях говорил: “Какая нужна помощь, обращайтесь”. Всегда протягивал руку, не ждал, когда придут к нему, будут просить». Каждый год он издавал сборники трудов ярославцев по педагогическому и по профессиональному мышлению под своей редакцией и под грифом Института психологии РАН – всего 4 монографии, 4 сборника.

Примечательна для характеристики *личностных качеств и стиля руководства* Дружинина следующая рассказанная М.Х. ситуация. После переезда в Москву она встретила с В.Н. Дружининым и сказала о своем желании работать в Институте психологии. При этом, как ей было известно, свободных вакансий в Институте в это время не было. В.Н. Дружинин выслушал и сказал: «Подождите», – и вышел из кабинета. Вернувшись через 5 минут, он сказал: «Пишите заявление на ставку в моей лаборатории». Это свидетельствует об оперативности В.Н. Дружинина в принятии управленческих решений и о равнодушии ученого к коллеге.

Как отмечает В.Ш., в истории Института психологии были трудные периоды: после 1991 г. финансирование науки и образования оказалось достаточно скудным. В науке оставались только те люди, которые преданы ей, или те, кто не могли найти себя в другой сфере. В.Н. Дружинин в этот период работал заместителем директора Института и многое сделал для его сплочения; это его важная заслуга. Работа существенно повлияла на его становление как управленца и сформировала определенные личностные качества, которые проявлялись потом и в других сферах деятельности. «С этой точки зрения, мне представляется, что его отношения с коллегами по работе были и дружескими, и продуктивными в научном отношении. Вообще, как говорят, народ видит, кто чем занимается. И если люди видят, что руководитель даже и требователен, но сам “пашет” в полную силу, то и отношение к этому руководителю уважительное. Это сплачивало людей, коллектив и т.д. В.Н. Дружинин в определенной мере подавал пример, как можно добиться высоких результатов в сложных условиях существования Института; народ к нему тянулся».

Б.Т. вспоминает: «Можно сказать, я из-за Дружинина не ушла из Института, потому что у меня были как раз такие намерения. ... 1990-е гг.: денег не платят, все не стабильно, непонятно, как дальше существовать, и я думала: “Все! Уйду в практику”. Ходила... профессионализацию в терапии получала, а Владимир Николаевич пригласил меня остаться в ГУГНе».

30% интервьюируемых особо подчеркнули, что В.Н. Дружинин был для них образцом настоящего ученого и помог состояться в научном плане. *А.К.* рассказывает, что в прямом смысле В.Н. Дружинин не сыграл никакой роли в его биографии: «У нас нет совместных работ, за исключением, может быть, параллельных мыслей на предмет дипломной работы. Мы не разрабатывали вместе никаких проектов, но косвенная роль огромная – у меня всегда был и остается перед глазами пример истинного ученого, того, каким должен быть настоящий ученый. Креатив в полном смысле слова. Человек не только могущий, но и желающий, хотящий постоянно. Вот его нет, а свет идет, не только для меня – для многих...»

А.В. считает, что без него он как ученый не состоялся бы: «Как психолог я состоялся, когда учился, а вот как исследователь – это его... исследовательские приемы, подходы к исследованию; это все от него».

Д.У. подчеркивает, что В.Н. Дружинин сыграл более существенную роль в его биографии, чем можно было бы подумать по каким-то формальным вещам. «Именно потому, что его образец вызвал у меня интерес к этой теме. Если бы не он, я бы не занимался интеллектом абсолютно точно, я бы занимался мышлением. Я бы не занимался интеллектом в смысле индивидуальных различий. Более того, я думаю, что в результате то, что сейчас делается в России по интеллекту, это фактически все произошло от него. Даже у тех людей, которые его не знают, непосредственно не связаны [с ним – Н.Н.], они этим занимаются, потому что он был». *Д.У.* отметил, что уже ранние работы В.Н. Дружинина, в частности, его книга «Структура и логика психологического исследования», привлекли широкое внимание. Это касается и книги «Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие», да и практически всех научных трудов В.Н. Дружинина. «В психологии есть шутка, что каждый занимается тем, чего у него нет. А вот Дружинин – это прямая противоположность. Очень высокий интеллект, очень большая скорость мышления, скорость мышления социального в том числе, ну и предметного тоже, необычность идей. Отсутствие подчинения авторитетам... С одной стороны, неуважение даже к авторитетам, с другой стороны, готовность слушать, читать, обращать внимание на что-то, что исходит из абсолютно неавторитетного источника». В.Н. Дружинин писал стихи; многие были неплохие, но сам он себя считал неудавшимся поэтом. У него есть фраза, как раз к вопросу, что каждый занимается тем, чего у него нет: неудавшийся поэт занимается психологией творчества.

Рассмотрим результаты контент-анализа оценки роли В.Н. Дружинина в жизни интервьюируемых в Таблице 9.

Таблица 9

Результаты контент-анализа оценки роли В.Н. Дружинина в биографии интервьюируемых

Единицы анализа		Единицы счёта	
Категории	Подкатегории	Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная, %
Роль В.Н. Дружинина в Вашей биографии	«большая», «значительная», «очень существенная», «огромная» роль	11	75
	Помог в социальном плане	8	55
	Образец настоящего ученого и помог состояться в научном плане	3	20

Таким образом, все интервьюируемые говорили о том, что имели положительный опыт личного общения с В.Н. Дружининым; 75% из них отметили, что он сыграл важную роль в их жизни.

Особенности личности В.Н. Дружинина как человека, ученого, руководителя

На вопрос, что привлекало в В.Н. Дружинине как в человеке, С.К. ответил: «Необычайно восхитительный человек, просто даже в каком-то обыденном, бытовом плане. Занимал такие должности, ведь он был в числе экспертного совета ВАК, и во всех этих фондах сидел, и никакого снобизма, “надувания щек”. Я его прекрасно понимал, и даже в душе гордился им за его талант. Но у нас при жизни мало хвалят человека, ему было очень тяжело, но он никогда не жаловался. Сейчас вот куда не придешь, все жалуется, либо друг на друга, либо на Президента. Он никогда ни на кого не жаловался... Открытость, искренность, отзывчивость, доброжелательность необычайные».

Согласно воспоминаниям С.Б., Владимир Николаевич был перфекционистом. Будучи Ленинским стипендиатом, он совмещал учебу с участием в церковном хоре, что не одобрялось существующим режимом. Ему были присущи искренность, идущая рука об руку

с непосредственностью, доброжелательность и открытость, в том числе полное отсутствие толерантности по отношению к тому, что он не любил.

А.Г. особо отмечает наличие у В.Н. Дружинина высокой самооценки и интереса к самому себе – позиция в хорошем смысле эгоцентрическая. В целом он хотел найти внутри себя что-то глубокое и важное, чтобы развивать это, поэтому не случаен и выбор им темы психологии способностей. Характерен был присущий ему стиль общения. «Когда вокруг него люди собирались, он им, с одной стороны, помогал, располагал через... открытость, общался неформально хорошо, и, одновременно, не проявлял попустительский стиль, [не действовал – Н.Н.] “спустя рукава”. Поэтому организованность была четкая».

Б.Т. указала, что у В.Н. присутствовала неудовлетворенность собой: он постоянно себя с кем-то сравнивал, стремился показать, что ничем не хуже. Все же это было не какое-то хвастовство, а презентация себя как человека, который много знает, умеет и передает это другим.

В целом, по мнению *А.К.*, В.Н. Дружинину были присущи огромное трудолюбие, упорство, настойчивость, сензитивность на грани с обидчивостью от того, что он чего-то не знает. Это мощнейший стимул для развития, требующий многих затрат – никто не заставлял, а он не мог не изобретать, не творить.

По воспоминаниям *В.С.*, В.Н. Дружинину были присущи, «прежде всего, колоссальная работоспособность и трудолюбие, честность и пунктуальность во всех делах, которыми он занимался. Он никогда не кривил душой, и всегда с него в этом плане его ученики брали пример. Он все делал “чистыми руками”».

Б.Т. рассказала, что В.Н. Дружинин «был очень работоспособен, много читал, переводил, следил за научными новинками, никогда не останавливался на достигнутом. У него всегда появлялись новые сферы интересов. Он для себя не закрывал возможные пути. ... Мне кажется... он был человек, внутренне открытый к широкому научному поиску».

По мнению *Д.У.*, В.Н. Дружинин – «типичный креатив. Вот как описываются в психологии творчества черты личности креатива: независимый, импульсивный, со своеобразным таким, иногда довольно холодным юмором».

При этом В.Н. Дружинин четко чувствовал профессиональные качества других людей и был доверчивым по отношению к их носителям. Он был очень искренним: что думал, то и говорил, но это было и проблемой, потому что у него возникали конфликтные ситуации в Институте; он высказывал и что-то такое, что людей обижало. «Он бы мог подумать и не сказать, а он говорил и всегда был прав, редко ошибался, и поэтому его искренность мне очень нравилась. И, конечно, его профессионализм, потому что он очень интересно работал в профессии своей».

По воспоминаниям *М.Х.*, научному успеху *В.Н. Дружинина* способствовали его импульсивность и отсутствие страха. «Он ничего не боялся, был очень смелым человеком по жизни, наверное, и в науке, поэтому он уходил в любые области. Это приводило к тому, что он не боялся выдвигать новые идеи, мог сказать, что угодно, сначала говорил, потом думал. Это очень хорошее качество для ученого, потому что тогда нет внутренних тормозов на этапе рождения идей. Эта импульсивность для его научной карьеры была очень полезной». Вместе с тем, *М.Х.* считает, что это и минус, так как «он никогда ничего не дорабатывал. Никогда, к сожалению. Не было у него такого. Он идею выдвигал, иногда писал статью. Самые хорошие статьи у него были написаны вместе с аспирантами... Его собственные работы – это был... поток текста. Если бы он пожил еще, он бы организовал это, систематизировал, наверное, но, к сожалению, не успел».

Д.Б. отметила, что в его «характере ничего не могло способствовать» успеху, «а просто он был талантлив действительно, умен по-настоящему». Ему были присущи также определенное нетерпение и повышенная эмоциональность – качества поэта, которые должны были мешать карьере. Будь он более педантичен, к нему труднее было бы придирааться. Он мог в коридоре идти и себя или других критиковать в окружении любых людей, которые потом все это разносили. Он мог спокойно говорить среди толпы такие вещи, которые можно сказать только самому себе.

В плане характеристики личностных черт *В.Н. Дружинина* и стиля его управленческой деятельности интересны следующие слова *Д.Б.*: «Он был вспыльчив, когда встречался с несправедливостью... Я считаю, когда был *Брушлинский* и *Володя* его заместителем – это был “золотой век” Института, потому что во главе Института стояли глубоко интеллигентные люди. И каждый сотрудник Института знал, что у него за спиной ничего не может быть. [Существовал – *Н.Н.*] климат культуры и доверия. То, что *Брушлинскому* все-таки пришлось его сместить, – это результат *Володиной* гражданской позиции, когда он резко выступал в Академии. За это его можно только уважать. Наверное, если бы все было спокойно в Институте, может, как-то это можно было пережить, но на *Брушлинского* нападение шло с двух сторон».

Были описаны и особенности личности *В.Н. Дружинина* как лидера, руководителя – это личный пример, обладание высокими научными качествами, умение стимулировать, мотивировать, воодушевлять, много брать на себя, зажигать людей своим интересом, но при этом предоставлять им и свободу действий. В лаборатории *В.Н. Дружинина* все были заняты делом. Он умел увлекать, озадачивать людей, и они уже сами ставили конкретные цели. У них всегда доминировало чувство локтя. Атмосфера была очень хорошей: когда приходили крупные ученые в лабораторию с другими парадигмами, не наблюдалось никакого

конфликта интересов. Дружинин обычно не повышал голос, говорил тихо, спокойно, размеренно, даже когда были острокритические выступления. В.Н. Дружинин любил не стимулировать, а мотивировать; он мастерски умел ставить новые задачи. Он любил воодушевлять: если к нему приходили с любой идеей, то он помогал обнаруживать какие-то новые грани в ее трактовке. Он все схватывал и быстро развивал, умея это делать без всяких натуг, без какой-то публичности.

Характеризуя отношения В.Н. Дружинина с коллегами и психологический климат в научном коллективе, которым он руководил, *А.В.* отметил: «Время от времени какие-то странные конфликты случались, я не знаю, на чем они базировались. Он был довольно эмоциональный человек и не совсем благоприятные отношения складывались. Я никогда не считал это препятствием; мне казалось, что это даже способствовало эффективности деятельности, поскольку хорошие отношения к застою ведут, а легкий разлад способствует повышению активности. Он предоставлял свободу действий, что меня всегда радовало. У него были оперативные цели, надо было быстро их достигать, но мне была предоставлена свобода, за что я ему благодарен».

М.Х. подчеркнула, что, «одно из самых важных качеств [Дружинина – Н.Н.] – это умение продуктивно действовать в стрессовой ситуации. Он был руководителем и лидером Института как зам. директора. Это было самое трудное время, перестройка, когда все разваливалось, расплывалось... И, тем не менее, он сумел продержаться Институт... себя проявил как руководитель Института, обладающий прекрасными лидерскими и организационными качествами. Потом он создал факультета психологии, был его деканом, а это самые первые годы, когда он с нуля... все собирал. Поэтому я считаю, что его качества руководителя были очень высокими. Но! Если бы он открыто решил и заявил, что хочет стать директором Института, я бы лично его отговаривала. Потому что, чтобы быть директором Института, нужно быть очень виртуозным дипломатом, а дипломатических способностей у него не было. Может быть, он бы их приобрел с возрастом, потому что он же молодой был, он их просто не успел приобрести; с этой точки зрения, лет в 55 он стал бы, возможно, руководителем более высокого уровня...».

Согласно *В.М.*, В.Н. Дружинин находился одновременно в очень разных коллективах, и у него там складывались разные отношения. Но везде проявлялись его положительные качества: коммуникабельность, умение установить контакт.

По мнению *В.Ш.*, В.Н. Дружинина «характеризовала научная целеустремленность, умение работать в коллективе и умение создавать коллективы, генерировать идеи, которыми можно увлечь сторонников. Как отдельное качество определенную импульсивность я бы отметил. Ну и самое главное – это добропорядочность».

Д.У. вспоминал: «Он действительно был лидером и скорее вообще не очень уживчивым с начальством, по крайней мере, не уважавшим начальство. Вот эта особенность у него была».

Согласно *А.К.*, *В.Н.* Дружинину было трудно руководить, потому что он не всегда он был легким в общении и требовал от людей очень много. Но то, что люди видели, как он сам работал, облегчало его взаимодействие с коллегами, т.е. его личный пример.

А.К. отметил также такую черту творческого стиля *В.Н.* Дружинина, как умение интегрировать усилия исследователей, что обнаружилось еще в самом начале его профессиональной деятельности. Он совместно с интервьюируемым разрабатывал некоторые элементы психологического анализа коррелограммы во время написания своих дипломных работ. Первоначально коррелограммы ПВК были представлены в виде не круговой, а ветвистой формы, но в ходе общего поиска была выбрана круговая форма.

«У Володи удивительным образом гармонировали интеллектуальные и волевые качества» (*Кашапов*, 2005, с. 420). Как вспоминает *А.В.* Карпов, он всегда обращал внимание на проявления «интеллектуальной одаренности Володи» (*Карпов*, 2005а, с.411). Творчество было потребностью и источником его жизненных сил. По словам *А.В.* Карпова, «креативность Володи не требовала больших психофизиологических затрат, была для него естественным и даже необходимым проявлением его натуры, что уже само по себе говорит о ней как о сущностной черте его личности» (Там же, с. 412). *В.Н.* Дружинин творил ежеминутно, стремился каждое мгновение прожить по-новому, отвергая штампы и шаблоны, казалось бы, не опираясь на свой предыдущий опыт: мог на один и тот же вопрос в разное время дать взаимоисключающие ответы, что было результатом непрерывного развития и углубления его мысли, которая не останавливалась на достигнутом, открывая новые аспекты в рассматриваемой проблеме, приводя к новым выводам и решениям.

Однако были отмечены и такие качества *В.Н.* Дружинина, как вспыльчивость, излишняя критичность, ироничность, непредсказуемость, импульсивность, повышенная эмоциональность, ранимость, чувствительность, которые мешали ученому во взаимодействии с коллегами и начальством, очень высокие требования, предъявляемые к себе при одновременно высокой самооценке, высочайший уровень достижений, что характерно для талантливых людей. Общекультурная эрудиция ученого была огромна, он нередко демонстрировал глубокие познания в самых различных науках. Дружинин был блестящий оратор и докладчик, но некомпетентность и непрофессионализм других возмущали и выводили его из себя. «Он был ранимым человеком, остро реагировал на различные коллизии на работе, в академическом сообществе. В суждениях иногда был категоричен» (*Шадриков*, 2005, с. 425).

В.Н. Дружинин отличался высокой гражданственностью, умением принимать ответственные решения, способностью ставить и решать сложные социально значимые научные проблемы. Он любил свою семью, был верным другом и человеком, лично сопричастным и переживающим все события, происходящие в нашей стране. По воспоминаниям С.Д. Бирюкова, «его активная жизненная позиция проявлялась не только в научной жизни – в 1991-м был на баррикадах у Белого дома, а в 1993-м мы с ним встретились в безлюдном Институте психологии, и он в деталях рассказывал о танковых стрельбах в центре Москвы, откуда только что вернулся» (Бирюков, 2005, с. 99). Владимир Николаевич стремился к сохранению и развитию психологической науки, беспокоился о состоянии интеллектуального потенциала российского общества. В.Д. Шадриков дает следующие его яркие характеристики: «Молодой, яркий, талантливый, глубоко переживающий судьбу своей Родины, болеющий за сохранение и развитие психологической науки, постоянно стремящийся разобраться в различных психологических проблемах» (Шадриков, 2005, с. 422).

Одна из самых ярких черт Владимира Николаевича – это любовь к людям, к родным, к семье, к сотрудникам, аспирантам, знакомым и незнакомым людям. Эта черта, по воспоминаниям Л.И. Ларионовой, «проявлялась в бережном отношении, желании понять и помочь» (Ларионова, 2005, с. 433). Особое «дружининское поле», по воспоминаниям Л.И. Ларионовой, создавали «само общение, атмосфера уважения и доверия с его стороны, личное обаяние, глубокая теоретическая подготовка ученого, талантливость, исключительная доброжелательность. Духовность Владимира Николаевича проявлялась в том, что он давал возможность развиваться чужой индивидуальности в поле своей индивидуальности» (Там же, с. 428–429).

Согласно А.Г. Шмелеву, В.Н. Дружинин «был азартным и в какие-то моменты на удивление, до наивности прямолинейным и открытым, несмотря на весь свой гибкий ум, умение вести себя очень адаптивно в социальном плане» (Шмелев, 2011, с.5). Как вспоминает С.Д. Бирюков, «неортодоксальный склад ума, склонность к выявлению парадоксов, глубокая аналитичность и широчайшая эрудированность придавали всему облику Владимира Николаевича яркие, неповторимые, уникальные штрихи» (Бирюков, 2005, с. 98).

Результаты контент-анализа оценки особенностей личности Дружинина представлены в Таблице 10.

Результаты контент-анализа оценки особенностей личности В.Н. Дружинина как человека, ученого, лидера, руководителя

Единицы анализа		Единицы счёта	
Категории	Подкатегории	Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная, %
Особенности личности В.Н. Дружинина как человека	Открытость	9	60
	Искренность	6	40
	доброжелательность	5	35
Особенности личности В.Н. Дружинина как ученого	трудолюбие, работоспособность, упорство, целеустремленность	3	20
	настойчивость	2	15
Особенности личности В.Н. Дружинина как лидера, руководителя	Положительные: личный пример, умение воодушевлять, увлекать людей, генерировать идеи	6	40
	Отрицательные: повышенная эмоциональность, импульсивность, вспыльчивость, критичность	4	25

Таким образом, говоря об особенностях В.Н. Дружинина как человека, ученого, руководителя, интервьюируемых больше всего привлекали такие личностные качества, как открытость (60%), искренность (40%), доброжелательность (35%), доверчивость, эмоциональность, честность, яркость, незащищенность, отсутствие второго плана, искреннее желание помочь, порядочность, внутренняя красота, энергичность, эрудированность, остроумие, принципиальность, профессионализм, демократизм, надежность, одаренность, стабильность в отношении к людям, легкость в общении. «Он был честен, открыт, прост и прям, благороден и беззащитен перед подлостью» (Дружинина, 2011, с. 11). Но нельзя не

отметить сложность, противоречивость личности В.Н. Дружинина и такие его качества, как амбициозность, вспыльчивость, категоричность, излишняя критичность, своеобразный, иногда довольно холодный юмор, импульсивность, повышенная эмоциональность, ранимость, чувствительность, очень высокие требования, предъявляемые к другим и к себе при одновременно высокой самооценке, независимость.

Кроме того, были отмечены характерологические особенности, способствовавшие научному успеху В.Н. Дружинина: трудолюбие и настойчивость, «колоссальная, необычайная работоспособность», целеустремленность, самоорганизованность, одержимость, энергичность, «активный и высокий темп деятельности», «стремление быть первым», хорошее здоровье, усидчивость, ценность науки («наука была для него на первом месте»), познавательная мотивация, блестящая память, необычайные способности.

Факторы формирования личности и творческой деятельности В.Н. Дружинина

Что касается факторов среды и окружения, влияющих на формирование личности В.Н. Дружинина и его творческие способности, то, по мнению *И.З.*, он скорее сам формировал среду, чем формировался средой.

А.К. придерживается той же точки зрения: «Никакие факторы не влияли, самородок просто. Я бы сказал так: многие факторы мешали. Если бы, допустим, он развивался в более благоприятной среде, может быть, и результат был бы немножко другой. Трудности были большие. Конечно, были замечательные ученые, которые ему помогали. Это Роговин, Шадриков, наши преподаватели. Но были и обстоятельства [серьезные – Н.Н.]».

В.М. отмечает, что В.Н. Дружинин был сильным человеком: если среда оказывала сопротивление, то для него это выступало стимулирующим фактором. Отвечая на вопрос о факторах среды и окружения, влиявших на формирование личности В.Н. Дружинина и его творческие способности, *А.В.* указывает, что он имел высокую, адекватную самооценку, чувствовал свое «превосходство над окружающими в умственном плане и в понимании психологии. Вот это мне до сих пор не понятно, потому что он математику знал... другие науки... Но почему его интересовала психология, и он в ней развивался, я не понимал. Он был лучшим, по его ощущениям, и почувствовал это еще на 3 курсе Университета».

В.Ш. считает, что причиной выбора профессии психолога В.Н. Дружининим стало то, что в 1970 г. в Ярославле открылся Университет и факультет психологии, фактически третий в Центральной России. «Он неплохо развивался, а психология была в целом в обществе на слуху, и в городе было определенное отношение к этой специальности. По всей вероятности, это и повлияло на выбор Владимиром психологического факультета, хотя он бы с

удовольствием и успешно учился и на математическом факультете, и на физико-математическом. У него склад ума был... естественно упорядоченный».

Руководителем кандидатской диссертации В.Н. Дружинина был В.И. Ковалев; она связана с проблемами профессионального отбора пограничников. Проводились сложные эксперименты: испытуемые бросались под танк, а исследователи фиксировали, какие психофизиологические системы работают в условиях стресса. Работа была закрытая, публикационной освещенности она не получила, хотя оказалась интересной и практически значимой. По мнению *В.Ш.*, она в определенной мере повлияла и на личностные качества В.Н. Дружинина. Его взяли и в аспирантуру Института психологии, учитывая то, что в ЯрГУ факультет психологии больше был связан с практическими проблемами, чем Московский и Ленинградский университеты. «И с этой точки зрения, по всей вероятности, его даже прицельно и брали на проведение хорошей экспериментальной работы, я бы даже сказал не экспериментальной, а эмпирической, прикладной работы».

Было много факторов, препятствующих развитию его карьеры, но способствовало ей то, что он удачно влился в Совет молодых ученых – междисциплинарное сообщество исследователей из разных институтов. В.Н. Дружинин был лично знаком со многими выдающимися учеными Академии наук и университетов. Что касается трудностей в научной деятельности В.Н. Дружинина и условиях его труда, то главной из них, по мнению *А.В.*, была одна и постоянная – отсутствие средств. Ощущался дефицит разных материальных ресурсов: от банальных денег для жизни, до всего остального – бумага, техника, помещение, испытуемые, которым за все время, пока мы работали, ни разу не могли заплатить. Все делалось на энтузиазме и склонении к научному сотрудничеству.

М.Х. отмечает, что первым фактором, влияющим на формирование личности В.Н. Дружинина-ученого, было обучение на факультете психологии Ярославского университета, потому что там Дружинин был один из лучших студентов. Там он находился в атмосфере свободного профессионального поиска, его никто не давил, не ограничивал. Обстановка студенчества на него оказала очень положительное влияние. Второй фактор, это, несомненно, влияние В.Д. Шадрикова, общение с ним. Это один из самых квалифицированных современных отечественных психологов. Работает он чрезвычайно творчески всегда, и Дружинин начал с ним общаться очень рано, еще тогда, когда Шадриков работал в Ярославле. И это общение – второй фактор; это очень важно.

Самое главное, что оказало влияние на В.Н. Дружинина, как полагает *В.С.* – это его учителя, с которыми он общался. «Это всегда бывает, мы становимся на плечи предшественников... Я думаю, что очень серьезное влияние на него оказал Юрий Михайлович Забродин, в лаборатории которого он работал. Помимо этого, он очень сильно

уважал Бориса Федоровича Ломова, который был для него не просто авторитетом, а Учителем с большой буквы. Как от организатора науки он от него очень много впитал – его простоту и доступность... И к Владимиру Николаевичу можно было заходить в любое время не только выдающимся ученым и сотрудникам университета, но и простым студентам, которым он преподавал, аспирантам; у него дверь всегда была открыта для всех».

С.К. в качестве основного фактора формирования личности Дружинина выделяет его родительскую семью: «Мама у него – завуч сельской школы... Это на полпути между Угличем и Ярославлем. А там есть небольшое село или деревня Дунилово рядом. Вот там, в сельской школе его мама была завучем. И он там учился, и в школьные годы всего Гегеля прочитал. Очень увлекался такой философской литературой. Психологию было трудно достать, а эти книги стояли вместе с трудами Ленина. Все прочитал».

Б.Т. считает, что в немалой степени на формирование личности В.Н. Дружинина повлияло то, что он учился в Ярославле, потому что в Ярославле достаточно мощная психологическая школа. Также была отмечена роль В.Д. Шадрикова «в годы обучения, становления В.Н. Дружинина как профессионала. Опять же сам он был человек достаточно честолюбивый, у него было много планов, он их достаточно успешно осуществлял: быстро сделал кандидатскую, докторскую, стал руководителем, заместителем директора института». В.Н. Дружинин с самого начала работы в Институте проявлял активность в разных сферах. «Он был ориентирован на профессиональный рост, на карьерный рост, все у него получалось».

На формирование личности В.Н. Дружинина, с точки зрения *Д.У.*, влияло то, что он сознавал себя провинциалом и в Москве немножко чужим; он поэтому хотел признания; он сознавал свои способности, хотя зачастую был в своем поведении импульсивен. «В каких-то ситуациях он прекрасно понимал социум, но при этом иногда вел себя в нем совершенно не адаптивно. Хотя он хотел добиться успеха и, в общем-то, понимал среду, но действовал так, что он его не добивался. Он достаточно сильно переживал, считая, что в этой среде у него нет пути, что он не пробьется и т.д. Хотя, в общем-то, в 35... он стал зам. директора, доктором наук в 33 или 34, защитил со второго раза докторскую. Потом стал директором ГУГНа и деканом». *Д.У.* вспоминает, что спрашивал В.Н. Дружинина, кто был, и был ли у него образец креативного поведения, и ученый назвал Р.С. Немова.

По воспоминаниям А.В. Карпова, если перед В.Н. Дружининым возникала проблема, которую он не мог сразу решить, он воспринимал это как личную обиду на себя, за то, что он не знает чего-то, но должен знать. Ученый испытывал чувство внутреннего беспокойства и дискомфорта от этого и размышлял до тех пор, пока не находил решение проблемы, ответа на задачу или вопрос. А.В. Карпов предлагает охарактеризовать это качество, как

«интеллектуальная гиперсензитивность», «нетерпимость к когнитивной ограниченности», «интолерантность к проблемности». «То, что именно это свойство стало в дальнейшем мощнейшим фактором становления В.Н. как ученого, не вызывает у меня сомнения» (Карпов, 2005а, с. 412).

Таким образом, основным фактором формирования личности Дружинина в детском и юношеском возрасте была родительская семья, особенно мать, которая эмоционально поддерживала сына. После окончания школы Дружинин обратился к психологии в силу совокупности личных («я и психологию-то выбрал, чтобы быть свободным от догм, так как это самая творческая наука» (Дружинин, 2005а, с. 37)) и социальных факторов (открытие факультета психологии в Ярославле, отношение в обществе к психологии как к новой, интересной науке).

Формирование научного мировоззрения Дружинина обусловлено влиянием социально-культурных (политическая и социальная ситуация в стране, обучение на факультете психологии Ярославского университета, где была представлена серьезная психологическая школа, существовала атмосфера свободного профессионального поиска); логико-научных (объективная потребность в исследовании проблем способностей) факторов, а также особенностями жизненного пути (поддержка и влияние замечательных учителей и ученых: М.С. Роговин, В.Д. Шадриков, Ю.М. Забродин, Я.А. Пономарев, Б.Ф. Ломов), личности (индивидуальный стиль научной деятельности, личностные и профессиональные характеристики) и научной деятельности ученого (чувствовал себя в Москве немного чужим, провинциалом и стремился добиться признания, был ориентирован на профессиональный и карьерный рост).

3.4. Индивидуальный стиль научной деятельности В.Н. Дружинина

Владимир Николаевич Дружинин является одним из ярких ученых в психологической науке на рубеже XX–XXI веков, которого характеризуют особый стиль научной деятельности. Проблемой исследования стиля занимались многие ученые в разных научных традициях и на разных этапах развития психологии. В монографии В.А. Толочка представлен и систематически изучен феномен «стиля» во всем его многообразии (Толочек, 2013). Так, исследуются разные аспекты проблемы стиля в рамках когнитивного (М.А. Холодная) стиля, стиля руководства (А.Л. Журавлев), стиля жизни (Л.И. Анциферова), индивидуального стиля деятельности (Е.А. Климов) и т.д.

В индивидуальном стиле деятельности реализуются ярко выраженные особенности человека, которые являются профессиональными важными и приводят к максимальным результатам деятельности. Так, все опрошиваемые отмечали высокие профессиональные качества В.Н. Дружинина, которые в целом характеризуют его как талантливого исследователя, открывающего новые горизонты в разных предметных областях, и творческого человека. Большинство интервьюируемых отразило такие качества В.Н. Дружинина-исследователя, как профессиональное мужество, концентрированность на предмете, умение ставить новые проблемы, энциклопедизм, системность мышления, опора на знания в области других наук, естественнонаучная направленность взглядов, высочайшая работоспособность и т.д. Он доказывал свои положения, не боясь конфликтов и трудностей, и часто оказывался правым.

На вопрос о стиле научной деятельности В.Н. Дружинина *А.К.* ответил: «Моцарт. Быстро, сразу, на высоком уровне, симультанно. Без сукцессивных попыток просчета. Некоторые очень долго идут и приходят к тому же результату. А Володя не такой – креатив, спонтанщик. Выготского в психологии Моцартом называли, но Володя еще более Моцарт».

Бывший студент В.Н. Дружинина *П.С.* нашел меткое слово для определения стиля его научной деятельности: «творческий кураж». *Д.Б.* охарактеризовала стиль научной деятельности В.Н. Дружинина как «поэтический». *Е.Т.* отметила такие характеристики этого стиля, как упорство и нацеленность на перспективу. *И.З.* указал, что В.Н. Дружинин быстрее сам формировал среду, чем формировался ею, добавив, что и та, и другая среды часто были «кислотно-щелочными», т.е. очищающими от всего лишнего в науке. Относительно стиля его научных работ было употреблено выражение «креативная лапидарность» и экономность: «он выражался экономно». *В.М.* отметил у В.Н. Дружинина «стремление обязательно найти новый подход к изучению того или иного феномена. Новый подход – это обязательная черта».

М.Х. следующим образом охарактеризовала стиль научной деятельности В.Н. Дружинина: «Очень разносторонние интересы, очень креативный подход, необычные идеи; он все время хватался за эти идеи, сам их рождал. Он был человек очень жадный до новых идей и чувствительный к новым идеям, он их не прорабатывал, не отработывал. Это стиль научной деятельности – высокая чувствительность к новым идеям, способность порождать новые идеи...».

С.К. подчеркнул, что Дружинин «всегда в системе (системно) работал, не разбрасывался, целенаправленно. Наверное, нет такой темы, по которой он бы большой книги не издал. По творчеству – пожалуйста, по мотивации – пожалуйста, по способностям – пожалуйста. Я восхищаюсь. Володя был очень концентрированным на конкретных

направлениях работы. Все в системе и все под высоким знаком качества. Главное еще... у него был прекрасный стиль. Он мог очень сложные темы четко и ясно донести. ... Он мог очень четко, лаконично в одном разделе все по полочкам разложить. Наверное, авторы сами удивлялись, как ему это удавалось. Вот это его стиль».

А.В. «привлекала открытость перед новациями: какие-то странные шахматисты, спортсмены, военные, я бы с ними точно дела не имел, а он имел. Он уделял внимание странным мыслям, которые я высказывал и которые почти никто никак не разделял. Вот такая открытость к новому знанию... У него была жесткая сциентистская позиция... То, что он занялся проблемами семьи, чем-то другим, это, скорее, был побочный продукт, т.е. мы обсуждали, но не доходили до последовательного претворения в научную жизнь альтернативных сциентистскому подходу [концепций – Н.Н.], т.е. это была аллюзия на науку, а не наука. А в науке у него был жесткий подход: нетерпимость к спекуляциям в смысле эмпирически необоснованных теорий и заявлений... Ему было не свойственно теоретизирование на пустом месте, т.е. эмпирия была более важной, а теорию можно придумать любую».

По мнению интервьюируемого, когда В.Н. Дружинин первый раз защищал докторскую диссертацию, была лишь лаборатория математической психологии, где понимали, что он писал об обобщенной модели теста... Институтские математики считали, что он внес определенный вклад, а остальные члены Защитного совета не понимали, о чем идет речь. Это некоторое затруднение, которое нужно было преодолеть. По прошествии какого-то времени В.Н. Дружинин по-новому освоил этот материал во всех смыслах, чтобы он представлял ценность не только для математиков; он стал более аккуратно излагать и популяризировать свои идеи и для психологов. Были подобраны слова, которые стали понятны большинству педагогов и психологов, и оказалось, что В.Н. Дружинин обосновал в психологии способностей прорывное направление. Оно и сейчас такое: через 20 лет вдруг стали его трудами интересоваться, предлагают написать статью об этом для американского журнала.

С.Б. отметил широчайший, можно сказать, беспрецедентный диапазон интересов В.Н. Дружинина. Его оригинальные идеи можно обнаружить в таких разнонаправленных текстах, как аннотированные отчеты по хоздоговорам и публикации о психологических особенностях, родившихся под разными астрологическими знаками. Основополагающими при этом являются монографии «Психология общих способностей» и «Экспериментальная психология», в которых изложены новые подходы к психологическому сопровождению образовательного процесса. Теория психологического измерения также связана с педагогической практикой ЕГЭ: В.Н. Дружинин был сопредседателем комиссии по

тестированию в Министерстве образования, где оттачивались как раз технические и прикладные аспекты ЕГЭ.

Особенность его творческого поиска, по мнению *Д.У.*, – не столько приведение идей в систему, что видно, если взять его тексты: чуть ли не каждая фраза с нового абзаца. Мысль бросается, затем – следующая и т.д., поэтому часто нужно делать дополнительные усилия, чтобы их связать. Таков стиль его мышления был: очень быстрого и не склонного к проработке деталей. Он был генератором идей. Собственно, креативность – это и есть основа его научных достижений, при этом он не слишком входил в теоретическое мышление, построение длинных систем. Он был склонен создавать простые теоретические системы и ухватывать с их помощью какой-то кусок эмпирии. У В.Н. Дружинина, добавил *Д.У.*, и стиль мышления, с одной стороны, очень точный, он ясно видел структуры, в том числе математические, организации эксперимента. С другой стороны, это стиль изобретательный: он усматривал связь этой искусственной структуры с какими-то вещами из жизни. При этом он обладал исключительной эрудицией.

Как вспоминает жена В.Н. Дружинина, он «был одержим наукой, работал всю жизнь с колоссальным напряжением и требовал того же от других. У него была потрясающая интуиция; он всегда знал, что надо делать, правильно определял цель, демократично предоставляя людям, которыми руководил, выбор тактики. Никогда не преследовал корыстных целей, работал не за сиюминутный результат, и часто результатов вложенного труда приходилось ждать долго» (Дружинина, 2011, с. 8).

В.Н. Дружинин был романтиком в душе и при этом четко рационально мыслящим человеком, прекрасным организатором науки. У него получалось любое дело; он умел принимать взвешенные решения, обдумывать и последовательно реализовывать научные проекты. Любые, даже самые сложные решения он принимал быстро. Делал то, что не по силам другим: издатели говорят, сейчас в психологии нет равного ему человека, способного собрать коллектив авторов в несколько десятков человек, добиться от них готовых рукописей и оформить это в конечный продукт. Как пишет С.Д. Бирюков, несмотря на постоянную занятость, у Владимира Николаевича всегда находилось время для высококвалифицированной консультации и доброжелательной, заинтересованной оценки, а также совместного обсуждения новых мыслей, идей, переживаний, которыми он щедро делился с окружающими» (Бирюков, 2005, с. 99).

В.Н. Дружинин стремился во всем, чем он занимался, достигать совершенства (перфекционизм), быть первым. Все, что он написал, стало значительным вкладом в науку, в то же время ученый никому не навязывал своих взглядов. По воспоминаниям М.А. Холодной, «он был поразительно терпим к альтернативным, по отношению к его

собственной, точкам зрения. При этом он не считал нужным скрывать свое отрицательное отношение к научным работам, которые, по его представлению, были выполнены на низком уровне. Иногда его оценки были обидны для того или иного автора, но, как правило, объективны» (Холодная, 2005а, с. 438).

Кроме того, поэтическое воображение также является важной характеристикой стиля деятельности В.Н. Дружинина. Как ярко выраженный генератор идей, он «с удивительной легкостью порождал замыслы, включающие теоретическую модель и способы ее эмпирической проверки» (Ушаков, 2005, с. 44). Особенностью мышления В.Н. Дружинина, согласно Д.В. Ушакову, было то, что, разработав множество моделей, он не стремился объединить их в единую теорию. «Было впечатление, что он столь же мало ценит порождаемые им модели, сколь легко они ему даются» (Там же).

Каждый крупный ученый – яркий, неординарный человек с индивидуальным стилем творчества. А.Л. Журавлев и М.А. Холодная выделили следующие особенности стиля научного творчества Дружинина: постоянное и органичное «взаимодействие науки и поэзии», единство «интеллекта и аффекта» и научная продукция ученого являлась «проекцией своеобразия его личности» (Журавлев, Холодная, 2015, с. 111). Научное творчество Дружинина отличает, с одной стороны, глубина, тщательность и выверенность используемых данных, достоверность выводов, научная честность, с другой стороны, отсутствие единой концепции научных взглядов, новые, необычные идеи, но их непроработанность. Такие особенности индивидуального стиля деятельности и творчества являются ярким примером того, как личность Дружинина проявляется в его трудах.

Можно сделать вывод, что индивидуальный стиль научной деятельности В.Н. Дружинина ярко выражен в его стремлении найти новый подход к изучению того или иного феномена, в новизне его идей, познавательной активности, критичности мышления, способности генерировать идеи при отсутствии интенции в их развертывании и проработке деталей, в необыкновенной широте интересов, глубине теоретических мыслей и искусстве экспериментальных разработок, в сочетании теоретических и экспериментальных исследований с практической ориентацией своих научных разработок. Его стиль характеризуется быстротой, высоким темпом работы и результативностью исследований в каждом направлении психологии, за которое он брался, интенсивностью научной деятельности. Таким образом, выявлено редкое сочетание в нем способностей талантливого ученого-теоретика, искусного исследователя-экспериментатора, блестящего психолога-практика, яркого преподавателя, выдающегося организатора и популяризатора психологической науки, личности с активной гражданской позицией.

3.5. Проблема научной школы и перспективы развития идей В.Н. Дружинина в современной психологии

Вопрос о научной школе В.Н. Дружинина сложен и неоднозначен. Научную школу можно рассматривать как сообщество исследователей, интегрированных вокруг ученого – генератора идей, обладающего особыми исследовательскими и человеческими качествами, или как научный коллектив, завоевавший известность высоким уровнем исследований в конкретном научном направлении, устойчивостью научной репутации и традиций, преемственностью поколений. (Грезнева, 2004; Заостровская, 2015; Криворученко, 2000; Логинова, 2000; Умрихин, 2007; М.Г. Ярошевский, 1977). С такой точки зрения, В.Н. Дружинина можно считать создателем своей собственной научной школы. Вокруг него была объединена группа соратников и учеников (А.Н. Воронин, Н.Б. Горюнова, Л.Г. Алексеева, Т.В. Галкина, Гнатко, Е.Ю. Самсонова, Н.В. Хазратова, Е.В. Воробьева, Г.А. Гребенюк и др.), разделяющих его научные идеи и общие теоретические принципы, методологию исследования, реализующих определенную исследовательскую программу, разработанную и предложенную В.Н. Дружининым, в ходе выполнения которой происходил интенсивный обмен мнениями и результатами. Это позволило выделить в настоящее время на сайте Института Психологии РАН в разделе научные школы – Школу психологии способностей и психодиагностики В.Д. Шадрикова – В.Н. Дружинина. Сам ученый считал себя приверженцем научной школы В.Д. Шадрикова, о чем пишет в своих воспоминаниях Г.А. Суворова: «Мы шли пешком к метро, это была весна 2000 года, прыгали через лужи, и я спросила его: «В чьей научной школе вы находитесь?» Он ответил: «Конечно же в научной школе Шадрикова»» (Суворова, 2015, с. 199).

Анализируя интервью, собранные у коллег и друзей В.Н. Дружинина, можно выделить несколько различных мнений по этому вопросу. Одна группа ученых считали его создателем собственной научной школы. На вопрос, является ли В.Н. Дружинин создателем собственной научной школы? – у В.М. был получен такой ответ: «Разумеется и конечно. Продолжая и развивая традиции Ярославской школы, он создал свое направление в разных областях психологической науки, в области исследования интеллекта, валидности. Школа продолжает существовать и развиваться. Его трехмерная классификация методов – это шаг в будущее».

На вопрос, к какой научной школе относится В.Н. Дружинин, С.К. ответил: «Я думаю, он сам – научная школа. Безусловно, он относится к школе системного подхода. Это Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков. Системный подход у него очень был сильный». Так, В. М говорит: «У него была своя научная школа с детских лет, он родился со своей научной школой».

Некоторые добавляли, что он не относился ни к какой научной школе, «он человек мира, он перерос школы» (*А.К.*), «он был представителем всех школ, нельзя отнести ни к какой школе, он сам по себе энциклопедист» (*В.С.*), «эклектик, универсал, относится к универсальной психологической научной школе» (*С.Б.*).

Многие коллеги говорили, что он просто не успел создать свою научную школу: преждевременная смерть этому помешала. Но незавершенность не характеризует ее некачественность.

По мнению *М.Х.*, *В.Н.Дружинин* был очень продуктивным и одаренным ученым, но школу создать не успел, хотя спокойно мог бы ее создать лет через 10–15. Как вспоминает *М.Х.*, *В.Н.Дружинин* на каком-то этапе увлекся организационной карьерой. «Он был травмирован тем, что его не выбрали в члены-корреспонденты РАО, там была ситуация, когда он пострадал за свою принципиальность. В своем докладе в РАО упомянул такой факт, что у российских детей по показателям исследований снижен уровень интеллекта в среднем, причем, он сравнил то ли с американскими детьми, то ли с израильскими. Как это оскорбило этих академиков! И они начали практически после этого его давить, хотя он сказал правильные вещи. Действительно, снижение интеллекта у детей имеет место быть, и сейчас особенно, но тогда его прокатили за то, что он сказал правду».

В то же время *М. Х.* относила его к школе *В. Д. Шадрикова*; *А.В.* подчеркивал, что «поначалу это было развитие идей Шадрикова, а потом своя, своеобразная концепция, которая, к сожалению, в отдельное направление не вылилась и теперь по сути дела заглохло. Если бы он не умер, я думаю, что это было бы ведущим направлением на сегодняшний день. Не знаю, как в других науках, но психология очень тесно связана с личностью самого ученого, то после того, как он умер... все это пришло в упадок».

Отвечая на вопрос, к какой научной школе относится *В.Н. Дружинин*, *В.Ш.* отметил: «У нас отнесение к школе всегда было относительным. Если говорить с точки зрения парадигмального видения, то, конечно, он является выразителем деятельностного подхода, который в отечественной психологии сформировался, который является серьезным достижением отечественной психологии и который мы в настоящее время теряем. У нас уже начинают огульно высказываться по поводу деятельностного подхода. В то время как за границей конференции по этому направлению проводят. В целом я бы его отнес к деятельностному подходу, который сформировался и развивался в отечественной психологии. В более узком направлении – это направление психологии способностей, в котором у нас много различных веточек. Вот он представлял собой одно из этих направлений. Я думаю, что он проявил бы себя больше в широком контексте когнитивной психологии. Мне так представляется. Хотя нужно отдать дань справедливости: с моей точки

зрения, он не всегда объективно оценивал то, что сделано в нашей отечественной психологии, в психологии познавательных процессов». Что касается собственной научной школы, которая попробовала бы глубоко осмыслить все, что делал В.Н. Дружинин, и найти реперные точки, на которых можно было бы строить дальнейшие исследования, ее в настоящее время пока нет. Это не так уж и необычно, если вспомнить, что и у Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева и многих других тоже нет продолжения, хотя почтение отдается, иногда конференции проводятся и т.д. В.Н. Дружинин полностью не раскрылся в научном аспекте, он создал коллектив талантливых сотрудников, но не такой, который работал бы в одном направлении.

Результаты контент-анализа оценки научной школы Дружинина представлены в Таблице 11.

Таблица 11.

**Результаты контент-анализа оценки научной школы
В.Н. Дружинина**

Единицы анализа		Единицы счёта	
Категории	Подкатегории	Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная, %
К какой научной школе относится В.Н. Дружинин	К ярославской школе	5	33
	К школе В.Д. Шадрикова	6	40
	Направление деятельностного подхода, системного подхода	2	14
	Не относился ни к какой научной школе, сам по себе научная школа	8	53

Является ли В.Н. Дружинин создателем собственной научной школы	Да	8	53
	Нет	2	14
	Не успел, но создал бы	5	33

Таким образом, мнения по вопросу создания научной школы В.Н. Дружининим разделились примерно наполовину. 53% интервьюируемых считают, что он создал научную школу, «только нас мало», он сам и его профессиональная деятельность являются школой. 47% интервьюируемых говорят, что В.Н. Дружинин не создал собственной научной школы по той причине, что ушел из жизни молодым. Было отмечено, что ряд как бы вскользь брошенных им идей, в частности голографическая модель психики, ощутимо расширяют поле психологических исследований. В то же время все интервьюируемые отмечали незавершенность его идей, хотя именно работы В.Н. Дружинина имеют один из самых высоких индексов цитирования по ИП РАН (3 место), а его учебники пользуются все увеличивающимся спросом. Отмечалась востребованность и его человековедческих работ, трудов по психологии семьи. Мало, кто не упомянул, что Дружинин писал оригинальные стихи, оценивая их как своеобразный элемент его научного творчества. Но на данный момент не существует научной школы Дружинина, которая отвечала бы всем критериям, предъявляемым к научным школам.

В то же время 90% интервьюируемых отметили возможность дальнейшего развития и широкого использования идей Дружинина. По мнению В.Ш., результаты научной деятельности Дружинина достаточно интересны. В плане творческих перспектив Дружинин уже был сложившимся ученым и излагал свои взгляды, читая лекции на факультете психологии МГУ, старался передать свое видение новому подрастающему поколению. Как считает Д.Б., книги Дружинина неровные: «есть такие места, что дух захватывает, насколько глубоко, насколько красиво, эмоционально, и, вместе с тем, есть определенные небрежности: так показалось, дальше не думал, ну какая разница».

В настоящее время активно работает лаборатория психологии способностей и ментальных ресурсов имени В.Н. Дружинина; многие его идеи разрабатываются там успешно, как считает А.К., через сплав теории и практики их разработкам присущ макрофункциональный подход в русле метакогнитивизма. «Мы выходим здесь еще и на уровневую организацию психики: уровень первичных процессов метакогнитивный, уровень

вторичных – рефлексивность. Мы с ним много рассуждали о рефлексивности, поскольку она закономерным образом должна быть чем-то организована. Значит должен быть некий процесс икс, который руководит руководителем. Но мы его не знаем, и вообще мы знаем только те процессы, которые осознаем. А кто сказал, что в нашей психике есть только те процессы, которые мы осознаем?»

М. Х. было отмечено, что в системе РИНЦ Дружинин занимает третье место по Институту психологии. Что касается носящей его имя лаборатории, то она ориентирована на разработку одной из самых перспективных идей – идеи «когнитивного ресурса», анализа ситуативных факторов в самом широком варианте, изучение психометрического интеллекта и креативности. Сегодня аспиранты это делают с учетом более широкого контекста, в том числе и ситуативных факторов. Одна из самых блестящих идей – «идея голографической природы психики, но она пока не отработана». Дружинин разработал, по сути дела, новый подход к психодиагностике способностей, никто до него так не писал, выявил потенциал идей «когнитивного ресурса» и интеллектуального диапазона. В целом Дружинин, по убеждению М.Х., заложил основы изучения общих познавательных способностей в отечественной психологии, что очень важно и сейчас.

Возможности развития и продуктивного использования концепций Дружинина связываются А.К. с разработкой идеи внутренних когнитивных миров в рамках сциентистской психологии и «когнитивного ресурса» в целом в контексте отечественного человекознания. В области анализа креативности у Дружинина были идеи, связанные с активным бессознательным и пассивным сознанием; о некоем материальном субстрате психического и т.д.

По мнению А.Г., смелые идеи (о жизненных стратегиях, о роли семьи в постоянном взрослении индивида) не всегда воспринимались даже близким окружением. Однако Дружинин представлял себя как человека, ориентирующегося на духовные традиции и русские архетипы, но в принципе у него было и особенное западничество. Новой научной идеей Дружинина Д.Б. считает «модель диапазона». «Она будет жить, потому что это убедительно описанная система, многое объясняющая, очень простая и четкая». Радикально новой научной идеей Дружинина А.В. назвал идею ситуационного подхода к измерениям в психологии: ситуация может существенным образом влиять на результаты тестирования, тем самым нужна лабильность всех даже очень тщательно выверенных измерительных процедур. Важны идеи, связанные с получением образования в сочетании с развитием способностей; о том, что современный способ обучения не вполне соответствует эффективному развитию потенциала, который в ребенке заложен.

Новой научной идеей Дружинина, по мнению С.Б., является идея экологической валидности теста. Это очень многогранное понятие, куда входят модели ситуации тестирования и в чем-то голографическая концепция интеллекта; это креативные теоретические основы психодиагностики вообще.

Итак, результаты контент-анализа оценки новых научных идей Дружинина представлен в Таблице 12.

Таблица 12.

**Результаты контент-анализа оценки новых научных идей
В.Н. Дружинина**

Единицы анализа		Единицы счёта	
Категории	Подкатегории	Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная, %
Новые научные идеи В.Н. Дружинина	Новый подход к диагностике способностей, ситуационный подход, экологическая валидность теста	7	
	Когнитивный ресурс и интеллектуальный диапазон	6	40
	Трёхмерная классификация методов	3	20
	Голографическая модель	3	20
	Варианты жизни	2	15

Таким образом, изученные и сформулированные В.Н. Дружининым новые научные идеи – когнитивного ресурса, интеллектуального диапазона и ситуативного подхода в психодиагностике – являются основой для разработки проблемных областей в психологии способностей и важными теоретическими построениями для перехода от тестологического подхода к новому пониманию природы способностей. А перспективы развития идей В.Н. Дружинина находятся, прежде всего, в дальнейшем развитии психологии способностей. Психология способностей – одна из ключевых тем современной психологии. К решению

проблемы общих способностей, определения их состава в настоящее время существует множество подходов.

Одним из наиболее перспективных, по нашему мнению, можно считать подход В.Н. Дружинина, который основывается на выделении трех блоков переработки информации – блоки приема, переработки и применения информации. По трем указанным блокам В.Н. Дружинин дифференцирует три общие способности – обучаемость, интеллект и креативность. Данный подход представляется достаточно конструктивным, так как он соответствует функционально-генетической парадигме изучения способностей – наиболее разработанной из существующих. А.В. Карпов, развивая данный подход, считает, что «трехкомпонентную» структуру общих способностей В.Н. Дружинина нельзя считать полной и завершенной, и выдвигает рефлексивность как интегральную метакогнитивную способность (Карпов, 2005б, с. 41), которая является иерархически высшей способностью и регулирует уровень и степень проявления всех других способностей (Карпов, 2004).

Основные направления исследований способностей в Институте психологии РАН ориентированы на изучение общих познавательных способностей (таких, как их выделил В.Н. Дружинин – интеллект, креативность и обучаемость) и их проявления в межличностном взаимодействии, в учебной, профессиональной деятельности. В «Психологическом журнале» были опубликованы статьи М.А. Холодной о современных исследованиях и достижениях ученых РАН в области психологии способностей (2002а; 2007; 2015).

Одно из ведущих направлений деятельности лаборатории, как пишет М.А. Холодная, – это «разработка измерительного подхода в психологии способностей на основе современного состояния психодиагностики, анализ структуры психометрического интеллекта в связи с прогнозом индивидуальных интеллектуальных достижений» (Холодная, 2002а, с. 13). Это направление основано на исследованиях психометрического интеллекта В.Н. Дружинина, который описал его основные компоненты (поведенческий, вербальный, пространственный, формальный), проанализировал их соотношения и выделил их отличительные признаки, дающие основание предположить существование иерархической очередности формирования этих факторов в онтогенезе.

Кроме того, М.А. Холодная выделяет еще одно актуальное направление, связанное с изучением влияния на проявления интеллекта различных ситуативных и социальных факторов. В.Н. Дружинин разработал основы ситуационного подхода к психодиагностике способностей, проанализировав влияние ситуации на результаты тестирования и описав типологию психодиагностических ситуаций. Ученый выявил влияние типа ситуации тестирования на уровень и структуру познавательных способностей школьников и

определил, что наиболее адекватной для тестирования познавательных способностей является ситуация консультирования.

Продолжая намеченную линию, А.Н. Воронин и Н.А. Габриелян (1999) исследовали взаимосвязь уровня интеллекта и личностных особенностей (экстраверсия, интроверсия) у взрослых в разных ситуациях межличностного взаимодействия. М.К. Муртузалиева и А.Н. Воронин (1997) выявили влияние отношений между учеником и учителем в начальной школе на уровень развития интеллекта учащихся. И.Г. Трифонова и А.Н. Воронин исследовали влияние соответствия личностных особенностей учителя и ученика на развитие креативности.

Для верификации модели интеллектуального диапазона в условиях профессиональной деятельности было проведено исследование А.С. Комкова и А.Н. Воронина – учеников В.Н. Дружинина. Предполагалось, что параметры интеллектуального диапазона различны в разных видах профессиональной деятельности и что в зависимости от специфики деятельности будут наблюдаться специфические связи между видами интеллекта и показателями индивидуальной продуктивности.

Как отмечает А.Н. Воронин, попытки верифицировать модель интеллектуального диапазона при решении разного типа задач в ходе совместной деятельности привели к редукции модели до уровня описания отдельных взаимосвязей. При этом взаимосвязи, прогнозируемые исходной моделью, оказались верны лишь для ограниченного круга задач. Исходя из своих исследований, А.Н. Воронин считает, что модель интеллектуального диапазона вполне адекватна для учебной и профессиональной деятельности, в которой востребован предметный интеллект. «По мере нарастания в составе деятельности коммуникативных компонентов появляется необходимость модификации модели интеллектуального диапазона: введения дополнительных переменных и, вероятно, переход от синтетических и аналитических моделей к описательным, в частности, к описаниям в виде перечня взаимосвязей и набора качественных характеристик» (Воронин, 2010, с. 141–143).

Важным направлением исследований является анализ природы общих познавательных способностей (в основном интеллекта). В.Н. Дружинин определяет некоторые базовые модели интеллекта, как метафоры: «энергетическая» Ч. Спирмена, «скоростная» Г. Айзенка, «динамическая» К. Брандта, В. Игана и других, «когнитивного ресурса» В.Н. Дружинина. Горюнова и Дружинин совместно начинали эмпирическую проверку ресурсной модели общего интеллекта.

В дальнейших исследованиях Н.Б. Горюнова отмечает, что такие свойства когнитивного ресурса, как симультанное «схватывание» некоторого множества элементов ситуации, удержание его в фокусе внимания и оперирование им, обеспечивают

индивидуальную продуктивность интеллекта (Горюнова, 2010, с. 15). Скоростные характеристики интеллектуальной деятельности в ресурсной модели общего интеллекта зависят от мощности когнитивного ресурса. Возникающие при решении задачи ошибки можно объяснить тем, что при ограниченном когнитивном ресурсе симультанно актуализируется множество когнитивных элементов, которое оказывается недостаточным для реконструкции адекватной модели задачи. Однако если у индивида сформированы регуляторные механизмы интеллектуальной деятельности, то дополнительное время позволяет ему переструктурировать условия задачи и решить ее. Таким образом, по мнению Н.Б.Горюновой, «результаты современных исследований структуры общего интеллекта и основных проблем, связанных с ее верификацией, дают основание рассматривать конструкт «когнитивный ресурс» в качестве теоретической основы моделирования структуры и динамики общего интеллекта» (Горюнова, 2010, с. 16).

Несмотря на то, что только одна статья Дружинина была издана в свое время на английском языке (Druzhinin, 1994), существует сходство идей Дружинина с идеями некоторых зарубежных исследователей. Так, Ф. Фидлер (F. Fieldler, 1993) разрабатывал теорию когнитивного ресурса, выясняя роль интеллекта руководителя в принятии управленческих решений. К когнитивным ресурсам он также относил опыт и компетентность. Дж. Болдуин считал, что развитие интеллекта происходит, когда человек становится способным держать в поле сознания все больше элементов (Baldwin, 1906). Потом эту идею возрождали неопиажеанцы (Pasqual-Leone, 1987), считая, что онтогенез связан с увеличением количества элементов, с которыми может одновременно работать мышление. Идея о том, что основа интеллекта – рабочая память, была представлена в статье П. Киллонена и Р. Кристала (Kyllonen, Christal, 1990), где авторы описали специальную батарею тестов для измерения рабочей памяти, которая в их понимании практически совпадала с интеллектом. Сопоставление всех этих идей с идеями Дружинина необходимо для понимания природы интеллекта в целом. В отечественных исследованиях на рубеже XX-XXI вв. Дружинин один из первых стал заниматься интеллектом. По мнению Д.В. Ушакова, исследования интеллекта в современной российской психологии – это волна, пущенная им.

Еще одним важным направлением работы Дружинина является изучение одаренности и творчества. Дружинин проанализировал понятие творчества и раскрыл психологические основы диагностики творческих способностей. В рамках работы над «Рабочей концепцией одаренности» Дружинин, Холодная и другие ведущие российские ученые сформулировали требования к идентификации одаренных детей и подростков с учетом специфики детской одаренности. В соответствии с теоретической позицией Дружинина, подход Ушакова

основывается на различении таланта и одаренности, которую он понимает как обладание большим когнитивным ресурсом (Ушаков, 2011).

Практическое значение разработанных им исследований, прежде всего, в области психодиагностики способностей, в разработке диагностики одаренности, методов выявления одаренности (Рабочая концепция одаренности). Как вспоминает Холодная, он был классическим специалистом психометрического подхода, но никогда его не абсолютизировал.

Что касается практического значения разработанных им исследований, то это разработка тестов интеллекта, соответственно методов профотбора, проблематики одаренных детей, хотя они вторичны по отношению к фундаментальным работам Дружинина, по мнению Д.У.

Результаты контент-анализа оценки практического значения исследований Дружинина представлены в Таблице 13.

Таблица 13.

**Результаты контент-анализа оценки практического значения исследований
В.Н. Дружинина**

Единицы анализа		Единицы счёта	
Категории	Подкатегории	Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная, %
В чем практическое значение исследований В.Н. Дружинина	Диагностика способностей, одаренности	7	
	В психологии образования	3	20
	Разработка методик и тестов	3	20

Таким образом, большинство интервьюируемых считают, что практическое значение исследований Дружинина в диагностике способностей и в рабочей концепции одаренности.

Кроме того, нами был проведен наукометрический анализ влияния работ Дружинина на развитие современной науки. Одна из существенных особенностей научной деятельности Дружинина – его исследования в самых разных областях психологии. Основными направлениями, где им получены оригинальные и важные результаты, являются: психология

способностей, экспериментальная психология и методология психологии, экзистенциальная психология и психология семьи. Ученым издано более 150 научных работ, поэтому представляет интерес анализ влияния разных идей и работ ученого на развитие современной науки.

Термин «наукометрия» был введен в научный оборот В.В. Налимовым в 1960-х гг. (Налимов, 1969). С помощью наукометрии изучается эволюция науки через многочисленные измерения и статистическую обработку научной информации (количество научных статей, их цитируемость и т.д.). Мерой полезности публикации в наукометрии является ее цитируемость.

Нами была изучена цитируемость работ Дружинина, используя метод «цитат-индекс» для измерения продукта труда ученого – научной публикации, мы использовали число ссылок как более «дробную» меру публикации (Хайтун, 1983, с. 89). Ссылки фиксируют связь работ Дружинина с работами предшественников, коллег и последователей, указывают место работ ученого во всем массиве публикаций.

Проанализировав национальную библиографическую базу данных научного цитирования, мы получили следующую таблицу по научным трудам В.Н. Дружинина (Таблица 14).

Таблица 14.

**Общие статистические показатели по публикациям
В.Н. Дружинина**

Название показателя	2016 г.	2017 г.
Число публикаций в РИНЦ	75	96
Число цитирований публикаций автора в РИНЦ	5583	6954
Суммарное число цитирований автора	6882	8499
Число ссылок на самую цитируемую публикацию	819	1087
Число публикаций, процитированных хотя бы один раз	83 (91,2%)	87 (90,6%)
Среднее число цитирований в расчете на одну публикацию	74,44	86,53
Индекс Хирша	31	35
Число публикаций, входящих в		24 (25 %)

ядро РИНЦ		
Число цитирований публикаций, входящих в ядро Ринц		403
Индекс Хирша по ядру РИНЦ		5
Индекс Хирша по всем публикациям с участием ученого		36

Кроме того, мы получили статистику распределения цитирований по годам цитирующих публикаций (Таблица 15).

Таблица 15.

Распределение цитирований работ В.Н. Дружинина по годам цитирующих публикаций

Год	Количество цитирований	Год	Количество цитирований
2017	377 (на июнь)	2007	449
2016	1233	2006	404
2015	1362	2005	344
2014	947	2004	339
2013	778	2003	218
2012	703	2002	276
2011	674	2001	136
2010	674	2000	147
2009	555	1999	88
2008	459	1998	55

Таким образом, из данных таблиц видно, что все статистические данные по публикациям В.Н. Дружинина неуклонно возрастают с каждым годом, что является безусловным показателем дальнейшего продуктивного использования идей и концепций ученого.

Следует отметить, что в национальной библиографической базе данных научного цитирования встречаются ошибки: в годах публикации статей, ссылки на одни и те же

публикации с разными вариантами названий и пр. Поэтому необходима значительная дополнительная работа по устранению ошибок. Возможны и индивидуальные ошибки, связанные с отбором и анализом информации. Но эти ошибки не изменяют основной вывод – имеет место значительное влияние публикаций В.Н. Дружинина на развитие современной науки.

Кроме того, нами были проанализированы сборники конференций, посвященные В.Н. Дружинину (2005; 2010; 2015) и выделены основные идеи и труды ученого, на которые в них ссылаются (Таблица 16).

Таблица 16.

Основные идеи и книги В.Н. Дружинина, выделенные по сборникам конференций (2005, 2010, 2015)

Основные идеи	2005	2010	2015		Книги
Общие способности, трехкомпонентная структура способностей	5	2	8	24	Психология общих способностей
Модель интеллектуального диапазона, структура интеллекта	3	8	9	4	Психология способностей
Когнитивный ресурс, ресурсный подход	3	2	9	9	Когнитивные способности
Креативность, условия для ее проявления и формирования	7	8	13		
Одаренность, рабочая концепция одаренности	0	1	5	3	Рабочая концепция одаренности
Ситуативный подход в психодиагностике	1	0	3	4	Экспериментальная психология
Психология семьи (эмоциональная поддержка и влияние среды)	3	0	2	2	Психология семьи
Методология, классификация методов	1	0	4	4	Структура и логика психологического исследования
Варианты жизни	2	1	11	12	Варианты жизни
Всего ссылок	25	22	64	62	

Таким образом, данные этой таблицы также подтверждают, что наиболее востребованными идеями ученого являются:

- трехкомпонентная структура способностей (интеллект, креативность, обучаемость), на которую ссылаются в своих работах Г.В. Ожиганова, П.А. Сабадош, А.В. Карпов (Современные исследования интеллекта и творчества, 2015);

- модель интеллектуального диапазона, структура интеллекта (В.А. Буров, Е.А. Глаголева, Е.В. Головина, Н.Н. Струнина, Ж.Е. Федотова и др. в Психологии способностей, 2015);

- когнитивный ресурс (Н.Б. Горюнова, А.М. Дрегнина, М.М. Кашапов, Н.П. Локалова, В.В. Михайлова, Н.А. Никишина, К.Р. Сидоров, Л.В. Черемошкина и др. в Психологии способностей, 2015);

- формирование креативности и условия для ее проявления (Е.С. Белова, Д.Б. Богоявленская, Е.И. Буданова и Н.В. Еркин, О.У. Гогицаева, А.В. Губенко, Л.И. Еремина, С.С. Зорин и др. в книге Психология способностей, 2015).

- варианты жизни (Т.Н. Березина, Н.В. Гришина, Т.А. Гронский, И.Б. Дерманова и Д.В. Гапоненко, Е.В. Завгородняя, Е.А. Кукуев, И.М. Кыштымова и И.С.Шахова, О.Ю. Осадько, Г.А. Суворова и др. в книге Психология способностей, 2015).

Кроме того, все больше уделяется внимание и цитируются такие направления творчества Дружинина, как экспериментальная психология (Зотова, 2015), методология (Воронин, 2015; Балин, 2015) и психология семьи. Нельзя не отметить очень интересную идею о голографической модели психической реальности, которая не имеет широкого распространения, но в последнее время ученые все чаще начинают использовать и ссылаться на нее в своих работах (Волкова, 2015, Тесля, 2015).

В психологической науке одной из наиболее важных тем исследования становится проблема ресурсов, которые очень по-разному понимаются специалистами. В.Н. Дружинин один из первых в отечественной психологии стал заниматься проблемой ресурсов. В настоящее время ресурсы изучаются у взрослых людей, включенных в разные сферы жизнедеятельности, имеющих целенаправленную активность и связанные с ней психофизиологические затраты (Богоявленская, 2002; Волкова, 2011; Толочек, 2008; 2009; 2015; Шадриков, 2007; и др.). Так, В.А. Толочек выделяет внесубъектные, интересубъектные и интрасубъектные ресурсы (Толочек, 2009; 2015). Я.П. Коробейникова рассматривает ресурсы как один из психологических механизмов совладающего поведения личности в состоянии фрустрации (Хотинец, Коробейникова, 2016). М.Р. Хачатурова, С.К. Нартова-Бочавер, С.И. Резниченко изучают гендерные различия использования домашней среды как

ресурса совладающего поведения в юношеском возрасте (Нартова-Бочавер, Резниченко и др., 2015; Нартова-Бочавер, Резниченко и др., 2016). Важно подчеркнуть, что В.Н. Дружинин в своих теоретических и эмпирических работах только начинал исследовать данный феномен, но его продуктивные идеи составили основу для дальнейшего рассмотрения проблемы ресурсов и жизнеспособности в целом, разработки научных оснований и инструментария для их измерения.

Место ученого в истории психологической науки определяется значимостью, перспективностью и востребованностью его научных идей. С этой точки зрения, Владимира Николаевича Дружинина необходимо отнести к выдающимся российским ученым XX–XXI столетий. Плодотворность творческой деятельности ученого подтверждена временем; его идеи востребованы в современной психологии, получают развитие в работах последователей и учеников. Особое значение его научная и организаторская деятельность имела в нелегкие для советской науки годы перестройки, что проявилось в издании ряда научных работ и организации института ГУГН. Владимир Николаевич на 10–20 лет вперед видел то, что надо делать. Все исследования интеллекта и способностей, которые проводятся сейчас в Институте психологии прямо или косвенно ведут свое начало из творческих идей ученого. Все книги, которые издал В.Н. Дружинин, становятся классикой. Каждая книга, изданная В.Н. Дружининым, представляет собой прекрасно проработанную литературу по данному направлению и свой собственный взгляд, подкрепляемый эмпирическими данными и теоретическим осмыслением рассматриваемых проблем. В настоящее время идеи В.Н. Дружинина в экспериментально-диагностическом, теоретическом, и прикладном аспектах продолжают развиваться, что позволяет проводить исследования интеллекта и креативности с учетом их сложной природы.

«Все, кто знал Владимира Николаевича Дружинина, всегда будут хранить память о нем как о талантливом ученом, мудром наставнике, увлекательном собеседнике, надежном друге и неповторимом человеке» (Бирюков, 2005, с. 100). А.В. Карпов в своих воспоминаниях предлагает очень красивый, на наш взгляд, интегральный образ, метафору, которая очень голографично характеризует Владимира Николаевича: «После того, как гибнет далекая от нас звезда, и ее уже физически нет, свет от нее еще долго продолжает идти; она в каком-то смысле продолжает жить в форме этого света. Так же и Володя продолжает жить в том свете, который он создал своим творчеством, своим обликом, своим духом» (Карпов, 2005а, с. 417).

ВЫВОДЫ

1. Реконструкция научного наследия и индивидуального стиля научной деятельности В.Н. Дружинина позволила оценить вклад ученого в развитие отечественной психологии, выделить этапы и проанализировать результаты его научно-практической деятельности, выявить новые идеи ученого, важные для решения задач, стоящих перед современной наукой, проследить влияние его теоретических работ и практических исследований на современную психологическую науку.

2. Основные направления психологических исследований В.Н. Дружинина – психология труда и мотивации профессиональной деятельности; экспериментальная психология; психология и психодиагностика способностей; психология интеллекта, когнитивная психология, психология творчества и одаренности; методологические проблемы психологии; психология семьи; экзистенциальная психология; психология в российском обществе (научная публицистика) – подтверждают подлинную креативность идей и высокую продуктивность научно-практических разработок В.Н. Дружинина, которые детерминированы не только шириной его научных познаний, но и активной общественной позицией как специалиста-профессионала, выдвинувшего инновационные идеи, в первую очередь, в сфере образования.

3. Индивидуальный стиль научной деятельности В.Н. Дружинина ярко выражен в его стремлении найти новый подход к изучению того или иного феномена, в новизне его идей, познавательной активности, критичности мышления, способности генерировать идеи, в необыкновенной широте интересов и научной эрудиции, глубине теоретических мыслей и искусстве экспериментальных разработок, в сочетании теоретических и экспериментальных исследований с практической ориентацией своих научных разработок. Его стиль характеризуется быстротой, высоким темпом работы и результативностью исследований в каждом направлении психологии, за которое он брался, интенсивностью научной деятельности.

4. Целостный анализ научного наследия В.Н. Дружинина включает три основных аспекта: персонологический (разработка периодизации жизненного пути ученого и изучение его личностных характеристик, индивидуального стиля научной деятельности, рассмотрение особенностей и факторов формирования личности и творческой деятельности Дружинина), логико-научный (раскрытие логики развития научных взглядов автора) и социальный (рассмотрение социальной ситуации развития творческой деятельности ученого).

5. Наукометрический анализ работ В.Н. Дружинина дает возможность наглядно показать влияние ученого на развитие современной науки. Выявлено, что все статистические

данные по публикациям В.Н. Дружинина неуклонно возрастают с каждым годом, что является безусловным показателем дальнейшего продуктивного использования идей и концепций ученого.

6. Анализ общепсихологических воззрений В.Н. Дружинина и наукометрический анализ позволили выявить новые и наиболее значимые научные идеи В.Н. Дружинина: представление о ситуативной психодиагностике, трехкомпонентная структура способностей (интеллект, креативность, обучаемость), модель «интеллектуального диапазона», структура интеллекта и ресурсный подход к пониманию природы интеллекта, когнитивный ресурс, формирование креативности и варианты жизни.

7. Полная библиография научных трудов ученого и проанализированная публикационная активность по периодам активной творческой деятельности В.Н. Дружинина наглядно показали, что наибольшая интенсивность научной деятельности ученого приходится на последний период (1992–2001), что объясняется, на наш взгляд, рядом причин. Во-первых, в эти периоды В.Н. Дружинин – уже зрелый, состоявшийся ученый, накопивший большой опыт проведения эмпирических исследований и теоретических разработок, создавший собственные оригинальные концепции в области изучения способностей, интеллекта, проблем психометрики и психодиагностики, позволяющие ему выйти на уровень обобщения полученного им большого материала. Во-вторых, изменение его статуса (заведующий лабораторией, заместитель директора Института) открыло для него возможности для самостоятельного планирования и организации исследований по интересующим его вопросам. В-третьих, в научном сообществе В.Н. Дружинин приобрел статус авторитетного ученого; его работы стали широко востребованными и, соответственно, возрос запрос на их издание. В-четвертых, вокруг него в это время объединяются его многочисленные ученики и сторонники его идей, проводившие под его руководством исследования, что приводило к расширению базы данных и позволяло апробировать, подтверждать на разных выборках и объектах выдвигаемые им положения.

8. Психологическое наследие В.Н. Дружинина содержит глубокий эвристический потенциал для инновационных разработок теоретических основ современной психологии способностей, интеллекта и творчества; возможностей их практического применения. Актуальность работ Дружинина сегодня не только сохраняется, но и возрастает (Кольцова, Журавлев, 2012; Журавлев, Ушаков, Холодная, 2015). С одной стороны, это связано с новизной работ ученого и глубиной, разработанных им идей. С другой стороны, это определяется все возрастающей ролью ресурсного подхода в науке, важностью проблематики способностей, интеллекта, креативности в современном мире, все более

ориентированном на способности и их развитие, на расширение потенциала человека и максимальное использование интеллектуальных ресурсов.

9. Проблема реконструкции жизненного пути и творческой деятельности ученых является актуальной и перспективной темой исследования для общей психологии, истории психологии. Разработанная модель реконструкции творческого пути, научного наследия, особенностей личности и индивидуального стиля деятельности ученого (на примере личности Дружинина и его научного творчества) может использоваться как теоретическая модель для дальнейшей реконструкции жизни и творчества ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
2. *Абульханова-Славская К.А., Славская А.Н.* Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж.: Изд-во НПО «МОДЭК», 2010. 223 с.
3. *Агапов В.С.* Политическая психология: Методы психобиографического исследования политического деятеля. М.: СГИ, 2005. 328 с.
4. *Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г.* Психология науки. Учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 312 с.
5. *Алексеенко И.С.* Роль психологического наследия Е.А. Будиловой в развитии отечественной истории психологии: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 236 с.
6. *Ананьев Б.Г.* О соотношении способностей и одаренности // Проблемы способностей. М., 1962. С. 15–32.
7. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 338 с.
8. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 379 с.
9. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания: Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. 432 с.
10. *Анастаси А.* Психологическое тестирование. Кн. 1. М.: Педагогика, 1982а. 318 с.
11. *Анастаси А.* Психологическое тестирование. Кн. 2. М.: Педагогика, 1982б. 295 с.
12. *Андросова Г.М.* Основы научного творчества: учебное пособие. Омск.: Омский государственный институт сервиса, 2013. 86 с.
13. *Артамонов В.И.* Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учеными. М.: Академия. 2003. 408 с.
14. *Архиреева Т.В.* Влияние родительского воспитания на самоотношение младшего школьника // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 67–77.
15. *Балин В.Д.* Интеграция психологического знания и критерии ее завершенности // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 20–24.
16. *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1997. 463 с.
17. *Бирюков С.Д.* В самом расцвете сил... (к 50-летию со дня рождения В.Н. Дружинина) // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 98–100.
18. *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002. 317 с.
19. *Борисенко Ю.В., Портнова А.Г.* Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 122–130.
20. *Борисенков В.П.* О развитии фундаментальных педагогических исследований Российской академии образования // Мир психологии. Научно-методический журнал. № 1 (45). Январь-Март. М.-Воронеж, 2006. С. 57–67.
21. *Брушлинский А.В.* Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 5–11.
22. *Брушлинский А.В., Поликарпов В.А.* Мышление и общение. Мн.: Университетское, 1990. 214 с.
23. *Волкова Е.В.* Психология специальных способностей: дифференциально-интеграционный подход. М., 2011.

24. *Волкова Е.В.* Особенности организации концептуальных структур у подростков и юношей с разным уровнем общих и специальных способностей // *Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, М.А. Холодной. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2015. С. 143–158.*
25. *Воронин А.Н.* ИмPLICITные теории креативности при изменении параметров «окружающей среды» // *Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 26–30.*
26. *Воронин А.Н.* Модификация модели интеллектуального диапазона В.Н. Дружинина в условиях совместной интеллектуальной деятельности // *Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации. Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 132–143.*
27. *Воронин А.Н.* Последствия «незнания» некоторых научных идей В.Н. Дружинина // *Современные исследования интеллекта и творчества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 158–171.*
28. *Воронин А.Н., Муртузалиева М.К.* Влияние отношения младших школьников к учителю на уровень развития и структуру интеллекта // *Психологическое обозрение. 1997. № 3. С. 48–56.*
29. *Воронин А.Н., Габриелян Н.А.* Интеллект как модератор проявления личностных особенностей в ситуациях группового взаимодействия // *Интеллект и творчество. Сборник научных трудов / Под ред. А.Н. Воронина. М.: ИП РАН, 1999. С. 49–59.*
30. *Воронин А.Н., Горюнова Н.Б.* Когнитивный ресурс: структура, динамика, развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 275 с.
31. *Галкина Т.В., Доснон О.* Проблемы построения и адаптации к различным культурологическим условиям тестовой методики, направленной на изучение креативности // *Исследования обучения. М. 1997. С. 83–95.*
32. *Грезнева О.* Научные школы: принципы классификации // *Высшее образование в России. 2004. № 5. С. 42–43.*
33. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию: курс лекций. М.: АСТ, 2015. 352 с.
34. *Голубева Э.А.* Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: «Феникс+», 2005. 512 с.
35. *Горюнова Н.Б.* Дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых и малых творческих задач // *Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 30–35.*
36. *Горюнова Н.Б.* Когнитивный ресурс как основа моделирования структуры общего интеллекта // *Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 13–16.*
37. *Горюнова Н.Б.* Структурно-динамическая модель когнитивного ресурса // *Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2015 С. 69–72.*
38. *Гуревич К.М.* Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М.: Наука, 1970. 271 с.
39. *Дружинин В.Н.* Теоретические основы диагностики познавательных способностей: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1989. 46 с.
40. *Дружинин В.Н.* Психологическая диагностика способностей: теоретические основы: В 2-х ч. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. 292 с.
41. *Дружинин В.Н.* Структура и логика психологического исследования / 2-е изд., испр. М.: ИПРАН, 1994. 163 с.
42. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. М.: Лантерна-Вита, 1995. 152 с.

43. Дружинин В.Н. Психология общих способностей: развитие и диагностика в общении // Труды Института Психологии РАН. Т. 2. М. 1997. С. 49–56.
44. Дружинин В.Н. Интеллект и продуктивность деятельности: модель "интеллектуального диапазона" // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 2. С. 61–70.
45. Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ, СПб.: ИМАТОН-М, 2000. 156 с.
46. Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001. 224с.
47. Дружинин В.Н. Антимемуары. М.: Изд-во «СГУ», 2005а. 303 с.
48. Дружинин В.Н. Голографическая модель психической реальности // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005б. С. 458–467.
49. Дружинин В.Н. Психология общих способностей / 3-е изд. СПб.: Питер, 2007а. 368 с.
50. Дружинин В.Н. Психология способностей: Избранные труды. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2007б. 541 с.
51. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учебник для вузов / 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 320 с.
52. Дружинин В.Н. Антимемуары: сборник статей, интервью, стихов. Ярославль: Изд-во «Потребительское Общество “Еще не поздно!”», 2011. 296 с.
53. Дружинин В.Н. Психология семьи / 3-е изд. СПб., 2012. 176 с.
54. Дружинин В.Н., Хазратова Н.В. Экспериментальное исследование формирующего влияния микросреды на креативность // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 4. С. 83–93.
55. Дружинин В.Н., Воробьева Е.В. Воздействие общения экспериментатора с испытуемым на проявление психометрического интеллекта у подростков – монозиготных близнецов // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 70–80.
56. Дружинина Н.В. Жизнь как творчество // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 45–54.
57. Дружинина Н.В. Предисловие ко второму изданию // Дружинин В.Н. Антимемуары: сборник статей, интервью, стихов. Т. 1. Ярославль: Изд-во «Потребительское Общество “Еще не поздно!”», 2011. С. 7–20.
58. Дружининские чтения: Материалы научно-практ. конф. студентов и аспирантов, г. Сочи, 2003–2004 гг. / Под ред. С.Н. Тесля, И.Б. Шуванова, И.Н. Макаровой. Сочи: СПИ СГУТиКД, 2004. 123 с.
59. Дружининские чтения: Материалы 4-й Междунар. научно-практ. конф., г. Сочи, 5–7 мая 2005 г. / Под ред. С.Н. Тесля, И.Б. Шуванова, С.В. Киктева. Сочи: СПИ СГУТиКД, 2005. 314 с.
60. Дружининские чтения: Материалы 6-й Всерос. научно-практ. конф., г. Сочи, 10–12 мая 2007 г. / Под ред. С.Н. Тесля, И.Б. Шуванова, С.В. Киктева и др. Сочи: СПИ СГУТиКД, 2007. Т. 1. 280 с.
61. Дружининские чтения: Материалы 8-й Всерос. научно-практ. конф., г. Сочи, 23–25 апреля 2009 г. / Под ред. И.Б. Шуванова, О.А. Михайленко, А.А. Никифоровой и др. Сочи: СПИ СГУТиКД, 2009. В 2-х т. Т. 1. 216 с.
62. Дружининские чтения: Материалы 9-й Всерос. научно-практ. конф., г. Сочи, 6–8 мая 2010 г. / Под ред. И.Б. Шуванова, О.А. Михайленко, А.А. Никифоровой и др. Сочи: СПИ СГУТиКД, 2010. 305 с.
63. Дружининские чтения: Материалы X-й Всерос. научно-практ. конф., г. Сочи, 9–11 июня 2011 г. / Под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, А.А. Никифоровой и др. В 2-х т. Т. 1. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2011. 260 с.

64. Дружининские чтения: Материалы XI-й Всерос. научно-практ. конф., г. Сочи, 24–26 мая 2012 г. / Под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, А.А. Смирновой и др. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. 200 с.
65. Дружининские чтения: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 23–25 мая 2013 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет / Под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, Ю.Э. Макаревич, А.А. Смирновой. Вып. 2. Киров: МЦНИП, 2013. 417 с.
66. Дружининские чтения. Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции. г. Сочи, Сочинский государственный университет, 22—24 мая 2014 г. / Под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, И.Г. Макаревич, Ю.Э. Макаревич, С.Н. Тесля, В.П. Шувановой. Киров: МЦНИП, 2014. 465 с.
67. Дружининские чтения: Материалы XIV-й Всерос. научно-практ. конф., г. Сочи, 21-23 мая 2015 г. / Под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина и др. Сочи.: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2015. 227 с.
68. *Евсеенкова Ю.В.* Система отношений в диаде отец – ребенок как фактор развития личности // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4. С. 30–48.
69. *Елизаров А.Н.* К проблеме поиска основного интегрирующего фактора семьи // Вестник МГУ. Сер. 14, «Психология». № 1. 1996. С. 42–49.
70. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В.* Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 7–17.
71. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Холодная М.А.* Исследования интеллекта и творчества в Институте психологии РАН: научные школы Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, М.А. Холодной. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2015. С. 7–15.
72. *Журавлев А.Л., Холодная М.А.* Стиль научного творчества В.Н. Дружинина (К 60-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 109–113.
73. *Завалишина Д.Н.* Психологическая структура способностей // Развитие и диагностика способностей. М.: Наука, 1991. С. 22–32.
74. *Заостровская Е.А.* Основные подходы к обоснованию понятия «научная школа» / В кн. Библиотечное дело – 2015 Д: Документно-информационные коммуникации и библиотеки в пространстве культуры, образования, науки: Материалы двадцатой международной научной конференции (Москва, 22–23 апреля 2015 года). Ч 1. М.: МГИК, 2015. С. 100–104.
75. *Зверева Т.В.* Система психологических взглядов К.К. Платонова: диссертация... кандидата психологических наук: 19.00.01. Москва. 2012. 325 с.
76. *Зеленов Л.А.* Методологические проблемы исследования способностей // Диалектика потребностей и способностей человека в социалистическом обществе. Препринты докладов участников всесоюзного координационного совещания «Проблема человека в историческом материализме». Отдел актуальных проблем исторического материализма Института философии АН СССР, Философское общество СССР. Отв.редактор Ю.К. Плетников. М. 1985. С. 3–8.
77. *Зотова Т.В.* К вопросу об экологической валидности тестов познавательных способностей / Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 104–106.
78. *Карпов А.В.* Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. 504 с.
79. *Карпов А.В.* Владимир Николаевич Дружинин: штрихи к портрету // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы

- научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005а. С. 410–417.
80. *Карпов А.В.* Рефлексивность в структуре общих способностей // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005б. С. 40–44.
 81. *Кашипов М.М.* О Володе Дружинине // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 417–422.
 82. *Ковалев А.Г.* Психология личности. М., «Промсвещение», 1970. 391 с.
 83. *Кольцова В.А.* Опыт экспериментального изучения познавательной деятельности в условиях общения (на примере формирования понятий) // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977. С. 189–200.
 84. *Кольцова В.А.* Усвоение понятий в условиях общения // Проблемы общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 60–79.
 85. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 416 с.
 86. *Кольцова В.А.* Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. № 2. С. 5–18.
 87. *Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 512 с.
 88. *Кольцова В.А., Мартин Л.* Личностные детерминанты общения в условиях совместной познавательной деятельности // Психологические исследования общения. М.: Наука, 1985. С. 207–219.
 89. *Кольцова В.А., Мешалкина Н.Б.* Периодизация развития отечественной психогигиены // Актуальные проблемы истории психологии на рубеже тысячелетий / Сб. науч.тр. В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во «МГСА», 2002. С. 31–40.
 90. *Кольцова В.А., Журавлев А.Л.* К 40-летию ИП РАН и 85-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 4–6.
 91. *Кольцова В.А., Холодкович Е.Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 304 с.
 92. *Конюхов Н.И., Шаккум М.Л.* Акмеология и тестология. М.: Российский салон, 1996. 346 с.
 93. *Кремнева Л.Ф., Римашевская Н.В.* Современные взгляды на формирование материнского поведения // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2003. № 2. С. 76–84; 2004. №1. С. 89–96.
 94. *Криворученко В.К.* Научные школы – важнейший фактор развития современной науки. // http://www.mosgu.ru/nauchnaya/scientificschools/about/Krivoruchenko_factor/
 95. *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.
 96. *Ларионова Л.И.* Спасибо за встречу! // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 417–421.
 97. *Лейтес Н. С.* Умственные способности и возраст. М., 1971. 279 с.
 98. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 359 с.
 99. *Леонтьев А.Н.* О формировании способностей // Вопросы психологии. 1960. № 1. С. 13–21.
 100. *Логина Н.А.* Становление комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.01. 1991. 348 с.

101. *Логина Н.А.* Феномен ученичества: приобщение к научной школе. Психологический журнал. 2000. № 5. Т. 21. С. 106–111.
102. *Логина Н.А.* Психобиографический метод исследования и коррекции личности. – Алматы: Казак университети, 2001. 172 с.
103. *Ломов Б.Ф.* Изучение человека на основе системного подхода. // Человек в системе наук. М.: Наука. 1989. С 5–13.
104. *Мазилев В.А.* История психологии: необходим новый историко-методологический подход // Ярославский психологический вестник. Выпуск 5. М.-Ярославль, 2001. С. 8–13.
105. *Мазилев В.А.* Разработка методологических вопросов психологии в работах В.Н. Дружинина / Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 58–62.
106. *Мазилев В.А.* В.Н. Дружинин и разработка методологии психологического факта / Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2015. С. 137–140.
107. *Мейлах Б.С.* Биография как методологическая проблема. / Человек науки. Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во «Наука». 1974. С. 7–19.
108. *Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г.* Психология научного творчества и науковедение / Научное творчество. Под ред. Микулинского С.Р. и Ярошевского М.: Изд-во «Наука». 1969. С. 5–23.
109. *Мясищев В.Н.* Понятие личности и его значение для медицины // Методологические проблемы психоневрологии: Труды института. Т. XXXIX. Л., 1966. С. 25–55.
110. *Налимов В.В.* Наукометрия: Изучение науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969. 192 с.
111. *Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Дмитриева Н.С., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И.* Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т.36. № 4. С. 71–83.
112. *Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б.* Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 3. С. 498–518.
113. Наследие А.Р. Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте: к 110-летию со дня рождения А.Р. Лурии / Сост. Н.К. Корсакова, Ю.В. Микадзе. Москва: Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. 327 с.
114. *Носкова О.Г.* История психологии труда в России, 1917-1957 гг.: диссертация ... д-ра психологических наук: 19.00.01. Москва 1998. 492 с.
115. *Ожиганова Г.В.* Метод пролонгированной диагностики и формирования креативности у детей младшего школьного возраста: Научно-методическое пособие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 135 с.
116. *Олейник Ю.Н.* Периодизация истории психологии: проблемы и перспективы / Методология и история психологии. История психологии / Научный журнал. 2008. Т. 3. Выпуск 2. С. 25–32.
117. *Пейсахов Н.М.* Закономерности динамики психических явлений. Казань: Изд-во Казанского университета, 1984. 235 с.
118. *Петрова А.А.* Материнские представления об индивидуально-психологических особенностях ребенка как фактор детско-родительского эмоционального взаимодействия: Дис. ... канд.психол.наук. М., 2008. 225 с.
119. *Пилипенко Н.В.* Соотношение необходимости и случайности в научном творчестве / Научное открытие и его восприятие. Под ред. Микулинского С.Р., Ярошевского М.Г. М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 73–88.
120. *Пирьев Г.Д.* Классификация методов в психологии // Психодиагностика в социалистических странах. Братислава, 1985.
121. *Платонов К.К.* Проблемы способностей. М.: Изд-во «Наука». 1972. 312 с.

122. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высш.школа, 1981. 175 с.
123. *Пономарев Я.А.* Психологическое моделирование научного творчества. С. 309-341. / Научное творчество. Под ред. Микулинского С.Р. и Ярошевского М.Г. М.: «Наука». 1969. 448 с.
124. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. М.: Изд-во «Наука», 1976. 304 с.
125. *Пономарев А. Я.* Психология творчества // Тенденции развития психологической науки. М.: Наука, 1988. С. 21–25.
126. Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. Москва: Смысл, 2006. 389 с.
127. Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, Д.В. Ушаков, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 288 с.
128. Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, Д.В. Ушаков, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 368 с.
129. Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 477 с.
130. Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 243 с.
131. *Рогов И.А., Кайдаков С.В., Кроха Н.Г.* Человек в науке (О субъекте научной деятельности). М.: МГУПБ 2004. 138 с.
132. *Роговин М.С., Залевский Г.В.* Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск.: ТГУ, 1988. 288 с.
133. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 354 с.
134. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2012. 713 с.
135. *Рузавин Г.И.* Проблема методологии научного поиска // Вопросы философии. № 10. М., 1985. С. 40–48.
136. *Русалов В.М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 528 с.
137. *Славская А.Н.* Основы психологии С.Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2015. 344 с.
138. Современные исследования интеллекта и творчества / Под редакцией А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, М.А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 608 с.
139. *Суворова А.Н.* Научное открытие: проблемы классификации, типологии, концептуализации. Самара.: АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2005. 336 с.
140. *Суворова Г.А.* «Варианты жизни» в консультативной деятельности психолога / Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований.: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН», 2015. С. 199–202.
141. *Теплов Б.М.* Способности и одаренность. «Ученые записки ГНИИП». Т. 2, М., 1941.
142. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. 312 с.
143. *Теплов Б.М., Лейтес Н.С.* К проблеме индивидуально-психологических различий. – «Доклады на совещании по вопросам психологии личности». М., 1956. С. 3–47.

144. *Тесля С.Н.* Пространство города как осознаваемое продолжение тела: уроки творчества В.Н. Дружинина Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 205–207.
145. *Толочек В.А.* Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 2 (40). С. 155–161.
146. *Толочек В.А.* Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27–61.
147. *Толочек В.А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 320 с.
148. *Толочек В.А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М., 2015.
149. *Трушкина С.В.* Модели материнства у женщин с нормальным и нарушенным родительским поведением // Вопросы психологии. 2010. №5. С. 95–104.
150. *Умрихин В.В.* Историко-методологические проблемы анализа научных школ в психологии / Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Выпуск 4. С. 5–14.
151. *Ушаков Д.В.* Вступительное слово // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 43–44.
152. *Ушаков Д.В.* Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 464 с.
153. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства. М: Изд-во ин-та психотерапии, 2002. 238 с.
154. *Хайтун С.Д.* Наукометрия. Состояние и перспективы. М.: Наука. 1983. 344 с.
155. *Холодная М.А.* Основные направления изучения психологии способностей в Институте психологии РАН / Психологический журнал, 2002а. Т. 23. № 3. С. 13–22.
156. *Холодная М. А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002б. 272 с.
157. *Холодная М.А.* Другая жизнь / Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005а. С. 436–440.
158. *Холодная М.А.* Онтологическая теория интеллекта как основа изучения интеллектуальной компетентности / Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2005б. С. 67–72.
159. *Холодная М.А.* Перспективы исследований в области психологии способностей / Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 28–37.
160. *Холодная М.А.* Интеллект, креативность, обучаемость: ресурсный подход (о развитии идей В.Н. Дружинина) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 5–14.
161. *Хотинец В.Ю., Коробейникова Я.П.* Психологические механизмы продуктивного копинг-поведения в проблемных коммуникативных ситуациях // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 59–73.
162. *Черняк А.С.* О научном творчестве / А.С. Черняк. Иркутск.: Иркут. Гос. Ун-т, 2007. 273 с.
163. *Чуприкова Н.И.* Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М. : Языки славянской культуры, 2015. 608 с.
164. *Шадриков В.Д.* Способности, одаренности, талант // Развитие и диагностика способностей. Отв. Ред. В.Н. Дружинин, В.Д. Шадриков М.: Наука.1991. С. 7–22.
165. *Шадриков В.Д.* Между прошлым и будущим // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции,

- посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 422–425.
166. *Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. М., 2007.
 167. *Шмелев А.Г.* Памяти ученого // Дружинин В.Н. Антимемуары: сборник статей, интервью, стихов. Т. 1. Ярославль: Изд-во «Потребительское Общество “Еще не поздно!”», 2011. С. 3–6.
 168. *Шулындин Б.П.* О стратегии развития России в начале XXI века // Пути развития общества в эпоху перемен: Материалы II-ой региональной научной конференции. Н. Новгород: Изд-во НКИ, 2001. С. 7–17.
 169. *Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2003. 332 с.
 170. *Юревич А.В.* Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 39–47.
 171. *Ярошевский А.Г.* Проблемы научного творчества в современной психологии. М.: Изд-во «Наука», 1971. 336 с.
 172. *Ярошевский М.Г.* Биография ученого как науковедческая проблема / Человек науки. Под ред. М.Г. Ярошевского. Изд-во «Наука», М. 1974. С. 19–58.
 173. *Ярошевский М.Г.* Логика развития науки и научная школа / Школы в науке. Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера, М. «Наука», 1977. С. 7–97.
 174. *Ярошевский М.Г.* Оппонентный круг и научное открытие / Вопросы философии. 1983. № 10. С. 49–61.
 175. *Alan C. Elms.* Uncovering Lives: The Uneasy Alliance of Biography and Psychology. 1994.
 176. *Anderson J.W.* Resent psychoanalytic theorists and their relevance to psychobiography: Winnicott, Kernberg and Kohut / In J. Winer, J. Anderson (Eds.), The annual of psychoanalysis. Vol. 31: Psychoanalysis and history. Hillsdale, N.J.: Analytic Press. 2003. P. 79–94.
 177. *Baldwin J.M.* The Mental Development of the Child and the Rase. 3rd ed. New York: Macmillan & Co.
 178. *Cattell R.B.* Abilities: Their structure, growth and action // Boston: Houghton Mifflin company, 1971.
 179. *Druzhinin V.N.* Studies of intellect in USSR and Russia. European Journal of Psychological Assessment. 1994. Т. 10. № 2. С. 170–176.
 180. *Eysenck H.J.* Speed of information processing, reaction time and the theory of intelligence // Speed of Information Processing and Intelligence / Ed. P.A. Vernon. NJ: Ablex Norwood, 1986.
 181. *Fiedler F.E.* Stress, Babble, and the Utilization of the Leader’s Intellectual Abilities. Leadership Quarterly 4 (2). 1993. P. 189–208.
 182. *Freud S.* Leonardo da Vinci and a memory of his childhood. In J. Strachey (Ed.and Trans), The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. London: Hogarth Press. 1957. Vol. XI. P. 63–137.
 183. *Gardner H.* Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences. NY: Basic Books, 1983.
 184. *Guilford J.P.* The nature of human intelligence. – N.Y.:MC. Graw Hill, 1967. – 538 p.
 185. Handbook of psychobiography. Edited by W.T. Schults. Oxford University Press. 2005.
 186. *Kyllonen P., Christal R.* Reasoning ability is (little more than) working memory / Intelligence. 1990. 14 P. 389–433.
 187. *McAdams D. & Ochberg R.* (Eds.) Psychobiography and life narratives. Durham, NC: Duke University Press. [Special issue]. 1988. *Journal of Personality*, 56(1).
 188. *Pasqual-Leone J.* Organismic processes for neo-Piagetian theories: a dialectical causal account of cognitive development // International Journal of Psychology. 1987. 22. P. 25–64.
 189. *Vernon P.E.* The structure of human abilities. NY: Wiley, 1960.

190. *Raven J.* The Raven's progressive matrices: change and stability over culture and time // *Cognitive Psychology*. 2000. T. 41, № 1. P. 1–48.
191. *Roe A.* The making of a scientist. N.Y., 1953.
192. *Runyan W.M.* Life histories and psychobiography: Explorations in theory and method. New York: Oxford University Press. 1982.
193. *Runyan W.M.* Why did Van Gogh cut off his ear? The problem of alternative explanations in psychobiography. *Journal of Personality and Social Psychology*, 40. 1981. P. 1070–1077.
194. *Schulz W.T.* Introducing Psychobiography / *Handbook of psychobiography*. Edited by W.T. Schulz. Oxford University Press. 2005. P. 3–18.
195. *Sternberg R.* General intellectual ability // *Human abilities* by R. Sternberg, 1985. –P. 5-31.
196. *Terman L.M., Merrill M.* The Measurement of Intelligence. Boston: Houghton Mifflin, 1937. 461 p.
197. *Torrance E.P.* The nature of creativity as manifest in its testing // In: R.J. Sternberg. The nature of creativity. N. Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 43–75.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ В.Н. ДРУЖИНИНА (ПО ГОДАМ ИЗДАНИЯ)

1. Дружинин В.Н., Шадриков В.Д. Формирование подсистемы профессионально-важных качеств в процессе профессионализации // Проблемы индустриальной психологии. Межвузовый тематический сборник. Под ред. В. Д. Шадрикова. Ярославль. ЯрГУ. 1979. С. 3-18.
2. Дружинин В.Н. Социально-психологический подход к решению объективного исследования субъекта в психологическом эксперименте // Философско-методологические аспекты гуманитарных наук. Тезисы выступлений к семинару "Философско-методологические проблемы научного познания". Часть 3. (Москва, 23-27 сентября 1981 года). М. Институт философии АН СССР. 1981. С. 58-59.
3. Дружинин В.Н. О методике исследования изменения мотивации в процессе профессиональной подготовки // Психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов. Тезисы докладов научно-практической конференции. Под ред. О. И. Зотовой и др. Курган. 1981. С. 248-252.
4. Дружинин В.Н. Роль потребностей в ряду детерминант, определяющих поведение личности // В кн. Социальные потребности: проблемы формирования и развития. М. Институт философии АН СССР. 1982. С. 82-90.
5. Дружинин В.Н., Ковалев О.И. Мотивационная сфера личности и ее динамика в процессе профессиональной подготовки // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 6. С. 35-44.
6. Дружинин В.Н. Особенности перестройки мотивационной подсистемы личности в процессе профессиональной подготовки // Проблемы индустриальной психологии. Межвузовский тематический сборник. Ярославль. Изд-во ЯрГУ. 1981. С. 55-60.
7. Дружинин В.Н., Дрынков А.В. Моделирование в психологическом исследовании // Психологические проблемы индивидуальности. Тезисы научных сообщений молодых ученых к семинару-совещанию. (Москва, 20-22 апреля 1983 года) Выпуск 1. М. Общество психологов СССР. 1983. С. 3-4.
8. Дружинин В.Н. Изменение мотивации в процессе профессиональной подготовки // Личность в системе общественных отношений. Ч 2. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М. 1983. С. 113-114.
9. Дружинин В.Н., Дрынков А.В. Роль априорных моделей в психологическом исследовании // Психологическая наука и общественная практика. Часть 2. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. - М.: Изд-во "Наука". 1983. С. 278-282.
10. Дружинин В.Н. Идентификация личностью своих мотивов с мотивами других при выборе профессии // Психологическая наука и общественная практика. Часть 1. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. - М.: Изд-во "Наука". 1983. С. 112-114.
11. Гостев А. А., Дружинин В. Н., Дрынков А. В. Проблемы психологии образа. // Психологический журнал. Том 5. № 2. 1984. С. 124-132.

12. Дружинин В.Н. Диагностика мотивации при профессиональном отборе // Проблемы инженерной психологии. Тезисы VI Всесоюзной конференции по инженерной психологии. Ленинград, 9-11 октября 1984 года. Выпуск 3. Часть 1. Специальные проблемы инженерной психологии. Ленинград. 1984. С. 168-169.
13. Дружинин В. Н. Логико-системный подход к внешнему описанию поведения // Математическая психология: методология, теория, модели. М.: Наука, 1985. С. 74-86.
14. Дружинин В.Н. Мотивация преступлений против жизни и здоровья граждан, совершенных по месту жительства // Психолого-педагогические проблемы мотивации учебной и трудовой деятельности. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Новосибирск. 1985. С. 284-285.
15. Дружинин В. Н. Исследование мотивации абитуриентов вуза // Психолого-педагогические проблемы мотивации учебной и трудовой деятельности. Новосибирск. 1985. С.82-83.
16. Дружинин В. Н. Третья Всесоюзная школа-семинар молодых психологов. Психологическая наука и общественная практика. // Психологический журнал. Том 6. № 5. 1985. С. 136-137.
17. Дружинин В.Н. Актуальные проблемы интеграции знания о социальных потребностях. // Социальные потребности как детерминанты человеческой деятельности. М. Институт философии АН СССР. 1985. С. 9-10,17.
18. Дружинин В. Н. Закон возвышения потребностей: проблемы его изучения и особенности проявления в современных условиях. // Социальные потребности как детерминанты человеческой деятельности. М. Институт философии АН СССР. 1985. С. 44.
19. Дружинин В. Н. Проблемы диалектики потребностей и способностей человека // Социальные потребности как детерминанты человеческой деятельности. М. Институт философии АН СССР. 1985. С. 69-72.
20. Проблема измерения потребностей как элемента мотивационной сферы личности. В. Н. Дружинин // Личностные аспекты формирования социальных потребностей. М. Институт философии АН СССР. 1985. С. 55-59.
21. Дружинин В.Н. Отношение значимости и актуальности личных целей // Психологические проблемы индивидуальности. Л.: ЛГУ 1985. С. 113-116.
22. Дружинин В.Н. Измерительная мощность шкал, применяемых в методиках диагностики личности // Измерение психических характеристик человека-оператора. Научно-тематический сборник. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 1986. 184 с. С. 66-69.
23. Дружинин В.Н. Вероятностная модель теста и измерение личностных свойств // Диагностика познавательных способностей: Межвузовый сборник научных трудов. - Ярославль.: ЯрГПИ им. К. Д. Ушинского. 1986. С. 39-48.
24. Дружинин В.Н. Конструирование теста и предварительная оценка его достоверности // Профессиональная ориентация школьников: Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. - Ярославль. ЯрГПИ им. К. Д. Ушинского. 1986. С. 20-22.
25. Дружинин В.Н., Савченко Т.Н. Методы психологического исследования. V конференция молодых ученых Института психологии АН СССР // Психологический журнал. 1986. Том 7. № 2. С. 155-157.

26. Дружинин В. Н. Применение обобщенных моделей теста при измерении психических свойств. // Труды Гос. НИИГА. М. 1986. Вып. 253. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. С. 76-82.

27. Дружинин В. Н. Об одном методе психологического анализа отношений значимости и актуальности личных целей абитуриентов // Проблемы психологического анализа трудовой деятельности: Сб. науч. тр. / Яросл. гос. ун-т. - Ярославль. 1986. С. 148-154.

28. Дружинин В. Н. Измерение социальной желательности ответа и мотивации социального одобрения // Актуальные проблемы социальной психологии. Тезисы научных сообщений Всесоюзного симпозиума по социальной психологии. Часть IV. Кострома. 1986. С. 16-17.

29. Дружинин В. Н. Психологический эксперимент: Проблема нормативной модели // Методы психологического исследования: Проблемы и поиски путей реализации / Сб. научных трудов. Под ред. В.А. Барабанщикова, В.Н. Дружинина и др. М.: Институт психологии АН СССР. 1986. С. 23-32.

30. Дружинин В. Н. О вероятностном подходе к определению достоверности измерения свойств личности // Психолого-педагогическое обеспечение учебного процесса. Научные сообщения к межвузовской конференции. Под ред. В. Н. Дружинина и др. Л. М.: Общество психологов АН СССР, ЛГУ. 1987. С. 349-357.

31. Дружинин В. Н., Черняева В. В. Модель измерения психологических свойств, основанная на анализе структуры ответов // Формализация экстремальных принципов операторской деятельности в задачах проектирования систем ЛА: Тематический сборник научных трудов. - М.: МАИ, 1987. С. 63-68.

32. Дружинин В. Н., Ярзуткин С.В. Измерение мотивации социального одобрения // Психологические проблемы рационализации трудовой деятельности. Сборник научных трудов. Ярославль. ЯрГУ. 1987. С. 99-104.

33. Дружинин В. Н., Степанов Б.В. К практической диагностике учебных способностей школьников // Психологическая наука и общественная практика. Тезисы докладов IV Всесоюзной школы-семинара молодых психологов. – М. Институт психологии АН СССР. 1987. С. 162-164.

34. Дружинин В. Н. Задачи перестройки и актуальные проблемы психологии. Психологический журнал. 1987. № 4. С. 3-9.

35. Дружинин В. Н. Проблемы общей психологии в публикациях за 1985-1986 гг. // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 5. С. 156-163.

36. Дружинин В. Н., Ярзуткин С.В. Мотивация социального одобрения и ее измерение // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. Тематический сборник научных работ. М. Институт психологии АН СССР. 1988. С. 84-87.

37. Дружинин В. Н., Кочетков В. В. Регулятивный стиль принятия решения и его измерение // Мышление и общение: активное взаимодействие с миром. Сборник научных трудов. Ярославль. ЯрГУ. 1988. С. 66-70.

38. Дружинин В.Н., Ярзуткин С. В. Влияние экспериментальной ситуации на результат измерения интеллектуальных способностей и личностных свойств // В кн: Диагностика профессиональных и познавательных способностей. Сб. науч. Тр. Под ред. В. Д. Шадрикова, В. Н. Дружинина. - М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С. 45-59.

39. Дружинин В. Н. Комплексное изучение человека // *Общественные науки*. М. 1988. № 5. С. 84-95.
40. Дружинин В. Н. Экологическая валидность тестов познавательных способностей // *Научные основы прикладной психологии. Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР*. М. 1988. С. 52-53.
41. Дружинин В. Н. Диагностика познавательных способностей в различных экспериментальных ситуациях // *Эмоциональная регуляция учебной деятельности*. М. Общество психологов СССР. 1988. С. 57-60.
42. Дружинин В. Н. Развитие профессиональных способностей в деятельности // *Деятельность: философский, психологические аспекты*. Симферополь. 1988. С. 181-182.
43. Дружинин В. Н., Шадриков В.Д. Системный подход к измерению способностей // *Диагностика профессиональных и познавательных способностей*. Сб. науч. тр. Под ред. В. Д. Шадрикова, В. Н. Дружинина. - М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С. 5-27.
44. Дружинин В. Н. Служба социального развития предприятия. Практическое пособие. Герчиков В. И., Кравченко А. И., Крылова Н. В. и др. М. 1989. С. 145-154.
45. Дружинин В. Н. Профорентация, профконсультация, профотбор // *Служба социального развития предприятия. Практическое пособие*. М. 1989. С. 145-154.
46. Дружинин В. Н. Психологические измерения. Два портрета. // *В мире книг*. 1989. Номер 3. С. 71-73.
47. Дружинин В. Н. Ситуационный подход к диагностике познавательных способностей в учебной деятельности / *Диагностика способностей и личностных черт учащихся в учебной деятельности*. Под ред. В. Д. Шадрикова. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 60-77.
48. Дружинин В. Н., Миронов Е.А. Психодиагностика: личность и ситуация // В кн: *Диагностика способностей и личностных черт учащихся в учебной деятельности* / Под ред. В. Д. Шадрикова. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1989. С. 6-14.
49. Дружинин В. Н. О перестройке в психологии: причины застоя и средства ускорения // *Психологический журнал*. 1989. Т. 10. №1, С. 3-9
50. Дружинин В. Н., Воронин А.Н. Способы дифференциации учеников в целях индивидуализации обучения // *Способности и деятельность. Межвузовый сборник научных трудов*. Ярославль. ЯГПИ им. К. Д. Ушинского. 1989. С. 140-147.
51. Дружинин В.Н. Теоретические основы диагностики познавательных способностей: автореферат дис.доктора психологических наук: 19.00.01; 10.00.07 / АН СССР. Ин-т психологии. - М.1989. - 46 с.
52. Дружинин В. Н. Психологическая диагностика способностей: теоретические основы. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. Ч. 1. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1990. - 137 с.
53. Дружинин В. Н. Психологическая диагностика способностей: теоретические основы. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. Ч. 2. С. 139-292.
54. Дружинин В. Н. Человек в развитии. // *Наука - о человеке. Сборник научных трудов*. Под ред. Ломова Б. Ф., Дружинина В. Н. и др. М.: ИП РАН. 1990. С. 28-43.
55. Дружинин В. Н. Комментарий к тексту статьи. // *Психологический журнал*. Том 12. № 1. 1991. С. 140-142.
56. Дружинин В.Н. Ситуационный подход к психологической диагностике способностей // *Психологический журнал*. 1991. Т. 12. №2. С. 94-105.

57. Дружинин В. Н. Теоретические основы диагностики познавательных способностей: автореферат дис.доктора психологических наук: 19.00.01; 10.00.07 / АН СССР. Ин-т психологии. - М.1991. - 37 с.
58. Дружинин В. Н., Воронин А.Н. Психологический анализ учебной деятельности: исследование значимости учебных предметов и принятия учебных целей. Сб. ИП РАН. 1991. С. 126-137.
59. Дружинин В.Н. Взаимоотношение репродуктивных и творческих способностей. В сборнике: Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала. М. 1991. С. 131-142.
60. Дружинин В. Н., Самсонова Е. Ю. Психосемантическое исследование репрезентации общих умственных способностей / В кн. Развитие идей Б. Ф. Ломова в исследованиях по психологии труда и инженерной психологии. (Материалы 1 научных Ломовских чтений) - М.: Институт психологии РАН. 1992. С. 100-118.
61. Дружинин В. Н. Структура и логика психологического исследования. М.: ИПАН, 1993. - 120 с.
62. Дружинин В.Н., Гребенюк Г.А., Самсоновой Е.Ю. Исследование психосемантической репрезентации общих умственных способностей // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 3. С. 47-55.
63. Дружинин В.Н. Психологическое исследование образов // Психологический журнал. Том 14. № 5. 1993. С. 142-143.
64. Дружинин В.Н. Субъектный подход при проведении психологического экспериментального исследования // Психология суб'єктної щ особистості / Под ред. О. В Киричука. Київ, 1993. С. 134-136.
65. Дружинин В.Н. Он истинный поэт. // Литературная газета. 14. VII. 93. Номер 28 (5456)
66. Дружинин В.Н. Диагностика математических способностей. В сборнике: Методы психологической диагностики. Под редакцией В.Н. Дружинина, Т.В. Галкиной. М., 1993. С. 32-51.
67. Дружинин В.Н. Новые хозяева вишневого сада: Личностные особенности бизнесменов // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 3. С. 213-216.
68. Дружинин В.Н., Хазратова Н.В. Экспериментальное исследование формирующего влияния микросреды на креативность. // Психологический журнал. Т.15. № 4. 1994. С. 83-93.
69. Дружинин В.Н. Способности и жизнедеятельность // В кн. Индивидуальность и способности. Сб. науч. трудов. М.: ИПАН, 1994. С. 71-81.
70. Дружинин В.Н. Этюды в бело-сине-красных тонах (под псевдонимом В. Н. Борисов) // Психологический журнал. Том 15. № 2. 1994. С. 171-175.
71. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования - 2-е изд., испр. - М.: ИПРАН, 1994. - 163 с.
72. Дружинин В.Н., Зотова Т.В., Шадриков В.Д. Тест мнемических способностей школьников на материале учебной деятельности // Методы психологической диагностики. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 1994. С. 109-143.
73. Дружинин В.Н. Психология и психодиагностика общих способностей. М. ИПАН. 1995. – 336 с.
74. Druzhinin V.N. Studies of intellect in USSR and Russia. European Journal of Psychological Assessment. 1994. Т. 10. № 2. С. 170-176.

75. Дружинин В. Н. Личность и гороскоп. // Психологический журнал. Том 16. № 3. 1995. С. 44-52.
76. Дружинин В.Н. Диагностика общих познавательных способностей // Журнал: Школа здоровья. М. 1995. № 4. Том 2. С. 101-108.
77. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М. Изд-во «Лантерна», «Вита». 1995. – 152с.
78. Дружинин В.Н. Универсальные культурные коды в психодиагностике интеллекта // Логика, методология, философия науки: XI Междунар. конф. Секция: 10. Основания гуманитарных наук. Часть 3-4. - М.; Обнинск, 1995. С. 157-160.
79. Дружинин В.Н. Жена должна не пилить, а вдохновлять:"Милый, ты можешь". // Деловой мир, 2 декабря 1995, С. 5.
80. Дружинин В.Н. Судьба интеллекта в России // Российская Федерация сегодня. 1995. № 6. С. 58.
81. Дружинин В.Н., Самсонова Е.Ю. Экспериментальное исследование представлений старшеклассников о способностях // Труды Института психологии РАН. М. 1995. С. 48-56.
82. Дружинин В.Н., Воронин А.Н. Личностные характеристики руководителей на предприятиях с различной социальной организацией // Труды Института психологии РАН. М. 1995. С. 104-119.
83. Дружинин В.Н., Барсукова А.Б., Воронин А.Н. Образ типичного предпринимателя мелких и средних коммерческих структур и его психологические особенности // В кн. Психология предпринимательской деятельности. М. 1995. С. 129-141.
84. Дружинин В.Н., Воробьева Е.В. Выявление рассогласования между общими познавательными способностями и мотивацией достижения / В сб. Теоретические и прикладные вопросы экспериментально-психологических исследований. Психологический межвузовский вестник. М. 1996. С. 120-127.
85. Женская карьера и женская судьба // Управление персоналом. М. АДЗТ «Бизнес-Школа «Интел-Синтез»» 1996. № 11. С. 48-52.
86. Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей – М.: Изд. центр «Академия», 1996. – 224 с.
87. Дружинин В.Н. Диагностика общих познавательных способностей. // Сб. ст. Психология одаренности: проблемы, структура, показатели. Редколлегия: М.А. Холодная, О.А. Комаровская, Р.А. Семенова, А.Г. Виноградов, С.И. Науменко. Киев. 1996. С. 5-11.
88. Дружинин В. Н., Савченко И. А. Анекдот как зеркало русской семьи. // Психологическое обозрение. № 1(2). Под ред. В. Н. Дружинина. М. 1996. С. 18-21.
89. Дружинин В.Н. Психология семьи. – М.: «КСП», 1996 - 160 с.
90. Дружинин В.Н. Диагностика общих познавательных способностей // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. Материалы всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук 1994 г. Т. 1., М., 1996. С. 221-226.
91. Дружинин В.Н. Задачи школьной психодиагностики // Основы психодиагностики. Под ред. А.Г. Шмелева. М.: Феникс. С. 197-210.
92. Дружинин В.Н. Проблема одаренности и структура способностей // Основы психодиагностики. Под ред. А.Г. Шмелева. М.: Феникс. С. 258-280.
93. Дружинин В.Н. Стиль управления в трехмерной оценке // Экономика и жизнь. № 27. 1996. С.15.

94. Дружинин В.Н. Умна, практична и точна // Экономика и жизнь. № 10. Март 1996. С. 48.
95. Дружинин В.Н. Этот обманчивый "эффект фасада" // Экономика и жизнь. № 14. 1996. С. 31.
96. Дружинин В.Н. Не бойтесь начинать карьеру с нуля. // Экономика и жизнь. № 23. 1996. С. 7.
97. Дружинин В.Н. Умом Россию не пронять. // Поиск. 23-29 ноября 1996. С. 15.
98. Дружинин В.Н., Воробьева Е.В. Воздействие общения экспериментатора с испытуемым на проявление психометрического интеллекта у подростков – монозиготных близнецов // Психологический журнал. 1997, Т. 18. №1. С. 70-80.
99. Дружинин В.Н. Психология интеллекта // Вестник Российской Академии Наук. Том 67. № 9. Ред. Н.А. Платэ. МАИК «Наука» М. Изд-во Наука. Сентябрь 1997. С. 804-808.
100. Дружинин В.Н. Интеллект: структура, развитие, диагностика. // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. Т 9. Тверь. 1997. С 64-74.
101. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учеб. пособие / Рос. акад. наук, Ин-т психологии, Респ. центр гуманитар. образования. - М.: Изд. дом "ИНФРА-М", 1997. – 254 с.
102. Дружинин В. Н. Структура психометрического интеллекта и прогноз индивидуальных достижений // В кн. Основные современные концепции творчества и одаренности. Под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 161-185.
103. Дружинин В.Н. Женская карьера и женская судьба. // Мы и мир. № 4. Май 1997. С. 3.
104. Druzhinin V.N. Diagnostics of general cognitive abilities / The Humanities in Russia: Soros Laureates. Moscow, 1997. P. 41-47.
105. Дружинин В.Н. Психология общих способностей: развитие и диагностика в общении / Труды Института психологии РАН. М., 1997. С. 49-57.
106. Дружинин В.Н. Интеллект и продуктивность деятельности: модель интеллектуального диапазона // Психологический журнал. Т. 19. № 2. 1998. С. 61-70.
107. Дружинин В.Н. Вопросы "на засыпку" // В мире книг. № 12. 1998. С.16-17.
108. Дружинин В.Н. Развитие и диагностика интеллектуальных способностей в общении // Прикладная психология. №3. 1998. С. 25-32.
109. Дружинин В.Н., Александров Ю.И. Теория функциональных систем в психологии // Психологический журнал. Том 19. № 6. 1998. Стр. 4-19.
110. Дружинин В.Н. Эти трудные... одаренные дети // Помоги себе сам. № 9 (49), сентябрь 1998. С. 8.
111. Дружинин В.Н. Горю или сгораю // Школьный психолог, 7-8 февраля 1998. С. 12.
112. Дружинин В.Н. Мы не глупее американцев, мы глупее сами по себе. // Педагогический калейдоскоп. № 2-3. 8-13 января 1998. С.17.
113. Дружинин В.Н. Мы не глупее американцев, хотя умнее от этого не становимся // Время. № 20. 3 июля 1998. С. 20.
114. Дружинин В.Н. Мы - островок тоталитаризма. // Мы и мир. № 8 (19), апрель 1998. С. 1.
115. Дружинин В.Н. Психология его потеряла. // Психологическая газета. № 10/37, октябрь 1998. С. 6.

116. Богоявленская Д.Б., Брушлинский А.В., Бабаева Ю.Д., Дружинин В.Н., Ильясов И.И., Матюшкин А.М., Панов В.И., Калиш И.В., Холодная М.А., Шумакова Н.Б., Юркевич В.С., Лейтес Н.С. Рабочая концепция одаренности. М. Логос. 1998. - 68 с.
117. Дружинин В.Н. Индивид и толпа в объективе «солнечного микроскопа психологии» / Преступная толпа. – М.: ИП РАН, Изд-во «КСП+». С. 5-13.
118. Дружинин В.Н. Лебон и Тард: два взгляда на развитие общества / Психология толпы. – М.: ИП РАН, Изд-во «КСП+». С. 9-15.
119. Дружинин В.Н. О психорегулятивной проблеме / Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. К 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна: Тезисы докладов к международной научно-практической конференции. 1999. С. 60-61.
120. Дружинин В.Н. Метафорические модели интеллекта // Психологический журнал. Т. 20. №6. 1999. С. 44-52.
121. Дружинин В.Н. Психология общих способностей – 2.изд. - СПб.и др. : Питер, 1999. – 356 с.
122. Дружинин В.Н. Структура психометрического интеллекта и прогноз индивидуальных достижений / В кн. Интеллект и творчество. Сб.науч.тр. Под ред. Воронин А.Н. – М. : «ИП РАН», 1999. С. 5-30.
123. Дружинин В.Н. Психология как научная дисциплина / Современная психология: Справочное руководство. Под ред. В. Н. Дружинина - М.: ИНФРА-М, 1999. С. 7-18.
124. Дружинин В.Н. Под влиянием семьи // Школьный психолог. № 24. Июнь 1999. С. 14.
125. Дружинин В.Н. Социализация. Стоячая волна интеллекта // Школьный психолог. № 44. Ноябрь 1999. С. 10-11.
126. Дружинин В.Н. Семья на холсте и бумаге // Школьный психолог. № 28. Июль 1999. С. 8-9.
127. Дружинин В.Н. Что у них за душой? // Поиск. № 40 (542), 8 октября 1999. С.14.
128. Дружинин В.Н. Нормальный человек просто так убить не может // Комсомольская правда. № 85. (22064), 13 мая 1999. С.11.
129. Дружинин В.Н. На нас пошли в психическую атаку // Комсомольская правда. № 172. 17. 09. 1999. С. 5.
130. Дружинин В.Н. Я остаюсь оптимистом // Психологическая газета. № 23/24. Декабрь 1999. С.2.
131. Дружинин В.Н. Умными рождаются, талантливыми становятся // Обруч. № 3. 1999. М. ООО «Линка-Пресс». С. 3-5.
132. Дружинин В.Н. Психология интеллекта // Психологическая газета. 1999. № 1/40 январь. СПб «Иматон». 1999. С. 11-13.
133. Дружинин В.Н. «Психология жизни» в России // Личность и общество: актуальные проблемы современной психологии. (Материалы Всероссийского симпозиума). / Сост. Т. Л. Крюкова, В. А. Соловьева, А. Л. Уманский. - Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова. 2000. С. 12-16.
134. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. 2-е изд., С-Пб.: Питер. – 368 с.
135. Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: Рет Се. – 135 с.
136. Дружинин В.Н. Размышление о психологических справочниках и развитии психологии в России // Психологическая газета. № 6/57. 2000. С. 8-10.

137. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности "Психология" - 2. изд., доп. – СПб. и др.: Изд-во «Питер», 2000. - 318 с.

138. Дружинин В.Н., Горюнова Н.Б. Операциональные дескрипторы ресурсной модели общего интеллекта // Психологический журнал. 2000. Т.21. № 4. С. 57-64.

139. Дружинин В.Н. Природа одаренности. Методы выявления одаренных детей // Сб. Психология одаренности: от теории к практике / Под ред. Д.В. Ушакова – М.: ИП РАН, 2000. С.13-42.

140. Дружинин В.Н. Психология состояний. Предисловие / Психологические состояния. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. С. 7-9.

141. Дружинин В.Н. Психология семьи. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 3-е изд., испр. и доп. – 199 с.

142. Дружинин В.Н. Онтология психической реальности // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского и др. М.: Изд-во «Академический проект». С. 64-75.

143. Дружинин В.Н. Талант - единственная новость, которая всегда нова // "Круг жизни" № 5. 10 марта 2000. С.4.

144. Дружинин В.Н. Деятельность, подражание, творчество // Антология современной психологии конца 20 века (по материалам конференции «Психология созидания»). Казань. 2001. С.246-250.

145. Дружинин В.Н. Развитие и диагностика интеллектуальных способностей в общении // Антология современной психологии конца 20 века (По материалам конференции «Психология созидания») Казань. 2001. С. 307-315.

146. Дружинин В.Н. Структура психики / Психология : Учеб. для гуманитар. вузов / Под общ. ред. В. Н. Дружинина. - СПб. и др.: Питер, 2001. С. 86-103.

147. Дружинин В.Н. Психология о современной семье: результаты исследований. В. Н. Дружинин. // Семейная психология и семейная психотерапия. Ежеквартальный научно-практический журнал. № 3. 2001. М. Стр. 3-18.

148. Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. – М.: ПЕР-СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001. - 224с.

149. Дружинин В.Н., Горюнова Н.Б. Операциональные дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых задач и задач-головоломок // Психологический журнал. Т.22. №4. 2000. С. 21-29.

150. Дружинин В.Н., Горюнова Н.Б. Зависимость процесса решения тестовых задач и задач-головоломок («малых творческих задач») от параметров когнитивного ресурса / Интеллект и креативность в ситуациях межличностного взаимодействия: Сб. науч. Тр. – М.: «ИП РАН», 2001. С. 163-185.

151. Дружинин В.Н. Разговор с эхом: (сборник стихов) - СПб: ИМАТОН-М, 2001. - 63 с.

152. Дружинин В.Н. Теоретические основания когнитивной психологии // Когнитивная психология : Учеб. для студентов вузов. Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. - М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 5-25.

153. Дружинин В.Н. Голографическая модель психической реальности. // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований (Материалы научной

конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19-20 сентября 2005г.) М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С.458-467.

154. Дружинин В.Н. Законы отражения: (сборник стихотворений) - 2-е изд. - М.: Современный Гуманитарный ун-т, 2005. - 127 с.

155. Дружинин В.Н., Никитин А.В., Спасенников В.В. Конструирование тестов. – Брянск.: «Ладомир», 2002. – 181 с.

156. Дружинин В.Н. Самоактуализация, память, интеллект, ответственность, тест. Одаренность, талант, гениальность. // Новая школьная энциклопедия. Человек. – М.: ООО «Мир книги», 2005. С. 498-499, С. 520-521, С. 578-579, С. 630-631, С. 634-637, С. 666-667.

АНКЕТА ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ О В.Н. ДРУЖИНИНЕ

1. Какие публикации В.Н. Дружинина Вам известны?
2. Какова ваша оценка его научного наследия?
3. Назовите наиболее значимую для Вас работу В.Н. Дружинина?
4. Приходилось ли Вам лично общаться с ним?
5. Какую роль В.Н. Дружинин сыграл в Вашей биографии?
6. В каком из разрабатываемых В.Н. Дружининым направлений им получен наиболее значимый для науки результат?
7. В чем практическое значение разработанных им исследований?
8. Известны ли Вам его хобби, интересы, особенности семейного воспитания?
9. Какие факторы среды и окружения, по вашему мнению, влияли на формирование личности В.Н. Дружинина и его творческие способности?
10. Как вы считаете, каковы причины выбора профессии В.Н. Дружининым?
11. Какие внешние факторы влияли на развитие его научной карьеры?
12. Что вас привлекало в В.Н. Дружинине как в человеке?
13. Как Вы считаете, какие характерологические особенности, способствовали научному успеху В.Н. Дружинина?
14. Можете ли Вы охарактеризовать стиль его научной деятельности?
15. Были ли какие-либо трудности в научной деятельности В.Н. Дружинина (если да, то какие), (каковы были у него условия труда)?
16. Что Вам известно об отношениях В.Н. Дружинина с коллегами, психологическом климате в научном коллективе, в котором он работал и которым он руководил?
17. Какие особенности личности В.Н. Дружинина как лидера, руководителя вы можете назвать?
18. К какой научной школе относится В. Н. Дружинин?
19. Является ли он создателем собственной научной школы?
20. Каких основных представителей школы В.Н. Д. вы можете назвать?
21. Видите ли вы возможности дальнейшего развития и продуктивного использования его идей и концепций?
22. Можете ли вы назвать радикально новые научные идеи В. Н. Дружинина?

СТЕННОГРАММЫ ИНТЕРВЬЮ О В.Н. ДРУЖИНИНЕ**С Б**

1. Весь список трудов; они известны мне все, включая аннотированные отчеты по хоздоговорам.

2. Разнообразная у меня оценка...

3. "Психология общих способностей", "Экспериментальная психология".

4. Неоднократно.

5. Он меня уволил из одной лаборатории и перевел к себе в лабораторию.

6. Психология способностей, безусловно.

7. Педагогическая психология, то есть психология сопровождения образовательного процесса. Теория психологического измерения в педагогической практике, психологическое сопровождение педагогического процесса.

8. Мама – учительница. Дружинин – ленинский стипендиат, который совмещал получение ленинской стипендии с участием в церковном хоре, будучи комсомольцем, что не одобрялось существовавшим режимом. Хобби? Хобби у него была работа. Я бы так сказал, потому, что он был и до 8-ми, и до 9-ти часов в институте – это явный показатель того, что работа была его хобби.

9. Я думаю, что факторы систематической среды, т.е. семья, школа, ВУЗ, церковный хор...

10. Что-то он даже рассказывал, я не помню. У вас есть книжка "Антимемуары", там написано. Очень трудно, не знаю, не помню...

11. Владимир Дмитриевич Шадриков как внешний фактор сыграл решающую роль в научной карьере В. Дружинина.

12. Искренность, идущая рука об руку с непосредственностью, доброжелательность и открытость, в том числе полное отсутствие толерантности.

13. Трудолюбие и настойчивость.

14. Стили научной деятельности я не знаю.

15. Нет, не было.

16. Климат благожелательный, теплый, переходящий в душевный.

17. Вот стили управления я могу охарактеризовать с его слов... Даже не помню, то ли он согласился, то ли сам сказал – авторитарно-попустительский его стиль руководства.

18. А какие есть школы? Например, он руководил работами по поддержанию научной школы Владимира Дмитриевича Шадрикова, если это школа, то он к ним безусловно относился. А так по подходам - эклектик, по городам - эклектик. Универсал! К универсальной психологической научной школе.

19. Не успел. Наверное, лет пяти не хватило. Безусловно, была бы школа. Лаборатория его имя получила не просто так, Действительно, это был работоспособный коллектив. Да!

21. Безусловно! Но об этом лучше спросить прямых его учеников. Наталью Борисовну Горюнову.

22. Ну, например, экологическая валидность теста. Это очень многогранное понятие, куда входит и модели ситуации тестирования, которую он разрабатывал. Он не успел, он начал разрабатывать голографическую концепцию модели интеллекта, но в самом начале был, буквально с 2000 года. Это теоретические основы психодиагностики вообще. Жаль, что утонул! Мне искренне жаль!

Д Б

1. Ну, наверно, все его книги и любимая книга – это «Варианты жизни» по экзистенциальной психологии. Обожаю эту книгу, она написана на одном дыхании.

2. Мне об этом трудно говорить. У меня фрагментарные впечатления. Можно я немножко шире отвечу? Я не могу отделить личность от того, что сделано. Моя статья о нем называлась «Не любить его было нельзя». Понимаете, человека любят не за талант. Вот его действительно нельзя было не любить, потому что он был человек. Для меня самое главное качество в человеке – открытость. Понимаете, плохой человек не будет открытым. Его книги неровные. Там есть места, где он высказывается – дух захватывает, насколько глубоко, насколько красиво, эмоционально. Просто восторгаешься. И вместе с тем есть определенные небрежности: так показалось, дальше не думал, ну какая разница...

3. Экзистенциальная психология.

4. Да.

5. Важную, значимую.

6. У нас с ним разные парадигмы, разные школы. Он – тестолог. И лаборатория работала в рамках именно тестирования. Я это не приемлю. Но поскольку работа шла честно

и умно, то получены очень важные результаты, на которые я постоянно ссылаюсь... И авторитет, когда говоришь, что Дружининым доказано, никаких возражений это не вызывает, это в подтверждении не нуждается, это очень помогает, это очень важно.

7. Вот сейчас как раз я говорила о практическом значении. Что касается теории, мне очень нравится его модель интеллектуального диапазона. Это красивая вещь в теоретическом плане. Вот это – Володя. То, что создает его мозг, всегда красиво. Когда он мыслит, он мыслит глубоко, ярко и красиво. Он – талант. Модель диапазона – замечательная вещь.

8. Только в том смысле, что он писал стихи, у меня сборник есть.

9. -

10. Я знаю только то, что он сначала поступал в Литературный институт, потом оттуда ушел. Мне казалось, что он мне это говорил, стихи давал. Почему он пошел в психологию? Для себя я объясняла тем, что он из Ярославля, и Шадриков отдал ему свою лабораторию. Ну, куда литератору еще податься, как не в психологию?

11. Что понимать под карьерой? Научные достижения или продвижение по службе? Я не знаю, кем он работал в институте до того, как стал заведующим. Его все обожали, он не мог не быть заведующим и замдиректора и т.д. То, что его карьера пошла вниз, есть два фактора. Во-первых, внутренний, потому что всегда есть конкуренты. Он был вспыльчив, когда встречался с несправедливостью...Я считаю, когда был Брушлинский и Володя его заместитель – это был золотой век этого института, потому что во главе института стояли глубоко интеллигентные люди. И каждый сотрудник института знал, что у него за спиной ничего не может быть. Климат культуры и доверия. То, что Брушлинскому все-таки пришлось его сместить, это результат Володиной гражданской позиции, когда он резко выступал в академии. За это его можно только уважать...

12. -

13. По-моему, в характере ничего не могло способствовать, а просто он был талантлив действительно, умен по-настоящему. А характер как раз...и определенное нетерпение, и повышенная эмоциональность и все качества поэта, отношение к реальности – они должны были мешать карьере. Они и мешали. Потому что, будь он более педантичен, можно было бы ни к чему не придирается.

14. Я уже говорила – поэтический...

15. Не знаю.

16. В научном коллективе – обожаемый человек. Внутри лаборатории... он был очень ярок...его незащищенность, искренность, порядочность настоящая, он красив не только внешне, но и по форме выражения...я так и написала «не любить его было нельзя».

17. -

18. По-моему, ни к какой...

19. Что-то в его работах было... А сказать о том, насколько он заложил основы, это, наверное, только с Холодной, Ворониным...

20. -

21. Модель диапазона будет жить, потому что это убедительно описанная система, очень простая и четкая... Это будет жить. Понимаете, он тестолог все-таки, и это не российская парадигма.

22. Мне представляется, модель диапазона.

А В

1. Он написал несколько учебников очень хороших: «Экспериментальная психология», «Психология способностей», «Когнитивная психология».

2. Если бы он не умер, я думаю, что это было бы ведущим направлением на сегодняшний день. Не знаю, как в других науках, но психология очень тесно связана с личностью самого ученого...

3. Не помню точно, как она называется. Она была связана с психодиагностическими ситуациями. Где он упомянул впервые, я не помню, потом это из текста в текст переходило. Эта идея влияния ситуации на результаты тестирования, мне кажется очень значима и была у него еще идея по поводу модели теста, которая сейчас неоправданно забыта.

4. Да.

5. Без него я как ученый не состоялся бы... Решающую роль в плане становления меня как исследователя. Как психолог я состоялся, когда учился, а вот как исследователь это его исследовательские приемы, подходы к исследованию - это все от него.

6. Обобщенная модель теста и диагностика познавательных способностей.

7. Тесты мы создавали вместе. У нас был очень краткий тест Амтхауэра. Я принимал участие в разработке теста-модели, теста Равена..

8. Стихи писал, в футбол играл, историей интересовался, пел в хоре церковном, когда здесь уже работал...

9. Почему он стал ученым? Потому что от природы талантливый был. Он инакость свою чувствовал, что-то двигало внутри, превосходство над окружающими в умственном плане и в понимании почему-то психологии... Вот это мне до сих пор не понятно, потому что он математику знал, какие-то другие науки... Но почему его интересовала психология, и он в ней развивался, я не понимал. Он был лучшим по его ощущениям, почувствовал это еще на 3 курсе университета.

10. Не знаю.

11. То, что я знаю, это было не развитие, а, скорее, препятствие. Было множество факторов, препятствующих развитию его карьеры. Споспобствовало вот что: он удачно влился в Совет молодых ученых, была такая странная форма в Академии наук. Это было междисциплинарное сообщество молодых ученых из разных институтов. И это был один из немногих сопутствующих факторов его развития.

12. Он был крайне энергичен, эрудирован, т.е. он знал больше об ученых-психологах и о многих других, чем я. Был лично знаком с многими учеными выдающимися. Как он с ними познакомился, для меня загадка. Думаю, что сообщество молодых ученых как-то поспособствовало этому. У него были обширные личные контакты с выдающимися учеными Академии наук и университетов московского и ярославского. Привлекала открытость перед новациями, какие-то странные шахматисты, спортсмены, военные, я бы с ними точно дела не имел, а он имел. Он уделял внимание странным мыслям, которые я высказывал и которые почти никто никак не разделял. Вот такая открытость к новому знанию.

13. Энергичность, по Русалову, эргичность, т.е. он был крайне активный и высокий темп деятельности, он быстро писал. Как он говорил – пишу быстро и плохо.

14. У него была жесткая сциентистская позиция... То, что он занялся проблемами семьи, чем-то другим, это, скорее, был побочный продукт, т.е. мы обсуждали, но не доходили до последовательного претворения в научную жизнь альтернативных сциентистскому подходу, т.е. это была аллюзия на науку, а не наука. А в науке у него был жесткий подход, нетерпимость к спекуляциям в смысле эмпирически необоснованным теориям и заявлениям в науке. Ему было несвойственно теоретизирование на пустом месте, т.е. эмпирия была более важной, а теорию можно придумать любую, чем мы, кстати, с ним и занимались – придумывали разные объяснения одним и тем же фактам. Их было много, но на каком-то этапе мы перестали это делать, потому что это просто пустое разглагольствование...

15. Условия труда были обычные. Трудности? Трудность была одна и постоянная – отсутствие средств. Т.е., все время, что я с ним работал, ощущался дефицит ресурсов материальных всевозможных, от банальных денег для жизни, до всего остального – бумага, техника, помещение, испытуемые. Т.е. за все время, пока мы работали, мы ни разу даже заплатить испытуемым не смогли, все на энтузиазме и склонении к научному сотрудничеству и не более того...

16. Время от времени какие-то странные конфликты случались, я не знаю, на чем они базировались. Он был довольно эмоциональный человек и не совсем благоприятные отношения складывались. Я никогда не считал это препятствием, мне казалось, что это даже

способствовало эффективности деятельности, поскольку хорошие отношения застою способствовали, а легкий разлад способствует повышению активности.

17. Он предоставлял свободу действий, что меня всегда радовало, У него были оперативные цели, надо было быстро их достигать, но мне была предоставлена свобода, за что я ему благодарен.

18. Поначалу это было развитие идей Шадрикова, а потом своя, своеобразная концепция, которая, к сожалению, в отдельное направление не вылилась и теперь по сути дела заглохла.

19. Считаю, что да. Только нас очень мало.

20. Я считаю его учениками Горюнова, Бирюкова. Думаю, что все его аспиранты, человек 20, наверное, в той или иной мере развивали его идеи.

21. Да. То, что я сейчас делаю, точно согласуется с его взглядами, мне кажется...

22. Это ситуационный подход к измерениям в психологии, где показано, как ситуация может существенным образом влиять на результаты тестирования, и тем самым лабильность всех даже очень тщательно выверенных измерительных процедур...

Есть ли у вас разработки в русле идей ВН?

Моя докторская диссертация – выросла из его идеи. И вот последняя разработка дискурсивных способностей как части познавательных способностей...

Как их можно соотнести со структурой общих познавательных способностей Дружинина?

Это, скорее, дополнение. Это некоторые способности, которые определяют эффективность совместной интеллектуальной деятельности, как мне кажется. То есть, у меня некий свой взгляд, что интеллект появляется только в совместной деятельности и один из факторов, определяющих эффективность этой совместной интеллектуальной деятельности – это как раз дискурсивные способности, которые позволяют осуществлять координацию людей при выполнении совместной интеллектуальной деятельности. Поэтому это дополнение к тому, т.е. творческие способности, интеллектуальные, обучаемость – они точно проявляются лучше, когда дискурсивные способности выше...

А Г

1. Психология способностей, экзистенциальная психология.

2. Самая высокая, потому что у него высокая способность к анализу и одновременно к синтезу. Мой научный наставник Владимир Александрович Ганзен в Петербурге говорил, что необходимо держать баланс анализа и синтеза. У Дружинина я это находил.

3. -

4. Общались мы много с ранних лет в институте, потому что, помимо хороших неформальных отношений с ним, он входил в совет молодых ученых, который я возглавлял, он был заместителем. Мы готовили много вместе интересных всесоюзных конференций, первую и вторую всесоюзную школу молодых психологов, третью он готовил. Люди приезжали со всех республик, у нас были реальные проекты.

5. Он понимал то, что меня волнует в психологии, в частности мой интерес к внутреннему миру человека, в частности образный опыт человека. Он разделял мой интерес к непризнанным официально областям психологического знания, например, трансперсональная психология, религиозный опыт, психология религии, но не по Платонову... Он поддерживал мою неэциентистскую ориентацию. Он был хороший эциентист, но у него были стремления к экзистенциальным проблемам...

6. Думаю, что классификация методов и наведение порядка в беспорядке – это серьезный вклад в экспериментальную психологию и в целом в методологию... через методы вклад в методологию психологии.

7. Практическое значение тут тоже вытекает, потому что встречаешь ссылки у тех, кто практически работает, видимо, людям эта четкость нравится... Через методы он выходил на проблему способностей, поэтому здесь можно сказать, что они связаны, благодаря методам он продвинулся в психологию способностей. Одно благодаря другому.

8. -

9. -

10. У него внешне была высокая самооценка и, мне кажется, интерес к самому себе, такая позиция в хорошем смысле эгоцентрическая. Наверное, он хотел найти внутри в себе что-то такое более глубокое и важное и потом развивать это. Поэтому выбор психологии способностей... через себя. Выбор профессии, я по своим коллегам вижу, не случаен. И вот он, наверное, проблема самооценки, познания самого себя, улучшение себя, выстраивание через развитие способностей. Так, наверное, можно сказать.

11. -

12. Он открытый был такой, критическая ирония его была и приятна, и интересна потому, что она соответствовала моим оценкам многих вещей в советское время... Мы с ним не специально, а, я сейчас вспоминаю, как камертон некий, сверяешь с его тонким видением...

13. Я с ним в научном контакте не был, но мне кажется, что он был одновременно требовательным и открытым человеком. Когда вокруг него люди собирались, он им, с одной стороны, помогал, располагал через такую открытость, общался неформально хорошо, и одновременно не попустительский стиль, не спусти рукава. Поэтому организованность была четкая.

14. Либеральный автократ...

15. Можно сказать, что он частью института отвергался именно как человек, ориентирующийся на духовные традиции, русские архетипы, такая державность... Но в принципе у него и западничество было, особенно в 90-е годы... Не всеми это понималось... Думаю, что поэтому трудности могли, наверное, быть.

16. На предыдущие два вопроса я ответил, что, предполагаю, тоже был элемент авторитарности во всех его отношениях. Со всеми было в общем-то гладко...

17. Личный пример, научный лидер как таковой в силу того, что у него правильные мысли возникали, продукция осуществлялась, поэтому момент лидерства был оправдан, вот эта авторитарность, Обладал высокими научными качествами.

18. Формально к Шадрикову, но по большому счету я думаю, что у него сформировалось что-то свое, связывать его с бывшим научным наставником Шадриковым я бы не стал. Хотя четких параллелей с ленинградской школой, тем более с московским университетом тоже не было. Это, я считаю, хорошо...

19. Считаю, что он является создателем собственной научной школы, и если бы само развитие науки шло таким образом, что по-прежнему эти школы финансировались бы, то она развивалась бы конечно.

20. -

21. Идея внутренних когнитивных миров...

22. Когнитивный ресурс. Главное, что он русский ученый. Должна быть национальная научная школа. Тенденция сохранения богатейшего культурного наследия....

ИЗ

1. Работы по способностям и учебники.
2. Очень высокая. Умел доходчиво писать, я это говорю как редактор.
3. Работа по проблеме способностей.
4. Да. В качестве редактора и просто по работе.
5. Небольшую...
6. В теории способностей.
7. В том, что он поднял теорию способностей на уровень запросов современной практики обучения.

8. Нет.

9. Я думаю, что он был лидером новой генерации психологов... В смысле ориентация на новизну – это ему было присуще. Мне очень нравится, что он, будучи молодым, имел своих учеников. Он, скорее, сам формировал среду, чем формировался средой.

10. Он умный человек, этого достаточно. Он в некотором смысле философствующий психолог. Он выходил на метапсихологию...

11. Я не знаю, но он, конечно, сделал одну из самых ярких карьер по деловой части, будучи замдиректора... Он создавал среду, его среда была креативной, а окружающая среда достаточно кислотно-щелочной.

12. Надежность.

13. Не любил болтать и любезничать... Наука была для него на первом месте...

14. Экономность, лапидарность. Он выражался экономно... Если мы говорим, что он в теории способностей сделал прорыв и при этом выражался лапидарно, то это креативная лапидарность...

15. Он работал над трудностями... К сожалению, креативный человек всегда в такие трудности попадает...

16. Это был хороший климат, у него уживались люди с разными психологическими типами... Это очень хороший момент.

17. Я с ним не работал.

18. Я бы сказал, что он опирался на разные методы, парадигмы, подходы и вырабатывал свою школу в теории способностей. Школа Дружинина где-то намечалась. Преждевременная смерть этому помешала.

19. Он создал собственную научную школу и продвинулся в этом деле достаточно успешно. Выготский тоже создавал, но не создал. Незавершенность не характеризует некачественность...

20. Бирюкова...остальных не знаю...

21. Это имеет место быть...

22. Нет, не углублялся.

Я бы хотел рассказать об одном интересном факте... Некоторые комментарии. Издательство современной гуманитарной академии выпустило биографическую книгу о Дружинине. В этой книге по моей инициативе включены некоторые статьи из энциклопедии «Человек». Когда сотрудники энциклопедии спросили у меня, кто мог бы написать статьи по ряду проблем, я им порекомендовал Дружинина... Они вышли на него и очень благодарны были Владимиру Николаевичу, что он написал ряд оригинальных статей, включая статью «Способности», «Талант» и т.д. для энциклопедии «Человек». Во многом это были одни из

последних его работ...предсмертных... эти энциклопедические статьи. Это довольно тяжелый жанр, но он с задачей справился.

А К

1. Первая работа – дипломная, которая действительно запомнилась, потому что она общий характер носила... Некоторые элементы психологического анализа, кореллограммы ПВК. И в дальнейшем статьи... Сначала, когда он готовил кандидатскую по мотивации... Конечно, особняком стоят три работы - двухтомник по методологическим основам психологического исследования. Мне кажется, он слабо еще известен широкой психологической общественности, потому что все-таки провинциальное издание... Потом основные положения работы по экспериментальной психологии... Это вообще классика. И психология общих способностей, конечно. Я немножко выношу за скобки, чуть не сказал непсихологические, сверхпсихологические работы. Имею в виду «Варианты жизни», стихи, потому что это особая статья совершенно. Их нельзя назвать строго научными публикациями... А так, что ни работа, то, конечно, свет.

2. Вы понимаете, мы стыдимся слова гениальность. Вот была конференция по Л.М.Веккеру, я черным по белому сказал, почему мы ждем, когда человек умрет, чтобы дать истинную характеристику. Французы говорят: «Гении рождаются в провинции, а умирают в Париже». Это к Володе один к одному относится. Мне кажется, что это талантище на грани где-то с гениальностью в своей области. И вот здесь я постоянно студентам говорю: «Психологи занимаются либо тем, чего у них нет, слепой Шехтер зрительным восприятием, не очень трудолюбивый Асеев мотивацией, либо тем, что у них в избытке». Так вот Володя – это второй вариант. Интеллектище, креативище и обучаемость. Кстати, насчет обучаемости. Володя не мог терпеть, если он чего-то не знал, он как бы замирал, потом соображал, и если не мог догадаться, читал, узнавал... Он воспринимал как личную обиду тот факт, что он чего-то не знал, но мог знать. Это его отличительная черта была.

3. Мне кажется, что наиболее значимые именно не публикации, а блестящие идеи... Например, онтология психического, голографическая метафора, психофизическая проблема... Мне кажется, что вот эти вещи – онтология психического, потом ресурсная модель интеллекта, структурно-функциональная и голографическая метафора... Наряду, конечно, с общепризнанными вещами, которые все знают, я имею в виду, порог, ресурс – это все знают, а вот то, что я сказал, наверное, не все.

4. Да.

5. В прямом смысле никакой не сыграл, у нас нет совместных работ, за исключением параллельных мыслей на предмет дипломной работы. Мы не разрабатывали вместе никаких

проектов, но косвенная роль огромная – у меня всегда был и остается перед глазами пример истинного ученого, того, каким должен быть настоящий ученый. Креатив в полном смысле слова. Человек не только могущий, но и желающий, хотящий постоянно. У меня ассоциация такая – звезда. Она погасла, ее нет физически, а свет идет. Вот его нет, а свет идет, не только для меня – для многих...бескорыстная помощь.

6. Принято считать, что в психологии способностей, но это такая безбрежная область ... Я то считаю, что психология способностей – это вся психология, взятая в определенном аспекте. Любое явление имеет процессуальные и результативные особенности, результативная сторона – это есть индивидуальная мера выраженности чего угодно. Вся психология – это психология способностей. Мне кажется, что не в психологии способностей в целом, а именно в интеллекте, онтология, механизмы.

7. Очень большая группа психологов под руководством В.Д.Шадрикова разрабатывала концепцию одаренности, причем я знаю действительно, насколько сложно это было сделать. Владимир Николаевич последнее время часто возвращался и сам вспоминал, как трудно было синтезировать разные подходы, ведь что ни специалист, то свой подход. Потом эта рабочая концепция одаренности была положена в основу, насколько мне известно, ряда министерских программ психологических и дидактических. Вот самая что ни на есть практическая реализация. Но и потом не надо забывать, когда он только начинал работать, в институте психологии была система хоздоговоров, в том числе и совместно с нашим факультетом, в том числе и по заказу центра подготовки космонавтов. Закрытые темы были.

8. Футбол, стихи. Что касается семейного, то я принимал участие в дружининских чтениях, которые были у него на Родине, в Большом селе. Мама у него учительница. Отец – инженер. Мама – замечательный человек, добрый, сельский интеллигент. О семейном воспитании я не знаю просто.

9. Никакие не влияли, самородок просто. Я бы сказал так: многие факторы мешали. Если бы, допустим, он развивался в более благоприятной среде, может быть и результат был бы немножко другой. Трудности были большие. Конечно, были замечательные ученые, которые ему помогали. Это Роговин, Шадриков, наши преподаватели. Но были и обстоятельства, например, служба в армии его отвлекла на полтора года.

10. Не могу сказать, не знаю. Единственно, что могу сказать, он колебался между биологией и психологией.

11. Понятно, что очень многие факторы влияли. Может быть я сейчас парадоксальную мысль скажу, но очень сильно влиял дефицит литературы по психологии. У нас был клуб студентов, прочитавших все. Литературы выходило мало. Там человек пять, наверное, было. Кроме нас, еще Жданов, Урываев. И вот этот фактор поиска и отслеживания постоянного, а

потом литературы становилось все больше и больше, т.е. механизм компенсации... Это не то, что сейчас – чего хочешь, то и читай.

12. Честность, открытость, простота, помимо, конечно, профессиональных качеств. С умным человеком просто интересно.

13. Конечно, огромное трудолюбие, упорство, настойчивость, сензитивность на грани с обидчивостью от того, что чего-то не знает. Это мощнейший стимул для развития. Никто не заставлял, не мог ни изобретать, ни творить. Конечно, это требовало затрат, это и хорошее здоровье, и трудолюбие, и усидчивость.

14. Моцарт. Быстро, сразу, на высоком уровне, симультанно. Без успешивных попыток просчета. Некоторые очень долго идут и приходят к тому же результату. А Володя не такой – креатив, спонтанщик. Выготского в психологии Моцартом называли, но Володя еще более Моцарт.

15. Не знаю, мы с ним вместе никогда не работали, только студенчество, дефицит литературы – это огромная трудность.

16. Последние годы, когда Володя работал в институте, так сложилось, что я мало туда ездил. До меня доходили разные слухи, но я не хотел бы в это вдаваться. То, что я сам ощутил, что у него в кабинете был проходной двор. Совершенно бескорыстно помогал. Раздавал такие идеи, которые потом становились, в том числе, и докторскими диссертациями. Вся страна к нему ездил. Приходил на помощь сразу.

17. Володе было трудно руководить, потому что не всегда он был легкий в общении и требовал очень много. Но то, что люди видели, как он сам работал, это облегчало, то есть личный пример. Маячок, ориентир, пример.

18. Хотелось бы верить, что к ярославской. Ну, а так, конечно, крупнейшее московско-ярославское явление, ведь, сформировался он здесь. Так, мне кажется, что он человек мира, он перерос школы.

19. Конечно.

20. Хазратова, я знаю, у него аспирантка. У него не так много было.

21. Недаром же работает лаборатория имени Дружинина. Многие идеи разрабатываются очень удачно там. Они выходят именно на ресурсную метафору. Это такой сплав теории и практики. У Шадрикова свой подход к способностям, у Володи – свой. Но на самом деле они не альтернативные, а взаимодополняют друг друга. Шадриков выделяет способности по функциональному критерию, а у Дружинина три: интеллект, креативность и обучаемость. Это макрофункциональный подход. Тот же самый функциональный подход, но по макрофункциям. У Володи же так и есть, поэтому общие способности ложатся в концепцию В.Д.Шадрикова. Но функции не парциальные, а макрофункции – регулятивная,

когнитивная. Я считаю, что функциональный подход общим является и для Шадрикова, и для Дружинина, но сама трактовка функций немножко разная.

Конечно, вижу, потому что регулятивные механизмы интеллекта, осознание ресурса, ресурсная модель интеллекта, в принципе это то, что сейчас активно в метакогнитивизме разрабатывается. Вот я сам очень активно разрабатываю метакогнитивные вопросы. Ведь, что такое метакогнитивные процессы – это оперирование со своим внутренним миром, метакогниция, вот как раз к этому Володя и подходил. Если бы он сейчас был жив, он бы, конечно, с воодушевлением воспринял бы и метакогнитивизм. И не случайно Марина Александровна Холодная туда же эволюционирует. И тоже ментальный опыт, метакогнитивные механизмы. Мне кажется, что именно туда он сам бы и пришел. Мы выходим здесь еще и на уровневую организацию психики. Уровень первичных процессов метакогнитивный, уровень вторичных – рефлексивность. Мы с ним много рассуждали о рефлексивности, поскольку она закономерным образом должна быть чем-то организована. Значит, должен быть некий процесс икс, который руководит руководителем, но мы его не знаем. И вообще мы знаем только те процессы, которые осознаем. А кто сказал, что в нашей психике есть только те процессы, которые мы осознаем. Вся психология построена только на том, что психика открывает дураку-исследователю. Более того, в нас встроена защита от дурака, психика ставит непроницаемый барьер для управления ею, потому что если бы мы осознавали и управляли, субъективный фактор начисто разрушил бы объективные закономерности. Вдумайтесь, почему существует бессознательное? Это объективное, туда нельзя вмешиваться.

22. В психологии вообще очень трудно говорить о каких-то принципиально новых вещах, но мне кажется, что не совсем правильно оценен ситуационный подход в психодиагностике. Вроде, все об этом знают, но он впервые об этом написал... Мне кажется, что, несмотря на простоту идеи, это очень фундаментальная вещь. Я не читал, чтобы раньше кто-то об этом говорил. Ситуационная зависимость диагностических тестов. А это вообще ставит под вопрос правомерность диагностики в ее современном виде. Это новая парадигма. Что мы имеем в том же Кеттелле, или в том же ММРІ, в том же Векслере? Это ситуационный показатель и личностный? Мы принимаем за личностный. Поставь в ситуацию экзамена – он другой (результат) даст...

В общую иерархическую структуру способностей вы включили пять основных уровней. К какому уровню относится структура способностей В.Н.Дружинина (креативность, интеллект, обучаемость)?

К четвертому уровню – общие способности, потому что мне кажется, что есть еще рефлексивность как общая способность, но она не подчиняется тому закону, которому

подчиняются все другие (способности). Ведь, как принято считать, чем больше уровень способностей, тем лучше внешние критерии, показатели. А рефлексивность – нет. Я об этом говорил. Гиперрефлексивность, чрезмерно высокая способность и желание вмешиваться, она выступает ингибитором. Не случайно, что на высоких уровнях интеллекта рефлексивность падает. Рефлексивность как общая способность не подчиняется общим закономерностям. Чем больше, тем больше. Это мое мнение. Эффект загиба. Наилучшим является оптимальный уровень рефлексивности. Этим она отличается от всех других способностей. Рефлексивность – это метаспособность, потому что она регулирует уровень и степень проявления всех других способностей. Как понимать рефлексивность? В узком смысле как философы – это самокопание в своем внутреннем мире. В широком смысле как метаконтроль, который должен иметь определенный предел. Сознательный, осознаваемый контроль, который должен иметь определенный предел, иначе патология. Ведь, что такое шизофрения? Это – расщепление, доведенная до максимума рефлексивности, когда рефлексивность достигает апогея, когда рефлексивный контур становится вторым «Я», то есть рефлексия должна иметь границы.

Изменились ли ваши взгляды по прошествии лет на научные труды и идеи В.Н.Дружинина?

На него изменились. Большое видится на расстоянии. Он выделялся при жизни всегда. Я считал его на границе гения. В целом отношение к нему не изменилось с первого впечатления. Как говорят, с возрастом люди не меняются, а усугубляются. Вот у меня отношение усугубляется. То первое впечатление – умище, талантище – оно только укреплялось. А вот с годами, ну, просто, как-то более зримо виден именно вклад. Должно, ведь, пройти время, чтобы ученики подхватили, развили. Еще здесь надо отметить, что чем старше он становился, тем больше он занимался непсихологическими вещами, поворачивался другими гранями...

С К

1. Очень много. Экспериментальная психология, Психология способностей, и психология семейной жизни, и многое другое. Он очень был плодовитым, поскольку талантливый, он был обречен хорошо писать.

2. Не могу дать объективную, очень компетентную оценку. Но я думаю, что значение его трудов как настоящего классика с каждым годом будет возрастать и получать все большую известность, признание.

3. Я думаю, это все-таки по творчеству, по одаренности. У него много было интересных подходов... Сейчас очень много книг выходит по психологии творчества. Он

одним из первых проанализировал все существующие теории творческих способностей, креативности. И его теория креативности сама по себе очень интересна. Не зря он был в числе лауреатов президентской премии за эту книгу по креативности.

4. Я на год его моложе. Дружинин на втором курсе, я на первом, он на пятом, я на четвертом. Много было ярких событий. Одно из них: мы были студентами, я, по-моему, третьего курса, а он четвертого. И мы поехали на самую первую студенческую конференцию в МГУ. И выступали на одной из секций по психологии образов. Ведущий этой секции сказал: «У нас первое место заняли ярославцы – это очевидно. Но кто из них, надо подумать». Первое место дали Володе Дружинину, у него великолепный был эксперимент в русле работы А.Н. Леонтьева. Хочу одно подчеркнуть, что он был очень любознательным, уже тогда ярко проявившим свои не только склонности, но и способности к исследованию.

5. Большую. Он был замдиректора, и я к нему ходил с огромным удовольствием. Он все мои идеи поддерживал всегда, очень легко и очень продуктивно. Например, сейчас это трудно представить, но тогда каждый год издавал сборники трудов под своей редакцией, под грифом Института Психологии РАН. По педагогическому, по профессиональному мышлению, мы издали 4 монографии, 4 сборника. А он был заместитель директора по науке и это поддерживал... Очень много от личности зависит. Он был мне оппонентом на докторской диссертации, тоже очень удивительно все это делал, я у него гостил с ночевкой неоднократно. Необычайно восхитительный человек, просто даже в каком-то обыденном бытовом плане. Занимал такие должности, ведь он был в числе экспертного совета ВАК, и во всех этих фондах сидел, и никакого снобизма, надувания щек. Просто, доступно, человечно. Предметом его особой гордости была книга, которую он мне показал, профессора МГУ им. Ломоносова, там он был представлен. Это было такая гордость, я его прекрасно понимал. И даже в душе гордился за его талант. Но у нас при жизни мало хвалят человека, ему было очень тяжело, но он никогда не жаловался. Сейчас вот куда не придешь, все жалуются, либо друг на друга, либо на президента. Он никогда ни на кого не жаловался.

6. Я думаю, психология творчества, психология креативности. У него теория очень хорошая с Шадриковым разработана. Но он сам был креативным... Насколько у него оригинальные мысли были в прекрасной форме. Он же много стихов писал. Псалмы многие знал наизусть. Очень многогранный человек был.

7. Я думаю, что многие идеи его, сейчас очень хорошо, успешно реализуются в его лаборатории, которой руководит М.А. Холодная. Вот работы Хазбулатовой, Воронина. Это прямое продолжение и воплощение этих идей, шикарных исследований. Сейчас у Воронина книга вышла по творчеству, это как раз корневая система. Корневая система Дружинин.

8. Конечно известны, никакого воспитания. Зачем воспитывать того, который все понимает. Он своим примером воспитывал, вот такой естественностью, искренностью, отзывчивостью. Любое предложение воспринимал влет и по сути. Любую просьбу воспринимал как сигнал к действию. Без особой конкретизации, а зачем тебе это надо. Если просишь, значит тебе это надо. Все, сразу вот это делалось. Хобби – стихи, он очень хорошо рисовал. Он с Евгением Дмитриевичем Дорофеевым здесь целую футбольную команду создал, в футбол любил играть. У меня сохранились рисунки с той конференции студенческой, я их передал жене, когда она попросила. Очень красиво рисовал.

9. Я думаю, во-первых, семья. Мама у него зауч сельской школы Большого села, это на полпути между Угличем и Ярославлем. А там есть небольшое село или деревня Дунилово рядом, вот там в сельской школе его мама была заучем. И он там учился, а пока учился, всего Гегеля прочитал. Очень увлекался такой философской литературой. Психологию было трудно достать, а это стояло вместе с трудами Ленина. Все прочитал.

10. Я думаю, психология больше дает формат творческий. Это жажда творчества, она, на мой взгляд, ну, по крайней мере, в те времена вполне реализовывалась в психологии. Потому что можно было проводить исследования. Как говорил Павлов: «Факты – хлеб науки». Получать интересные результаты, с ними работать. В те времена в 70-е годы – это был очень интересный бум в психологии. Было огромное количество литературы научно-популярной. Особый эффект имели книги К.К. Платонова «Занимательная психология». И таких книг было очень много. А потом все эти достижения, и космос, опять же там психологи звучали. И многое другое. Все это как-то привлекало внимание на психологию. Когда мы учились, у нас примерно было 50 на 50 мальчиков и девочек в группах. Потому что тогда больше было романтиков. Сейчас прагматиков больше, и юноши сейчас почти не идут на психологию. Деньгами не балуют, особо тут не разбогатеешь.

11. Безусловно, учителя. Я бы на первое место поставил влияние самого образа учителя. Не знаю, у кого он писал курсовые и дипломные работы. Но то, что В.Д. Шадриков повлиял на него – это очевидно. Другие ученые. Он же был очень широкого и глубокого кругозора. И то, что он изучал, безусловно, преломлялось через его пылливый ум, очень такую отзывчивую душу. Первый фактор – это учителя. Конечно Роговин... А второй фактор – семья. Это пестовалось, это ценилось, высоко котировалось. Эта духовная культура. Не только научная ориентация. Ну и третий фактор, это то, что он попал в самый эпицентр науки в Институт психологии. Он же здесь и первую диссертацию защищал. Одна не состоялась докторская, но он через тернии к звездам пробился. То, что он работал в этом институте, это существенным образом и повлияло, и закрепило его научный интерес. Сильнейший сплав эмоций, информации, то, что он здесь получал, испытывал, переживал.

Это все нашло отражение в его творческой биографии. А если в институте, значит доступ к информации огромный. Тогда же не было интернета, сюда все стекалось. Тогда, в то время были советы в Москве, в Ленинграде и в Киеве.

12. Открытость, искренность, отзывчивость, доброжелательность, необычайные.

13. Необычайная работоспособность, целеустремленность. Такая одержимость, упертость... Он очень много писал, такие хорошие книги издавал, красивые, глубокие по содержанию.

14. То, что он всегда в системе работал, не разбрасывался, целенаправленно. Наверное, нет такой темы, по которой он бы большой книги не издал. По творчеству, пожалуйста, по мотивации, пожалуйста, по способностям, пожалуйста. Я восхищаюсь. Это как-то настораживает такое разбрасывание. Володя был очень концентрированным, на конкретных направлениях работы. Все в системе и все под высоким знаком качества.

15. Огромное количество трудностей. Например, первая докторская не состоялась, другой бы отчаялся. А этот нет, уперся, работал, работал, работал. Это о многом говорит, о высокой стрессоустойчивости. Хотя он очень ранимый в душе, очень... Но он мог мобилизоваться в главном направлении. И естественно добивался своего, потом приходило признание и утверждение докторской, и очень высокая должность. Самое главное – это признание в профессиональном сообществе. Он же не был избалован правительственными наградами, академическим званием. Но того, чего он достиг, далеко не каждому академику удается сделать... Другой и за 80 лет не успеет столько сделать, хоть и будет круглые сутки писать. Главное еще, как ты это делаешь, у него был прекрасный стиль. Он мог очень сложные темы четко ясно донести. Вот сделать обзор, там мало писали по этим зарубежным ученым по конкретным теориям. А он мог очень четко, лаконично в одном разделе все по полочкам разложить. Наверное, авторы сами удивлялись, как ему это удавалось. Вот это его стиль.

16. В лаборатории всегда все было прекрасно, потому что они всегда были заняты делом... новые монографии... шикарные исследования полномасштабные. Видимо, он умел увлекать, озадачить людей, и они уже сами себе ставили конкретные цели. Атмосфера была очень хорошей. Когда, допустим, приходит крупный ученый в лабораторию, например, М.А. Холодная – никаких конфликтов интересов, она нашла свою нишу. И то же самое А.Н. Воронин, другие, хотя это очень сложный процесс, когда такие матерые ученые начинают в одном пространстве работать... Он умел эти отношения выстраивать, по крайней мере, по горизонтали. А как там по вертикали мне трудно судить, говорят: высоко креативный человек не очень социально адаптированный. Опять же это все от контекста зависит. Он очень любил приезжать в Ярославль и всегда на конференциях говорил: «Какая нужна

помощь, обращайтесь». Всегда протягивал руку, не ждал, когда придут к нему, будут просить.

17. Я ни разу не слышал, чтобы он повышал голос, он говорил тихо, спокойно, размеренно. Даже, когда выступления были, не было такой помпезности, надувания щек. Все как-то по-деловому. Вот мне слово хочется сказать, как-то исподволь, опосредованно. Он не любил стимулировать, а любил мотивировать, видимо... А главное он любил воодушевлять. Вот поговоришь несколько минут, все так схватывает, развивает быстро, агригирует, углубляет. Это он умел делать, но опять же как-то без всяких натуг, без какой-то оценки на публичность. Все как в Библии, тихо, ненавязчиво. Как Горький говорил: Пустую бочку лучше слышно, а у него бочка как раз была наполнена – делал свое дело.

18. Я думаю, он сам научная школа. Безусловно, он относится к этой школе системного подхода это Ломов, Шадриков. Системный подход у него очень был сильный.

19. Безусловно. Психология креативности.

20. Не могу назвать адиозных его последователей, люди интегрируют его идеи, берут то ценное, что он сделал.

21. Безусловно. В дальнейших экспериментальных разработках, исследованиях, потому что это перспективно все. Это все очень востребовано, хотим мы этого или не хотим. К этому будут обращаться, это будет все время в обороте находиться. Другое дело – будут ли ссылаться на него те, кто приобщается к его разработкам. Это уже дело каждого исследователя.

22. Это трудно сказать. Он был коллегиальный в этом плане. Даже эта концепция одаренности, там очень много у него идей, но попробуй сейчас авторство четко вычленишь, сложно.

В М

1. Все, полный список его публикаций.
2. Сделал очень много, по-прежнему его работы актуальны и востребованы, нужны и необходимы.
3. Структура и логика психологического исследования и экспериментальная психология.
4. Да.
5. Достаточно значительную, оказал существенную помощь.
6. Несколько направлений, в первую очередь, методология психологии, в частности классификация эмпирических методов, второе, систематизация и продвижение идей,

связанных с экспериментальной психологией, третья, разработки в области психологии интеллекта.

7. В том, что они могут использоваться любым желающим. То, что стало достоянием психологии.

8. Футбол, неординарный, талантливый поэт.

9. Сильный человек, если среда оказывала сопротивление, то для него это было стимулирующим фактором.

10. В Антимемуарах.

11. Внешние факторы связаны с внутренними, он хорошо понимал, как меняются внешние факторы, и умел этим пользоваться.

12. Замечательные человеческие качества: открытость, доброжелательность, отсутствие второго плана, искреннее желание помочь.

13. Трудлюбие, высокая самоорганизованность, целеустремленность, стремление быть первым.

14. Стремление обязательно найти новый подход к изучению того или иного феномена. Новый подход это обязательная черта.

15. Условия труда разные, в Антимемуарах.

16. Находился одновременно в очень разных коллективах, складывались разные отношения. Но везде проявлялись его положительные качества, коммуникабельность, умение установить контакт.

17. Выше.

18. К широко понимаемой научной ярославской школе, глава ее В.Д. Шадриков.

19. Разумеется и конечно. Продолжая и развивая традиции Ярославской школы, он создал свое направление в разных областях психологической науки, в области исследования интеллекта, валидности. Школа продолжает существовать и развиваться, например, идеи относительно психологии семьи и другие направления.

20. Те, кто используют его идеи и развивают их в своих работах.

21. Разумеется и конечно.

22. Идеи, которые сформулированы им в области методологии. Его трехмерная классификация методов – это шаг в будущее.

ПС

1. Статьи по когнитивному ресурсу. Варианты жизни, Психология способностей, Экспериментальная психология, Психология общих способностей.

2. Активно используется. Мне кажется, куда лучше.
3. Даже не экспериментальная психология, а Структура и логика психологического исследования, где классификация методов.
4. В рамках отношений студент – педагог. Я у него слушал курс по психологии интеллекта в МГУ. На лекциях было интересно, живо, он был рассказчик очень хороший, хороший язык, с юмором рассказывал. Любил пошутить, добродушный, со студентами во всяком случае.
5. С биографической точки зрения никакой. Я с ним пересекался, когда сам уже стал преподавать, поскольку мне нужны были какие-то источники, литература.
6. Может быть... То, что лаборатория разрабатывает – это понятие ресурса, когнитивного ресурса в частности... Я считаю, он по нескольким направлениям двигался.
7. Прежде всего, в диагностике... выход на методики диагностики. Поскольку он сам был сторонником психометрического подхода.
8. Литературные склонности, стихи писал, в футбол играл.
9. Я думаю фактор, что он из Ярославля. У него, может быть, была такая дополнительная мотивация, чтобы в Москве себя показать. Наверное, то, что он был выходец из Ярославля, из той школы...
10. Не знаю, я с ним не общался на эти темы... Он мог спросить в перерывах между занятиями: «А что сейчас читаете?» Интересовался литературой, что сейчас студенты читают.
11. Не отвечу.
12. Остроумие и открытость, демократизм.
13. Я думаю, что мотивационные особенности и память хорошая, и способности, мог много воспринимать.
14. Творческий стиль ... смелый, наверное... творческий в смысле кураж.
15. Не скажу... я не присутствовал.
16. Мне известно, что он был безусловным лидером, и что он очень пекся о людях, которые работали под его началом. Тем более, это было такое время для научной работы, неблагодарное... И вот он много усилий прилагал, чтобы как-то обеспечить своих сотрудников.
17. Не работал я с ним как с руководителем.
18. Можно сказать, наверное к Ярославской... но он достаточно такой самобытный, я бы индивидуально его поместил.

19. Тут нужны какие-то аргументы в виде плеяды учеников... Это должны, наверное, как-то ученики проявляться и говорить, что это школа. Я студент был. Но то, что я ученик и принадлежу к школе, я не могу сказать.

20. Я знаю Горюнову Наталью, которая как раз когнитивным ресурсом последняя занималась. Потом у него А. Воронин защищался... лично, наверное, я больше не знаю.

21. Вижу, я с этого начал.

22. Вот то, что я сказал как раз вначале о книге (Структура и логика психологического исследования), там, мне кажется, интересная идея классификации методов. Классификация – это тоже идея, некоторая систематизация, методологическая работа. Да, это плодотворно, в частности я тоже этим пользовался. Потом... то, что собственно сейчас лаборатория пытается развивать идеи ресурса. Сейчас Марина Александровна Холодная хочет это расширить, чтобы не только когнитивный ресурс. Заявка идет на ресурсный подход... Не знаю, идея - не идея. Это еще просто чтение его работ такое, которое... сами тексты допустим о типах личности, то, что тебя провоцирует, вдохновляет на собственные размышления. Вот такой вот аспект, эта ценность. Может быть, напрямую какую-то идею не побежишь развивать, но задумаешься...

В С

1. Собственно говоря, все, которые официально опубликованы потому, что мы дружили, и более того, подавляющее большинство с подписью как другу и сподвижнику. Мое видение, что это один из выдающихся ученых России, который оставил очень яркий след в своей короткой жизни. Известны все, до единой.

2. Мое видение, что научное наследие оценят наши потомки. В первую очередь мне хотелось бы сказать, что оно должно быть востребовано не в плане индекса цитируемости, которое сейчас можно найти... Мое видение, что после смерти он стал самым тиражируемым ученым России из психологов. Например, его книга «Психология способностей», она переиздана уже издательством, да не одним, и несколько раз. Хорошо, чтобы в плане охраны интеллектуальной собственности не забывали про его детей и семью. Когда он ушел из жизни, они остались сиротами. Дело в том, что те ссылки, которые на него делают, это одно, а финансовое благополучие его наследников (творческого наследия) тоже должно быть предметом нашего внимания. Это будет тоже приятно его семье. У нас были неформальные отношения... неоднократно приглашал председателем ГАКа, мы вместе открывали факультет психологии в Калуге. Более того, он был первым председателем ГАКа, и аккредитация проходила с его непосредственным участием. Благодаря Владимиру Николаевичу высшая школа психологии при институте психологии первые выпуски делала в

Калуге. Я был председателем ГАКа в этой ситуации, т.е. то, что там идет обучение в академическом институте, это тоже заслуга Дружинина. А про оценку наследия, самая главная мысль... заключается в том, что ...он наибольший вклад внес все-таки в область экспериментальной психологии. Он был новатором в этой сфере. Он был одним из немногих психологов, которые реально занимались не просто теорией планирования и организации эксперимента, а реализацией замыслов. Все его работы, по крайней мере, авторефераты его соискателей, аспирантов, которые ко мне на отзыв попадали, я вижу, что это действительно результат реального труда тех энтузиастов, которым заражал Владимир Николаевич... общение с ним доставляло удовольствие не просто в научном плане, а он был доступен, очень был искренним человеком, и очень любил эту науку, поэтому я думаю, что, конечно, наши потомки оценят по его ученикам, те труды, которые они издадут...я уверен, что они всегда будут ссылаться на своего мэтра, учителя, на Владимира Николаевича...И самый глубокий след он оставил в своих учениках, детях, поэтому это и есть оценка его научного наследия.

3. Для меня наиболее значимая работа — это совместный труд «Конструирование тестов», которую мы написали, потому что мне посчастливилось работать с ним в онлайн-режиме. Я думаю, что для других, а не для меня наиболее значимая работа — это «Экспериментальная психология» и «Психология способностей».

4. Неоднократно и в разные годы. Я его знал, начиная с младшего научного сотрудника в лаборатории Забродина Юрия Михайловича, где он работал с Боковиковым, с Денисовым. У нас были очень тесные связи, и я видел его творческий рост и научный рост на протяжении всей его жизни.

5. Наверное, я не был бы ни зав.кафедрой, ни проректором... Без него я, вряд ли наверное, продвинулся не только в научном плане, но и в должностном, потому что он поддерживал все мои инициативы, идеи...я последовательно проходил то, что мы открывали... и должность заведующего кафедрой, и проректора по научной работе... Сейчас вот перешел в другой вуз, но все равно я ему очень признателен и благодарен за те наши проекты...они были реализованы все и всегда с эффектом завершеного действия.

6. Я думаю в оценке интеллектуальных способностей, в коридоре интеллекта и в связи генетических всех аспектов, связанных именно не только общим интеллектуальным развитием, а с теми специальными способностями, которые связаны с генеральным фактором... наследственность общего интеллекта... Для меня многие вещи, которые он переводил с иностранного языка и дополнял своими гипотезами, были явным откровением, потому что интеллектуальными измерениями в Советском Союзе было запрещено заниматься.

7. Мое видение — самое главное практическое значение — это отмена ЕГЭ потому, что в его работах вы найдете вредность тестирования, связанного именно с дидактическими тестами. Потому что, если мы измеряем интеллект, мы эти нормы не используем при отборе в вузы, при назначении на должность, при аттестации кадров, то тоже самое происходит и со знаниевыми тестами. Потому что модели, которые связаны с конструированием тестов дидактических и психодиагностических в математическом плане, в постановке эксперимента, они одни и те же. И те тесты, которые у нас внедрены в плане ЕГЭ, они не прошли экспериментальной апробации, не соответствуют стандарту и базовому учебнику, а этим наносят огромный ущерб нашему образованию... И об этом Дружинин тоже писал, что валидность и надежность этих тестов не доказана...и тесты можно составлять только по точным наукам, где есть базовый учебник, который един на всей территории. А когда есть альтернативные учебники, даже по физике, тогда законы не работают. Я могу сказать, что он был оппонентом по диссертации Никитина, где я был научным руководителем. Там получен отрицательный результат. Мы доказали, что тесты ЕГЭ наносят ущерб и они не валидны. В плане эксперимента в Калужской области... первая диссертация по ЕГЭ, которую он рецензировал, получила, что по точным наукам можно при едином базовом учебнике, а по гуманитарным это очень вредно и наносит ущерб. Вот это было в диссертации как выводы, что ЕГЭ наносит ущерб. Но...внедрили (ЕГЭ), никто не прислушался к выводам ученых, которые реально были получены на экспериментальной площадке... Это бывает, к сожалению, часто, что к мнению ученых не прислушиваются. Важный практический вывод в исследованиях Дружинина — это отмена теста ЕГЭ.

8. Я могу сказать про те хобби, которые были у нас совместными увлечениями. Он, во-первых, был кандидатом в мастера спорта по плаванию... А вот что касается других его хобби, помимо того, что он был хороший спортсмен, он великолепно ориентировался во всех спортивных баталиях. Мы с ним очень часто говорили на неформальные темы, о приверженности к тем или иным клубам. Но самое глубокое хобби у него было — это мое видение — это отношение к семье, очень бережно... Он все свободное время отдавал семье, и я знаю, как он бережно к ней относился, т.е. все его хобби были согласованы с семьей в отличие...

Об особенностях семейного воспитания его самого — я не видел его с детства, особенности могу сказать по социализации поздней, связанной с его становлением как ученого. В этом плане, что касается воспитания, я знаю, что в политической социализации принял непосредственное участие, особенно в 90-е годы, очень сильно переживал. Я знаю, что он был не просто участником этих событий и не просто свидетелем, а принимал самое активное участие в жизни нашей страны.

9. Самое главное, что оказало на него влияние — это его ученики, с которыми он общался, он был открыт, и он... Это всегда бывает, мы становимся на плечи предшественников, с одной стороны, этого нельзя отрицать, я думаю, очень серьезное влияние оказал Юрий Михайлович Забродин, в лаборатории которого он работал. И помимо этого он очень сильно уважал Бориса Федоровича Ломова, который был для него не просто авторитетом, а Учителем с большой буквы, как организатора науки, он от него очень много впитал, именно простоты и доступности... Потому что к Владимиру Николаевичу можно было заходить в любое время не только выдающимся ученым и сотрудникам университета, а простым студентам, где он преподавал, аспирантам, у него дверь всегда была открыта для всех. И он всегда, если кто-то приходил с творческими идеями, был готов их обсуждать, помогать, причем делал это абсолютно бескорыстно. Мне очень импонировала манера одеваться даже, он никогда не выделялся и не строил умное лицо... Не любил бюрократию, не любил оформление бумаг, за него всегда это кто-то делал. Еще у него был доступ в те времена, в начале 90-х, к зарубежным базам данных. И вот, когда он находил время переводить литературу, меня это удивляло всегда. Т.е. его работоспособность колоссальная конечно удивляла всех. Еще у него хобби было — он стихи писал великолепные, у меня есть масса его стихов. Мы немножко даже обменивались своим творчеством...

10. Мое видение, что Дружинин, он же служил в органах гос.безопасности, и, когда он понял, что на границе психология играет роль не последнюю, после службы в армии он, я так понял, окончательно определился с выбором. Из дискуссии с ним я понял, что психология вот там на него... оказала решающее влияние и воздействие. Вот я тут не буду обсуждать базовое образование. Мое видение, что психология — это одна из немногих профессий, которая становится делом жизни, она является призванием на самом деле. И мое видение, что если нет оптимистического настроения и любви к людям вообще, и к человечеству в частности, вряд ли кто-нибудь этим займется. Поэтому в отличие от людей с технократическим складом ума, в гуманитарных науках в плане их специфики самое главное — это любовь к людям. Вот это качество было ему присуще и стало, наверное, основанием его профессионального выбора. Почему? Потому что даже в армии очень много негативных явлений, особенно со старослужащими, он столкнулся с этим реально, и понял, что без психологии многие проблемы не решаются...

11. Я под внешними факторами понимаю ту среду культурную, в которую он был погружен. Конечно, институт психологии на него оказал решающее влияние в том плане, что он действительно прошел те научные школы, где Борис Федорович Ломов заложил традиции... Та школа, которая была заложена в советские времена, она дала целую плеяду блестящих ученых, и он один из этой плеяды.

12. Прежде всего, у нас были с ним в силу неформальности, доверительность некоторая отношений, меня в нем подкупала искренность и живое участие. Он если какие-то проблемы обсуждал и вникал в них, то делал это очень глубоко и системно. То есть не было такого, чтобы он на проходе давал советы. Если брался за что-то и обсуждал, то у него склад ума такой математический, он все приводил в систему. С ним было общаться одно удовольствие. Мы всегда находили общий язык даже по сокровенным вопросам, я уж не говорю по научным. Он все умел раскладывать... вот позиции системного подхода... у него ко всему был такой подход. Всегда относился очень серьезно даже к житейским вопросам.

13. Прежде всего, колоссальная работоспособность и трудолюбие, честность и пунктуальность во всех делах, которыми он занимался. Он никогда не кривил душой, и всегда с него в этом плане его ученики брали пример. Он все делал чистыми руками, т.е. если он ссылался, меня поражала его способность... Он всегда умел цитировать не просто как реферирование, первоисточники он никогда не искажал, и не с чужих слов это делал, а у него все было в библиотеке, в его компьютерной базе данных. Учиться цитировать я учился у Дружинина, хотя у меня не всегда получается... Я часто сам ссылки на ссылку делаю, и искажения здесь неизбежны, особенно в пользовании интернетом. У него все книги, на которые он ссылался, были первоисточниками, в личной библиотеке. Здесь у него тоже было чему поучиться.

14. Он работал 33 часа в сутки и при этом 8 часов у него оставалось на отдых, т.е. он, собственно говоря, не отдыхал... Для него наука и работа были совмещены как хобби, т.е. он удачно совмещал в себе ученого и человека, который в житейском плане продолжает заниматься психологией не только на уровне научных идей, но и своих действий, поступков. Я еще раз повторю, что он действительно был, с точки зрения житейской психологии, очень мудрым не по годам. Продолжал заниматься психологией не только на уровне научных идей, но и своих действий, поступков. Я еще раз повторю, что он действительно был даже с точки зрения житейской психологии очень мудрым не по годам, очень мудрым был человеком.

15. У него, наверное, трудности не в научной деятельности, а как у всех истинных ученых, когда он стал зам.директора института психологии по научной работе, основная трудность в том, что он не любил чиновничью работу, административную, это его тяготило... Трудности у него, в основном, были связаны именно с этими аспектами. Институт психологии – специфическая организация... Он всегда говорил: «Ты пришел к должности или к личности?» ...я говорю: «И к тому, и к другому» – «Нет, ты пришел к личности, плюнь ты на мою должность потому, что не это главное в решении проблем». Некоторые кичатся званием, должностью, он как раз кичился своим интеллектом, если можно так говорить. Т.е. для него было характерно полное отсутствие тщеславия... В молодые годы, он же был

ученик Шадрикова, это ярославское крыло... Шадриков был зам.министра... и конечно Шадриков принял непосредственное участие в его становлении как администратора ...

16. Известно, что все ученики его обожали при жизни, начиная с Воронина, и вся его лаборатория...

17. Стиль руководства у него смешанный, как и у всех, ситуативно-демократический. Ему чужд был либерализм во всех его проявлениях. Он никогда попустительством не занимался. Цитируя Анатолия Лактионовича Журавлева, он сказал: «...на самом деле, стиль – это понятие относительное. Для ученого должен быть чужд авторитарный стиль. Для администратора, чиновника это приемлемо, а ученый должен быть демократом в хорошем понимании смысла этого слова, двери его должны быть открыты...».И он это на практике демонстрирует. Человек, который занимается наукой, он никогда не ставит административных барьеров, если он действительно любит эту науку...

18. Я считаю, что у него собственная научная школа. Все стороны его многогранных трудов, таланты его как ученого-исследователя... Я бы, наверное, назвал это энциклопедистом, редкое качество человека, которого нельзя отнести ни к какой школе, он сам по себе энциклопедист. Он был представителем всех школ. Как наш общий знакомый ... говорит: «У него была своя научная школа с детских лет, он родился со своей научной школой».

19. Без сомнения, я думаю, что научная школа Дружинина – это как раз и есть экспериментальная психология и специальные способности, и теория интеллекта...

20. Мы поддерживаем отношения с Ворониным, часто встречаемся...

21. Его экономическая психология, которой, на мой взгляд, плодотворно занимаюсь и в эргономике... Основа – это экспериментальная психология, те работы, которые он заложил, начиная с организации планирования эксперимента, заканчивая формированием выборки и интерпретацией результатов... И не только экспериментальная психология... я не представляю себе, как можно без книг Дружинина организовать современное исследование, потому что он удачно сочетал в себе теоретика и практика, именно благодаря экспериментальной психологии, включая дифференциальную психометрику. Кстати сказать, немногие знают, что он единственный совет открыл в институте психологии, по нему ни одной защиты не было... Но был совет по дифференциальной психометрике, по конструированию тестов, это исключительно его и Шадрикова заслуга. К сожалению, ни одной защиты по валидности и надежности тестов так и не было. Вся психодиагностика страдает, потому что Дружинина не стало. Стронникам патентования и базы данных отечественных психодиагностических методик по тестам специальных способностей... Я думаю, это направление еще получит развитие...

22. Они связаны с критериально ориентированным тестированием, с моделью Корта, как он ее называл, построенной на модели Раша связанной с валидностью и надежностью, с обоснованием тестов как интеллектуальной собственности. Если мы решим проблему, которую он ставил, связанную с валидностью, надежностью и оценкой их... найдем отличительную часть формулы изобретения. Тест – это изобретение. Здесь его вклад неоценим просто. На самом деле, я думаю тогда отечественная психодиагностика сделает громадный скачок, потому что у нас есть хорошие математики и психологи, но они никак не найдут общий язык...

Б Т

1. Наиболее известны публикации, связанные с психологией способностей, работы по диагностике способностей, экспериментальная психология... Он был редактором, у нас выходила эта книга, сейчас она называется «Психология XXI века», тогда она называлась «Современная психология». Он был главным редактором, много сделал для написания этого энциклопедического по сути дела сборника о современных направлениях психологии... Была у него такая философская книга «Очерки по экзистенциальной психологии», «Психология семьи». Но в основном он больше известен в области психологии способностей.

2. Мне кажется, что Владимир Николаевич был человек весьма творческий и очень плодовитый, в этом смысле ему, конечно, мало времени удалось прожить...он бы сделал, наверное, больше. То, что он успел за такую недолгую жизнь, это тоже впечатляет. Этот человек был весьма перспективным, одаренный в науке и в научном поиске, поэтому, я думаю, здесь конечно должна быть высокая оценка его деятельности, его наследия.

3. Это то, что связано с диагностикой психологии способностей, с диагностическими методами.

4. Да приходилось. Он был организатором ГАУГНа, и тогда он меня пригласил начать там работать с магистрами...

5. Можно сказать, я из-за Дружинина не ушла из института, потому что у меня были как раз такие намерения. Были такие времена, 90-е годы: денег не платят, все не стабильно, непонятно, как дальше существовать... я думала – уйду в практику, ходила всякую профессионализацию в терапии получала. А В. Дружинин пригласил меня остаться в ГАУГНе... Задержалась я в этой области благодаря Дружинину. Вот так до сих пор и осталась.

6. Трудно судить...у него были многообразные интересы, последнее время он ушел больше в область общей психологии, социальной психологии, методологией занимался... Мне кажется это в той области, с которой он начинал – психология способностей, диагностика, методы. Такая критическая позиция была у него в отношении методик, которые

у нас в стране тогда существовали. Он был большой популяризатор психологии, очень много написал учебников. Мне кажется, что здесь тоже есть определенный результат. Учебники он писал очень неплохие по психологии, общей психологии, экспериментальной...

7. Значение практическое потому, что это непосредственно применяемые в исследовании методики. Это очень четко в психологическую практику входит...

8. Про его семейное воспитание лично не знаю. Но помню он бегал, играл со студентами в футбол. Много у него было энергии. Знаю, что он, вроде, стихи писал. На похоронах много людей о нем говорили, и я так удивилась, узнала это. Такие особые художественные интересы были. Действительно человек был творчески одаренный.

9. Я знаю, что он учился не в Москве а в Ярославле. Думаю, что в немалой степени то, где он учился, сыграло роль, потому что в Ярославле достаточно мощная психологическая школа. Там до сих пор методологические семинары проходят, люди такие интересные... Можно слышать и видеть их уровень. Потом он с Шадриковым был очень близок, дружен. В годы его обучения, становления как профессионала, он сыграл свою роль. Опять же сам он был человек достаточно честолюбивый, у него было много планов, он их достаточно успешно осуществлял: быстро сделал кандидатскую, докторскую, стал руководителем, зам.директора института... Он был ориентирован на профессиональный рост, на карьерный рост, все у него получалось.

10. Не знаю, какие могли быть причины... Мне кажется, что он сразу поступил, он как-то про себя рассказывал, я не помню... давно было уже...

11. В данном случае внешним можно считать, где человек, в конце концов, начинает работать. И, может быть, тот факт, что он пришел в институт наш, защищался у нас здесь – это тоже сыграло свою роль. Он мог бы остаться в Ярославле или поехать в какой-то другой институт защищаться, может у него как-то по-другому судьба сложилась. А здесь именно для него то, что он попал в институт психологии в те времена... Он уже был у нас, когда еще Ломов был жив. Может как внешний фактор это и сыграло роль для развития научной карьеры, что он остался именно в академической науке, именно в фундаментальной науке.

12. Он был очень открытый человек, общался очень демократично, не было у него пафоса – вот я – доктор наук – хотя, конечно, как каждый человек, который к чему-то стремится, чего-то достигает, определенная гордость, уважение к себе у него были. То, что он молодой доктор – все это было. Но вот в личном общении он всегда был веселый, открытый, шутил, у него чувство юмора было неплохое.

13. Его нацеленность, целеустремленность. Человек, который поставил себе цель, достигал ее. Был очень работоспособен, много читал, переводил, следил за научными новинками, никогда не останавливался на достигнутом. У него всегда появлялись новые

сферы интересов. Он для себя не закрывал возможные пути. Занимался одним, потом начал активно заниматься педагогической деятельностью, организаторской, лекции читал, журналами руководил и не только в узкой области психологии способностей. Мне кажется, что особенность его была именно такая, что он был человек внутренне открытый к широкому научному поиску ... Неудовлетворенность в нем присутствовала. С кем-то (я не знаю с кем) себя сравнивал, стремился показать, что ничем не хуже. Не сказать, что это было какое-то хвастовство. Презентация себя как человека, который много знает, впечатление такое оставалось.

14. Не могу, потому что стиль для меня – это какая-то условная вещь, особенно в научной деятельности. Я его, конечно, знала больше со стороны научно-организаторской, поэтому по поводу стиля не могу ничего сказать.

15. Трудности всегда есть у любого человека. Честолюбивый, добивается своего, стремится вперед. Не с первого раза докторская у него прошла, он ее не сразу защитил с первого раза, потребовалась доработка, и он не отступил. Условия труда у нас у всех остаются примерно такие же, как сейчас. Все-таки институт академический, финансирование было нестабильное. Такие условия труда заставляют людей искать и находить еще какие-то варианты приработка, поэтому многие уходили именно в преподавательскую деятельность. Это тоже были трудности своего исторического времени...

16. Дружинин был зам.директора института при Брушлинском... В целом были хорошие отношения...

17. Он много брал на себя, зажигал людей своим интересом. Потом, конечно, возникал момент, когда он передает часть дела, он уже от этого отходит, как бы это уже не его. Он начинал, а дальше со стороны больше наблюдал, хотя, может, так и надо, это и есть стиль руководителя, когда функции переданы – чего туда лезть, все и так работает. Когда начинали ГАУГН, он много писал программ, вот эту научную часть работы делал. Но эта формальная сторона никогда его не интересовала... Такой руководитель был демократический, но не строгий, не очень сильно контролирующий.

18. Широко – это ярославский университет, ярославская школа. Более узко – это школа Шадрикова, психология способностей. Думаю, что к этой школе.

19. Тут не совсем просто. С одной стороны, Дружинин был человеком, который достаточно много написал, сам был достаточно ярким автором интересных работ. Но школа – это все-таки продолжатели. Если считать, что у него была группа – да. Группа была. Насколько сейчас они сохраняют интерес к его позиции, я не знаю. У него были диссертанты, под его руководством писались кандидатские диссертации... Насчет создателя собственной школы – здесь не так просто. Школа должна иметь последователей. Должны

быть устойчивые методологические позиции. Мне трудно сказать, можно ли это назвать школой.

20. Горюнова, Воронин... Не знаю, кто еще может быть.

21. Поскольку до сих пор учебники пользуются популярностью, их читают с удовольствием, наверное, да. Насколько идеи и концепции – это другой вопрос. Надо, чтобы идеи и концепции были четко описаны, осмыслены и дальше уже использованы в какой-то практике. Что сейчас используется, не могу сказать.

22. Здесь мне очень сложно, я не знаю, что радикально нового было в его позиции. Может разделение понятия креативность и интеллект. Мне кажется, что это у него было.

Е Т

1. Многие известны, но сейчас не буду перечислять. На самом деле меня все его публикации никогда не интересовали. Я знаю, у него есть научные работы, у него стихи опубликованы. У него есть замечательная книга Варианты жизни.

2. Как человек увлеченный, у него много интересных вещей. Есть люди, которые просто для галочки работают. А он всегда докапывался до чего-то интересного, поэтому это уже определяет, что вклад его был. Вообще спешил работать, делал это с увлечением, с утра до вечера. Утром приходил, чтобы что-то написать. А мы знали, что с утра Дружинин на работе, остальные приходят где-то к полудню. С таким отношением к научному творчеству он многого достиг.

3. Это я не буду говорить. На самом деле тема научная, которой он занимался, не моя тема, поэтому я постольку, поскольку знаю. Всех его работ я точно не знаю...

4. Да. Поскольку наше общение было больше дружеское на таком уровне, поэтому назвать его работы не могу, не хочу ничего оценивать.

5. Скажем так, не всякий руководитель такую черту имеет. Он старался как-то продвигать людей, чтобы они достигали следующих этапов. Такая творческая личность даже на таких людях, как я, способна оставить отпечаток.

6. -

7. Одаренность, развитие интеллекта, поиск людей для того, чтобы выделить более творческих. Это самое что ни на есть практическое... чтобы дети становились умными, талантливыми, творческими.

8. Насчет семейного воспитания не знаю, он не распространялся. Интересы: футбол со студентами. Любимое хобби – астрология.

9. Чтобы говорить про среду, нужно знать эту среду, а я не знаю.

10. Это к нему.

11. Может быть даже положительная роль, он как бы спешил жить... В то время он считался самым молодым доктором по психологии. Может быть вот такое противодействие. Такой внешний фактор, что приходилось пробивать.

12. Стабильность в отношении к людям, я не могу сказать, чтобы он кого-то там ненавидел. Достаточно ровный ко всем, не допускал каких-то сильных размолвок. Человек достаточно вспыльчивый был, но если кто-то в окружении ссорился, он старался сделать все, чтобы примирить людей. Это очень хорошее качество в человеке.

13. Это я уже говорила, упорство. Собственно, несмотря ни на что, ни на обстановку, ни на какие-то революции, контрреволюции, просто делает свое дело. Когда есть дело, все остальное прикладывается.

14. Нет, не могу.

15. Нет, не было.

16. Знаю со стороны, что он любил чего-то потребовать как руководитель. Но народ нормально на это реагировал, все нормально решалось.

17. Желание продумать что-то на перспективу, сделать что-то до конца и хорошо, поддерживать тех, кто работает.

18. Я не могу сказать.

19. Не люблю я эти все научные школы...

20. Да, естественно.

21. -

22. -

ДУ

1. Структура и логика психологического исследования, Когнитивная психология, учебник Психология для гуманитарных наук, Современная психология, Психология общих способностей, Когнитивные способности, Варианты жизни.

2. Моя оценка его научного наследия очень высока. У меня очень высока оценка его как личности, как человека очень способного, брызжущего идеями. Вот в психологии есть шутка, что каждый занимается тем, чего у него нет. А вот Дружинин это прямая противоположность. Очень высокий интеллект, очень большая скорость мышления, скорость мышления социального в том числе, ну и предметного тоже, необычность идей. Отсутствие подчинения авторитетам в обе стороны. С одной стороны, неуважение даже к авторитетам, с другой стороны, готовность слушать, читать, обращать внимание на что-то, что исходит из абсолютно неавторитетного источника... У него россыпь идей, но опять же его особенность – не приведение идей в систему... Вы даже, если возьмете его тексты, они написаны так: чуть ли не каждая фраза с нового абзаца. Мысль бросается, и бросается следующая,

бросается следующая. Поэтому часто нужно делать какие-то дополнительные усилия, чтобы это связать и прочитать. Таков стиль его мышления был, очень быстрого и не склонного к тому, чтобы проработать в деталях. Он был человеком, который только бросал идеи.

3. Наверное, я все-таки так бы сказал... значимую я бы переформулировал в повлиявшую на меня. На меня повлияли две вещи. Во-первых его работы со средовыми влияниями. Там где он создал в частности, что влияние на интеллект связано со степенью эмоциональной близости. Не обязательно мать, не обязательно отец, но более эмоционально близкий родитель. И второе, наверное, это идея диапазона. И я бы даже так сказал – идея асимметрии, представляющей собой одну из подчастей идеи диапазона. Плюс к этому, если говорить о повлиявших на меня, то это не идея, а сам стиль. Я бы сказал, что он показал мне, что психология интеллекта может быть красивой... Это такой пример, который должен понравиться, который должен быть красивым и эмоционально зажечь. Тогда человек хочет делать то же самое. Вот у меня таким примером был Дружинин, вне зависимости от какой-то конкретной идеи. У него был стиль мышления, с одной стороны, очень точный, ясный. Ясно видел структуру, в том числе математические структуры организации эксперимента. Как сделать, чтобы структура вышла. С другой стороны, изобретательный. И связь вот этой структуры искусственной психологического эксперимента, с какими-то вещами из жизни. Кстати он обладал, немножко я отклоняюсь от ваших вопросов, исключительной эрудицией. Я уже не помню, что было раньше, а что позже, может порядок перепутаю. Вот я собрался ехать в Словакию, посмотрел перед этим насколько интересно, что там делалось в веках истории. Зашел к нему, стал с ним это обсуждать. В следующий раз я поехал в Шотландию и узнал разные факты из истории Шотландии XVII века. Я решил его проверить, и он мне начал рассказывать историю Шотландии XVII века, там сепаратисты шотландские, там Роберт Бернс. А я говорю: «А Роберт Бернс примыкал к сепаратистам?» - «Да нет, не примыкал. Они скорее его использовать хотели». Вот такие вот вещи, но кто их знает из неспециалистов, неисториков? А он такие вещи знал в области истории, географии – познания совершенно колоссальные. Это же было вот такое выборочное тестирование, абсолютно не было оснований считать, что он откуда-то это знает.

4. Да, вот это да. Думаю, что это наиболее яркие впечатления именно интеллектуальные. Поэтому он был несчастным человеком, но это лучше не обсуждать. Мы с ним познакомились в школе молодых ученых, когда я был первокурсником, наверное, это был 1981-1982 год, а ему соответственно было тогда 26-27. Кстати, уже тогда к нему относились очень уважительно. Я работал в его лаборатории с 1994-го по 2001 год под его непосредственным начальством... Немножко автономно, но тем не менее на всех заседаниях лаборатории присутствовал. Там я собственно его и оценил, потому что со стороны я его

как-то так не особо ценил, но когда я увидел его вблизи, я был пленен его способностями. Он никогда не давал тем или каких-то заданий. За исключением вот этой вот совместной работы над книжкой, которая завершилась уже после его смерти. Именно, потому что я его видел, его образец мне очень нравился.

5. Я бы сказал так, что очень существенную. Более существенную, чем можно было бы подумать по каким-то формальным вещам. Именно потому, что его образец вызвал у меня интерес к этой теме. Более того, я думаю, что в результате то, что сейчас делается в России по интеллекту, это фактически все произошло от него. Даже у тех людей, которые его знают - не знают, непосредственно не связаны, они этим занимаются, потому что он был... Да, если бы не он, я бы не занимался интеллектом абсолютно точно, я бы занимался мышлением. Я бы не занимался интеллектом в смысле индивидуальных различий.

6. Я думаю, что в области интеллекта им и получен наиболее значимый для науки результат, потому что это все-таки основное его занятие. Варианты жизни – это любопытная вещь, это опять же интересно как игра ума и так далее. Но это все-таки один какой-то мазок, за которым не последовало других. А психологию интеллекта он разрабатывал систематически.

7. Не могу сказать... Конечно, это все-таки фундаментальная наука, интересовался он фундаментальной наукой и для нее работал. Можно перечислять тот же интеллект, тесты интеллекта, соответственно профотбор, проблемы одаренных детей. Но они вторичны по отношению к фундаментальным разработкам.

8. Я могу только одну вещь припомнить, это было какое-то собрание по одаренности, и он там стал обсуждать проблему одаренных, говорить: «Вы, извините, что я себя вспоминаю, не хочу относить себя к одаренным, но могу сказать. Вот у меня мама была учительница, и я у нее учился...» Соответственно, Володя быстро все схватывал. Я могу себе представить, с такой скоростью соображения и с такой памятью особо ему нечего было делать в классе. И мама сказала ему: «Сиди себе в уголке, молчи и никому не мешай». Вот так он сидел всю школу. Все учились, а он сидел в уголке и никому не мешал. Это то, что я знаю про его детство и воспитание... Он писал стихи, они были многие неплохие. Но сам он себя считал неудавшимся поэтом. Где-то у него есть фраза, как раз к вопросу, что каждый занимается тем, чего у него нет: неудавшийся поэт занимается психологией творчества. А хобби... он что-то мог делать руками, они там с Дорофеевым строили какие-то дома... Не знаю, хобби ли была история, он знал многие вещи. При этом конечно, как и все способные люди, он был в первую очередь увлечен своим делом.

9. Мне кажется, что он сознавал себя провинциалом, он был из Ярославской области, заканчивал Ярославский университет. И он всегда считал, что здесь в Москве он какой-то

немножко чужой. И это влияло, он сознавал свои способности, очень хотел признания. При том, что он был в своем поведении импульсивен. Хотя в каких-то ситуациях он прекрасно понимал социум, но при этом иногда вел себя в нем совершенно не адаптивно. Он хотел добиться успеха и в общем-то понимал среду, но действовал так, что он его не добивался. Достаточно сильно переживал из-за этого, считал, что в этой среде у него нет пути, что он не пробьется и так далее. Хотя, в общем-то, в 35 он стал зам.директором, доктором наук в 33 или 34, защитил со второго раза докторскую. Потом стал директором ГУГНа, сам директор и декан. Я его самого, кстати, спрашивал, поскольку он говорил об образцах креативного поведения. Я спросил, кто был, и был ли у него такой образец креативного поведения? Он что-то такое промывчал, но назвал, как ни странно, Немова, которого я лично, например, не знаю. И он автор каких-то там странных учебников. Так что у него собственно по большому счету... учитель Шадриков, но фактически он тогда его не назвал.

10. Вот понятия не имею.

11. Я рассказал уже про среду.

12. Тоже я сказал. Он был в личном общении достаточно непредсказуемый, демократичный, легкий, я бы сказал.

13. Я думаю, что он очень типичный креатив. Вот как описываются в психологии творчества черты личности креатива: независимый, импульсивный, со своеобразным таким, иногда довольно холодным юмором. Это довольно классические черты креатива. Собственно креативность – это и есть основа его научных достижений.

14. Вот есть такие ученые как Гальтон, которые способны схватывать какие-то существенные эмпирические закономерности. Вот он был таким, он схватывал. При его способностях очень глубокого точного теоретического мышления, он не входил в слишком длинное теоретическое мышление, то есть построение слишком длинных теоретических систем. Он был склонен создавать простые теоретические системы и ухватывать с их помощью какой-то кусок эмпирии. Вот в этом, наверное, был его стиль характерный. Что собственно Кречмер пишет о шизотимиках и циклотимиках. Он пишет о шизотимиках, создающих некие теоретические замки, и циклотимиках, более эмпирически ориентированных. По классификации Кречмера он был ярко выраженным ученым циклотимического типа. И при этом генератором идей, бросающим идеи. Гением начатые труды, быстрый росчерк и что-то получил.

15. Были конечно, но он очень много времени проводил в институте. У него был достаточно большой объем административной работы, как у заместителя директора. Правда с ней он справлялся быстро, не любил долго думать, и решения принимал быстро. Много времени проводил в институте. Я так понимаю, потому что дома у него особых условий для

работы не было. Поэтому у него лучшие условия работы были в институте. И плюс к этому, он конечно должен был много думать на всякие социальные темы, это конечно отнимало много времени и сил. Он не имел возможности жить исключительно в царстве науки.

16. Я сам был членом этого коллектива. В общем, в этом коллективе не было никогда никаких выплескивающихся на поверхность проблем. Как везде конечно всегда бывали какие-то внутренние неудовольствия и прочее. Но такой серьезной проблемы никогда не было. Что касается отношений с коллегами, я думаю, очень показательны похороны, когда было множество народу, очень много. И я помню, что кто-то пришел и сказал, что нам читает лекции лучший психолог России – Дружинин. Я думаю, что коллеги в общем к нему очень хорошо относились, ценили его талант, его такую жизненную позицию. Хотя конечно у него тоже были люди, с которыми он был не в хороших отношениях.

17. Он действительно был лидером, и скорее не очень уживчивым с начальством, по крайней мере не уважавшим начальство. Вот эта вот особенность у него была. Знаете, он по знаку зодиака был лев, и у него манера была такая львиная, немножко небрежная.

18. К Ярославской.

19. Да, я думаю, что да.

20. Себя. Не, конечно себя во вторую очередь. У него был ближний круг, который включал Воронина, Бирюкова, Горюнову и собственно чуть более дальний круг – это я, в какой-то степени может быть Холодная. Но Холодная была уже сложившимся человеком, доктором наук со своим направлением, когда она пришла в лабораторию. Потом его аспиранты: Воробьева, которая сейчас в Ростове-на-Дону в Южном Федеральном Университете. Не знаю других его аспирантов, которые заняли бы такие позиции, по крайней мере, Воробьева доктор наук, профессор.

21. Да, по крайней мере, я стараюсь. Я вам говорил, что хотя бы эта идея ассиметрии, я бы хотел ее развивать. Прямо сейчас мы проводим исследование на эту тему.

22. Да, у него множество радикально новых научных идей в разных областях. Некоторые мысли из них мы с вами проговорили. Просто их очень много, и они все не просто темы, а там идея, там идея. Ну, например, мы не говорили еще про область креативности. Там тоже были идеи связанные с активным бессознательным, с пассивным бессознательным, пассивным сознанием. У него были идеи такого общепсихологического плана, которые я никогда не понимал, и сейчас не понимаю. Наверное, там что-то в них есть, идея, например, некоего материального субстрата психического. Я это устно от него слышал, в его докладе в свое время. Устраивал такую школу на тему психология будущего, не будущий интеллект. И вот там он делал доклад, оттуда эта идея, она там как-то у него была более развита. Может быть, это из предисловия к первой части Когнитивной психологии,

может быть это из его Когнитивных способностей. Это где-то мельком, я ее не очень разделял и не очень разделяю. Но поскольку он был человеком очень умным, я думаю, что в этом что-то есть. От Шадрикова пошло занятие способностями как функциональной системой... Но до Дружинина никто не занимался интеллектом в собственном смысле слова. Вот это выбрал и стал это делать сам Дружинин.

М X

1. Мне они все известны, потому что они все проходили через мои руки.

2. Оценка наследия очень высокая, потому что Владимир Николаевич был первым... Заложил основы изучения общих познавательных способностей в отечественной психологии. Это очень важно.

3. Самая ранняя его работа по докторской диссертации. Она тогда меня поразила. Называлась она Психодиагностика общих способностей. В свое время она была с кучей каких-то идей, совершенно неожиданных, очень ярко было.

4. Приходилось. Он меня на работу взял в свою лабораторию за пять минут. Это очень характерная для Владимира Николаевича манера поведения. В 1994 году я переехала с Украины в Россию и сразу пошла в Институт психологии. Дело было в июле. Институт был пустой. Предварительно я разговаривала с Брушлинским. Он сказал: «Да...можно, но трудно...» Когда я пришла второй раз, никого не было. Был только один Дружинин. Мы с Владимиром Николаевичем тогда еще знакомы не были, но как автора я его, конечно, знала... Я зашла к нему в кабинет, представилась. Он сказал: «Да-а! Как хорошо!», – открыл ящик своего стола и достал какую-то брошюрку на английском языке, где он меня упоминает... Говорю: «Вот, хочу работать в ИПРАНе... Но ставок нет и только в крайнем случае полставки...» – «Как! Я вас к себе возьму. Подождите», – он исчез ровно на 5 минут, вернулся и сказал: «Пишите заявление на ставку в моей лаборатории». Вот так я стала работать под руководством Владимира Николаевича. Я это помню. И для меня это, естественно, с тех пор одно из незабываемых впечатлений, связанных с московской жизнью. Так что лично мне с ним приходилось общаться много, особенно, когда он был завлабом. Стиль общения у нас был в основном предельно уважительный.

5. -

6. -

7. В области психодиагностики способностей, мы вместе с ним участвовали в разработке Рабочей концепции одаренности, и он очень много там сделал, в частности, его раздел – это диагностика одаренности, методы выявления одаренности, он там сформулировал очень много позиций, важных для практики. Причем, что меня еще поражало, он был классическим специалистом психометрического подхода, но никогда он не

абсолютизировал позицию психометрического подхода, он всегда выходил за его пределы. Если бы он еще жил, я абсолютно уверена, что он этот психометрический подход разнес полностью, потому что он уже выходил за пределы, он понимал ограничения позиции психометрического подхода.

8. Нет, я только знаю, что он обожал в футбол играть и писал стихи.

9. Во-первых, обучение на факультете психологии Ярославского университета, это однозначно, потому что там Дружинин был один из лучших студентов. Там он находился в атмосфере свободного профессионального поиска, его там никто не давил, не ограничивал. Мне кажется, что обстановка студенчества на него оказала большое положительное влияние. Второй фактор, это, несомненно, влияние и общение Шадрикова. Это один из самых квалифицированных современных отечественных психологов. Работает он чрезвычайно творчески всегда, и Дружинин начал с ним общаться очень рано, еще тогда, когда Шадриков работал в Ярославле. И это очень важно.

10. Не знаю, понятия не имею. Это интересный вопрос, но не знаю...

11. Внешние факторы? То, что он стал заместителем директора... это серьезно повлияло, я считаю... С одной стороны в негативном плане, потому что он слишком много времени уделял организационным вопросам, с утра до вечера можно сказать. И в очень трудное время он продержал институт потому, что он очень эффективно решал эти организационные вопросы, но это отвлекало его от научного дела. Он был очень озабочен своей карьерой статусной. Для него это было очень значимо... Я с ним на эту тему не то, что спорила, я ему говорила, что надо заниматься научной работой. У тебя куча направлений, куча дел научных, надо на них сосредоточиться, а избрали - не избрали в академики, кому это нужно. Это вот, по-моему, внешние факторы – его занятия орг.вопросами, и чрезмерное внимание он уделял вот этой своей статусной карьере. На мой взгляд, не надо было этого делать. Он – ученый, чрезвычайно яркий ученый и поэтому надо было просто заниматься научной работой.

12. Его одаренность, конечно. Это был человек одаренный, с ним было очень интересно разговаривать. Любое собрание в лаборатории было интересным. Он все время формулировал какие-то интересные идеи. Постоянно. Он фонтанировал ими. С ним было интересно общаться профессионально. И он очень четко чувствовал профессиональные качества других людей, хотя был очень доверчивым. Он мог ошибаться в оценке других людей, доверял очень людям... чересчур, мне кажется. Но вот, все-таки профессиональные качества у него были на первом плане. Еще в нем мне очень нравилось, что он такой эмоциональный и горячий. Он был очень искренним: что думал, то и говорил. Мне это в людях очень нравится. Для него это было большой проблемой, потому что у него возникали

конфликтные ситуации: он говорил что-то такое, что людей обижало. Он бы мог подумать и не сказать, а он говорил и всегда был прав, редко ошибался... Его искренность мне очень нравилась. И, конечно, его профессионализм, потому что он очень интересно работал в профессии своей.

13. То, что он был очень импульсивным. Это приводило к тому, что он не боялся выдвигать новые идеи... Это очень хорошее качество для ученого, потому что тогда нет внутренних тормозов на этапе рождения идей. Эта импульсивность для научной его карьеры было очень полезной. С другой стороны, был тоже минус. Он никогда ничего не дорабатывал. Никогда, к сожалению. Не было у него такого. Он идею выдвигал, иногда он писал статью. Самые хорошие статьи у него были написаны вместе с аспирантами, т.е. писала аспиранты практически. Вот эти статьи были более или менее ничего. Его собственные работы, это было такой вот поток текста, в котором практически невозможно править... Если бы он пожил еще, он бы организовал это, систематизировал, наверное... Но, к сожалению, не успел. Еще способствовало... во-первых, импульсивность, во-вторых, отсутствие страха, он ничего не боялся, он был очень смелым человеком по жизни и в науке, поэтому он уходил в любые области.

14. Очень разносторонние интересы, очень креативный подход, необычные идеи, он все время хватался за эти идеи, он сам их рождает. Он был человек... очень жадный до новых идей и чувствительный к новым идеям, он их не прорабатывал, не отработывал. Это стиль научной деятельности – вот эта высокая чувствительность к новым идеям, способность породить новые идеи...

15. Главная трудность, я считаю, что он на каком-то этапе увлекся организационной карьерой, потому что такие, как Дружинин должны заниматься наукой, я считаю, а у него была такая вилка – научная работа и организационная работа. Он был самолюбивым очень... хотел быть главным, лидером, хотел быть на первых позициях. Например, был чрезвычайно травмирован тем, что его не выбрали в член-корреспонденты РАО... И мы с ним на эту тему часто говорили, и я старалась его успокоить и сказать – не надо тебе туда, не там твоя жизнь, твоя жизнь в лаборатории, в твоих книгах...

16. С коллегами были отношения двойственные... некоторые его очень любили, некоторые очень не любили... опять же в силу его характера, он был человеком очень импульсивным, очень откровенным, очень резким, очень нелюдимым отпуская оценки иногда, причем совершенно справедливые. Такого не было, чтобы он сказал... неправду о человеке... человек очень достойный, а он чего-то сказал... никогда такого не было. Но эта объективность людям очень не нравится, поэтому прямота часто была связана с конфликтами. У нас в лаборатории климат был вполне нормальный. Я знаю, что у него были

мелкие конфликты с сотрудниками. Со мной никогда не было конфликтов. Мы всегда с ним замечательно ладили. Для меня его гибель была очень тяжела в том смысле, что я потеряла средство защиты в его лице. Мне сразу пришлось брать лабораторию, все это легло на меня. За его широкой спиной я существовала замечательно, это были лучшие годы моей научной работы при Дружинине.

17. Пожалуй, одно из самых важных качеств – это умение продуктивно действовать в стрессовой ситуации. Он был руководителем и лидером института и в институте как замдиректора. Это было самое трудное время, перестройка, когда все разваливалось, расплывалось... И тем не менее он сумел продержаться институт, он прекрасно себя проявил как зам.директор, руководитель института, обладающий прекрасными лидерскими и организационными качествами. Потом он создал факультет психологии, он там был деканом, а это 90-е годы, когда он с нуля все собирал. Поэтому я считаю, что его качества руководителя были очень высокими.

18. Это тонкий вопрос, сложный. У нас тут одно время была попытка говорить со стороны руководства института о школе Дружинина... У Дружинина не было школы как таковой. Понятие научной школы должно отвечать определенным критериям. Он был очень продуктивным и одаренным ученым, но школу он создать не успел... Есть школа Шадрикова, это, да. И, наверное, Дружинин включен в эту школу. Я думаю, что Шадриков так именно и думает. Как думал сам Владимир Николаевич, я не знаю. Я считаю, что к школе Шадрикова: психология способностей, вся эта парадигма способностей.

19.

Я считаю, что нет. Должны быть аспиранты, которые тоже стали ведущими учеными. Они все исчезли, ни одного не осталось. Осталась только Горюнова... Не было школы... Это печально, но это факт, не успел... Он спокойно мог бы ее создать, я не сомневаюсь, лет через 10-15, если бы еще жил...

20. Не могу я их назвать...

21. Конечно, мы этим и занимаемся сейчас в лаборатории. Например, одна из самых перспективных идей – это идея, у него она называлась идея когнитивного ресурса, а у нас лаборатория психология способностей и ментальных ресурсов, мы ресурсный подход считаем очень важным. Потом, конечно, ситуативные факторы в самом широком варианте, мы тоже сейчас пытаемся работать и изучать психометрический интеллект и креативность... Мои аспиранты это делают, но с учетом более широкого контекста, в том числе и ситуативных факторов... Одна из самых блестящих идей – я даже вместе с сотрудниками Владимира Николаевича выступала буквально год назад на одной серьезной конференции и даже статью подготовила – это идея голографической природы психики. Он ее бросил

только в одном докладе, мы этот доклад опубликовали, я его нашла, отредактировала, она в этом сборнике есть. Блестящая работа, и идея сама замечательная, но она не отработана, естественно...

22. Это, по сути дела, новый подход к психодиагностике способностей. Никто у нас до Дружинина так не писал, новый подход в психодиагностике, дальше это идея когнитивного ресурса, сюда же относится идея интеллектуального диапазона, это его авторская идея, совершенно замечательная... и голографическая модель психики. Ну, конечно, такая идея радикально новая, которая выходит за пределы парадигмы психологии способностей – это конечно экзистенциальные основы человеческой жизни вот эти варианты жизни, это совершенно новая идея...

В Ш

1. Многие...

2. Если говорить о научном наследии Владимира Николаевича, то, прежде всего, я бы отметил его работы в области когнитивной психологии. Он являлся одним из крупных исследователей в области психологии способностей, в различных аспектах преломления психологии способностей... и в плане изучения детерминант, которые определяют успешность реализации субъектом своих способностей. Я думаю, что обращение к когнитивной психологии во многом пришло к Дружинину, исходя из его основного интереса к проблемам способностей. Он отличался огромной трудоспособностью и для того времени книга «Когнитивные способности» являлась достаточно уникальной, хотя она представляла собой коллективную монографию, а не монографию одного человека... А вот в области психологии способностей в свое время мы проводили серьезную работу в школах Тюменской области, в частности, в Ханты-Мансийском национальном округе. Дружинин там проводил серию серьезных исследований в плане проявления способностей в учебной деятельности. Я думаю, что эти работы остались не в полной мере использованы, хотя они имели интересный практический выход. Надо отметить, что Дружинин был энциклопедистом в определенной мере и его интересовали различные направления и сферы психологического знания. Он большое внимание уделял проблемам психодиагностики. Много сотрудничал с такой организацией как «Иматон». В плане консультирования в отношении определенных методик, которые «Иматон» выпускал. В области психологии личности и лично самого себя можно сказать у него были работы. И то, что нельзя было выразить в науке, он выражал в своей поэзии. Но в основном в сфере когнитивной психологии, психологии способностей и интеллекта – это те области, где он, по-моему, внес наиболее существенный вклад.

3. -

4. Да, начиная со студенческих лет и всю оставшуюся жизнь. Мы с ним не часто, но регулярно встречались. И в этом плане, скорее, не он сыграл роль в моей жизни, а я какую-то роль сыграл в его становлении. При общей личностной позитивной направленности он был очень вспыльчив... и в негативных суждениях это часто проявлялось по отношению к событиям, которые в стране происходили... в какой-то мере я старался, чтобы эти крайности у него не проявлялись.

5. -

6. -

7. -

8. -

9. -

10. Мне трудно сказать, какие были причины. Я только могу сказать, что в 1970 году в Ярославле открылся университет и факультет психологии. Это фактически был третий факультет психологии в Центральной России (московский, Санкт-Петербургский и Ярославский). Он неплохо развивался, а психология была, во-первых, в целом в обществе на слуху, а во-вторых, в университете такой интересный факультет, и в городе было определенное отношение к этой специальности. По всей вероятности это и повлияло на выбор психологического факультета. Хотя он бы с удовольствием и успешно учился бы на математическом факультете, и на физико-математическом. У него такой склад ума был достаточно естественно упорядоченный.

11. Я думаю, что, прежде всего, на развитии его карьеры сказались его способности, которые были оценены окружающими и руководством института психологии. Борис Федорович Ломов очень трепетно относился к молодым талантам.... Я думаю, что работы, которые выполнил Дружинин в первый период, они и повлияли на его научную карьеру дальнейшую. Думаю, что в какой-то мере перед ним были открыты перспективы, когда он стал руководителем лаборатории психологии способностей. Это целый коллектив, которым надо было управлять, и он подобрал талантливых ребят в эту лабораторию, и они успешно работали вот в этом достаточно актуальном и до настоящего времени направлении в психологии... Поэтому лаборатория жива и достойно продолжает работать... Естественно, проблематика трансформируется в зависимости от того, кто работает в лаборатории, но она достаточно эффективно функционирует.

12. -

13. -

14. Это мне трудно судить о стиле научной деятельности. Могу сказать о научных результатах – они были достаточно интересными. Я бы сказал, что в научном плане он

полностью не раскрылся, потому что это были времена, когда достаточно трудно опубликоваться. И это был период творческого накопления новых идей, которые нуждались еще в проверке. Но в плане творческих перспектив Дружинин уже был сложившимся ученым и излагал свои взгляды, допустим, читая лекции на факультете психологии МГУ, старался передать свое видение новому подрастающему поколению...

15. Надо отметить, что в определенной мере в Институте психологии после 91-го года были трудные периоды, финансирование науки и образования было достаточно скудным. В науке оставались люди, преданные ей, или которые не могли себя найти в другой сфере, и то и другое было. Дружинин в этот период работал заместителем директора института... Очень много сделал для сплочения самого коллектива, в целом коллектива института. И это, я считаю, явилось и является его относительной заслугой.

16. Работа на уровне заместителя директора одновременно существенно повлияла на его становление как управленца и сформировала определенные личностные качества, которые проявлялись потом и в других сферах деятельности. И с этой точки зрения мне представляется, что его отношения с коллегами по работе были и дружескими, и продуктивными в научном отношении. Вообще, как говорят, народ видит, кто чем занимается. И если люди видят, что руководитель даже и требователен, но и сам работает в полную меру, то и отношение к этому руководителю уважительное. Это сплачивало людей, коллектив и т.д. Дружинин в определенной мере подавал пример, как можно добиться высоких результатов в сложных условиях существования института, народ к нему тянулся.

17. Я бы отметил его научную целеустремленность, умение работать в коллективе и умение создавать такие коллективы, умение генерировать такие идеи, под которые можно увлечь сторонников. Как отдельное качество определенную импульсивность я бы отметил. Ну и самое главное – это добропорядочность.

18. У нас отнесение к школе всегда было относительным. Если говорить с точки зрения парадигмального видения, то, конечно, он является выразителем деятельностного подхода, который в отечественной психологии сформировался и является серьезным достижением отечественной психологии... В целом я бы его отнес к деятельностному подходу, который сформировался и развивался в отечественной психологии. В более узком направлении – это направление психологии способностей, в котором у нас много различных веточек. Вот он представлял собой одно из этих направлений. Я думаю, что он проявил бы себя больше в широком контексте когнитивной психологии. Мне так представляется. Хотя нужно отдать дань справедливости, с моей точки зрения, он не всегда объективно оценивал то, что сделано в нашей отечественной психологии, в психологии познавательных процессов. В частности, я не берусь дословно повторить, но он говорил, что, вот наши предшественники

что-то сделали, но это все уже старье. Отдадим им должное и забудем. Это не очень здорово и я бы сказал, что вообще неправильно. Такая установка ему мешала... Я вот мягко говорю, что его вспыльчивость, проявлялась вот в таких заявлениях, которые ему потом мешали.

19. -

20. -

21. Это вопрос очень сложный. Развитие идей возможно, когда есть непосредственные ученики, воспитанные в школе того или иного ученого и которые продолжали бы это направление. Т.е. развитие идей зависит, прежде всего, не от самих идей, а от того, есть ли последователи, которые продолжают эти работы. Причем, это, прежде всего, наверное, относится к аспирантам и молодым сотрудникам. Потому что, если говорить о докторрах наук, то они стараются свои идеи развивать дальше. Мне кажется, что такой научной школы, которая попробовала бы глубоко осмыслить все, что делал Дружинин, и найти вот эти реперные точки, на которых можно было бы строить дальнейшие исследования... Думаю, что в настоящее время нет. Мне так кажется. Но я могу и ошибаться, потому что люди, относящиеся с большим уважением к Дружинину, стараются все-таки реализовать свое видение и свои идеи. Это не так уж и необычно. Если мы посмотрим, насколько развиваются идеи наших классиков... С моей точки зрения, Дружинин полностью не раскрылся в научном аспекте... Он создал коллектив талантливых сотрудников, но не коллектив, который работал бы в одном направлении... Поэтому я бы ответил на ваш вопрос осторожно отрицательно.

22. По всей вероятности, он еще не вышел на тот уровень. Я думаю, что это время еще не настало...